

37. 45-5. 13.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

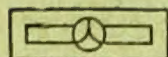
ДЛЯ

НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ.

Составилъ Н. Горбовъ.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ 12-мъ изд. въ качествѣ учебн. руковод. для низшихъ училищъ.

Издание 18-е.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.
1914.

Исторія и географія.

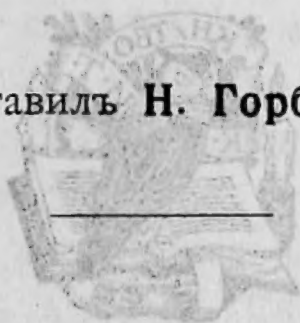
- Будиновъ, Т.—Учебникъ всеобщей географіи: Азія, Африка, Америка и Австралія. Съ прилож. 7 картъ. Изд. 3-е. Ц. 40 коп.
- Виноградовъ, И.—Восточные народы и греки. Историческіе рассказы по Геродоту, съ 5-ю картами. Ц. 75 коп.
- Гартевельдъ, В. Н.—1812 годъ въ пѣсняхъ. Собраніе текстовъ 33 русскихъ и французскихъ пѣсенъ эпохи нашествія Наполеона I въ Россію. Ц. 50 коп.
- Горбовъ, Н.—Русская исторія для народныхъ школъ. Изд. 18-е. Ц. 20 коп.
- Делавиль.—Элементарн. греко-римская миѳологія. Переводъ съ франц. П е р в о в а, П. Д. Съ 26 рис. Ц. 60 коп. въ папкѣ.
- Ельницкій, К. В.—Основы законовѣдѣнія. Ц. 50 коп.
- Зенченко, С.—Учебникъ древней исторіи. Выпускъ 1. Востокъ и Греція. Изд. 5-е. Ц. 1 руб.
- Кедровъ, В. И.—Учебникъ сравнительной географіи Россіи. Съ картами и діаграммами. Для гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 75 коп.
- Круковский, М. А.—Южный Уралъ.—Путевые очерки. Съ 140 фотографіями автора. Ц. 2 руб.; въ папковомъ переплетѣ—2 руб. 25 коп.
- Коропчевскій, Д. А.—Первые уроки этнографіи. Изд. 2-е Ц. 75 к.
- Крыловъ, Е.—Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ 8 кл. гимназій. Вып. 3-й. Древняя Русь. Ц. 65 коп.
- Онацкій, Д. Г.—Учебн. географіи Россійской Имперіи. Съ карт. Европ. Россіи, Сибири и Рус. Туркестана. Ц. 50 коп.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ДЛЯ

НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ.

Составилъ Н. Горбовъ.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ 12-мъ изд. въ качествѣ учебн. руковод. для низшихъ училищъ.

Издание 18-е.

Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.

Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

1914.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Р.Д.

НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ

Издание 13-е.

Цена 20 коп.

Издательство А.А. Леонидовъ
Москва, Трехпрудный пер.

Русская исторія для начальныхъ школъ.

1. Земля славянъ.

Въ давнія времена Россія была страной совершенно дикой; большая часть ея была покрыта дремучими лѣсами, непроходимыми болотами. Жили въ ней разные дикіе народы, изъ которыхъ наибольшее пространство занимали Финны, или, какъ они въ старину назывались, Чудь.

Когда пришли сюда наши предки (они назывались тогда не Русскими, а общимъ именемъ Славянъ)—неизвѣстно. Извѣстно только, что случилось это гораздо болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Славяне частью оттѣснили Финновъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, частью поселились между ними. Заняли они при этомъ, однако, не всю Россію, а лишь часть ея. А именно, они поселились по среднему и верхнему теченію Днѣпра и его притокамъ, на западъ отъ Буга по Днѣстру и верховьямъ Прута до Карпатскихъ горъ, затѣмъ къ сѣверу по верховьямъ Западной Двины, по верховьямъ Оки и Волги, вокругъ Ильменскаго озера и достигали до Ладожскаго озера, которое называлось тогда озеро Нево.

Славяне не составляли въ то время одного народа, а дѣлились на отдѣльные маленькіе народцы или племена. Вотъ главные изъ этихъ племенъ: по рѣкѣ Днѣстру, въ теперешней Кіевской губерніи, жили Поляне, къ западу отъ нихъ, по р. Припети, Древляне, а къ сѣверу, по верховьямъ Днѣпра, Зап. Двины и Волги—большое племя Кривичей; еще дальше, вокругъ озера Ильменя, жили Ильменскіе Славяне.

Городовъ въ то время было очень мало, да и тѣ, которые были, совсѣмъ не походили на наши; это были просто большіе

деревни, огороженные, для защиты отъ враговъ, высокимъ частоколомъ; оттого-то онѣ и назывались городами. Самые большіе города были: Новгородъ у Ильменскихъ Славянъ, Смоленскъ у Кривичей, Кіевъ у Полянъ.

Одного государя у Славянъ не было. Каждое племя дѣлилось на роды, и каждымъ родомъ управляли старѣйшіе его члены (старшины). А когда какое дѣло касалось нѣсколькихъ родовъ вмѣстѣ или всего племени, то старшины всѣхъ этихъ родовъ сходились на общую мірскую сходку или, какъ говорили, на вѣче. Значить, общей власти тогда почти не было; оттого Славяне постоянно ссорились и воевали между собой. А сосѣдніе народы пользовались этимъ, нападали на нихъ, побѣждали и брали съ нихъ дань. Но видно, уже и тогда Богъ хранилъ Славянъ; хотъ и слабы они были, хотъ и платили часто дань многимъ народамъ, а все-таки и сами не пропали, да и враговъ своихъ мало-по-малу всѣхъ покорили.

2. Первые князья Русскіе.

Рюрикъ. (Начало Русскаго государства. Первые русскіе христіане.) Лѣтъ тысячу съ небольшимъ тому назадъ Славяне (новгородскіе), наскучивъ своими безпорядками, начали говорить другъ другу: «Поищемъ себѣ князя, который владѣлъ бы нами и судилъ бы насъ по справедливости», и отправили пословъ въ Скандинавію, гдѣ тогда обиталъ храбрый и воинственный народъ Норманы или, какъ ихъ называли Славяне, Варяги. Послы пришли къ варяжскому племени Руси: «Земля наша велика и всякаго богатства въ ней много», сказали они Руси, «нѣтъ только въ ней порядка: приходите княжить и владѣть нами». На этотъ зовъ одинъ варяжскій князь, Рюрикъ съ двоими своими братьями и другими родными, отправился къ Славянамъ и сдѣлался княземъ славянскимъ. Съ тѣхъ поръ и называются Славяне Русскими. Это было въ 862-мъ году.

Рюрикъ, какъ самый старшій, поселился въ самомъ большомъ городѣ, Новгородѣ, а его братья въ двухъ другихъ городахъ, меньшихъ. Скоро младшіе братья умерли: Рюрикъ одинъ остался княземъ надъ Славянами. Онъ прожилъ еще пятнадцать лѣтъ, постоянно стараясь распространить свою

власть. Для этого онъ раздавалъ города въ управленіе своимъ приближеннымъ—Варягамъ.

Двое изъ такихъ приближенныхъ, Аскольдъ и Диръ, рѣшили попытать счастья, не удастся ли имъ пробраться въ самый Царьградъ (Константинополь). Плывя внизъ по Днѣпру, они увидали на высокомъ берегу его городокъ и спросили: «Чей это городокъ?» Жители отвѣчали: «Были тутъ три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ: они построили этотъ городокъ, называется онъ по имени старшего брата—Кіевомъ. Но теперь они уже умерли, и вотъ мы, ихъ потомки, живемъ здѣсь и платимъ дань нашимъ врагамъ Казарамъ». Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ; а за Кіевомъ покорилась имъ и вся земля Полянъ.

Аскольдъ и Диръ, конечно, думали, что остались въ Кіевѣ по собственному выбору; а между тѣмъ это случилось явно по указанію Божію. Мѣсто, гдѣ стоитъ Кіевъ, уже давно было избрано и освящено Господомъ. Когда послѣ сошествія Св. Духа апостолы разошлись проповѣдывать Евангеліе въ разныя страны, св. апостолъ Андрей Первозванный пришелъ въ Славянскую землю, водрузилъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Кіевъ, крестъ и сказалъ: «На этой горѣ возсіяетъ благодать Божія, будетъ городъ великій, и воздвигнутся многія церкви Господу».

Аскольдъ и Диръ, какъ и Славяне, были язычниками, т.-е. не знали истиннаго Бога и кланялись идоламъ. Поселившись въ Кіевѣ, они не оставили своего намѣренія итти въ Царьградъ. Черезъ нѣсколько времени на многихъ лодкахъ осадили они городъ съ моря. Видя множество и храбрость осаждающихъ, Греки отчаялись въ спасеніи. Имъ осталось одно: прибѣгнуть къ помощи Божіей. И вотъ, когда на берегъ вышли всѣ жители Царьграда съ молебнымъ пѣніемъ и омочили въ морѣ ризу Богородицы, внезапно поднялась страшная буря и разсѣяла всѣ лодки славянскія. Аскольдъ и Диръ возвратились въ Кіевъ, не взявъ Царьграда; но чудо, которое они удостоились видѣть, поразило ихъ. И скоро они уже просили Грековъ научить ихъ истинной вѣрѣ. Пришли греческіе священники, объяснили Русскимъ истины христіанскія. Болѣе всѣхъ поразилъ Русскихъ рассказъ о трехъ отрокахъ въ печи огненной. Тогда священникъ велѣлъ зажечь костеръ и положить въ огонь Евангеліе; оно въ немъ не загорѣлось. Пораженные этимъ новымъ чудомъ,

Аскольдъ и Диръ тутъ же крестились. Они были первыми христіанами на Руси. Но тогда еще рано было вѣрѣ христіанской распространяться повсюду.

Олегъ. Послѣ Рюрика княжество въ Новгородѣ, за малолѣтствомъ сына Рюрикова Игоря, перешло къ его родственнику Олегу. Князь этотъ прославился своею хитростью, такъ что получилъ прозваніе «Вѣщаго». Прежде всего онъ переселился изъ Новгорода въ Кіевъ. Произошло это такимъ образомъ. Покоряя своей власти разныя славянскія племена, дошелъ онъ и до Кіева. Тутъ онъ спряталъ своихъ воиновъ въ лодки подъ рогожами и послалъ сказать Асколду и Диру: «Мы купцы, идемъ въ Грецію отъ Олега и молодого князя Игоря; выходите повидаться съ нами, мы вѣдь родня вамъ». Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая хитрости, вышли къ Олегу. Воины только этого и ждали: выскочивъ изъ лодокъ, они схватили Аскольда и Диру; Олегъ же сказалъ: «Вы не князья и не княжескаго рода, а я княжескаго рода. А вотъ и самъ князь», добавилъ Олегъ, показывая на маленькаго Игоря. Воины убили Аскольда и Диру, а Олегъ остался жить въ Кіевѣ, сказавъ про него: «Пусть Кіевъ будетъ матерью городовъ русскихъ».

Затѣмъ Олегъ ходилъ воевать съ Греками и побѣдилъ ихъ—тоже хитростью. Сперва онъ осадилъ Царьградъ съ моря, но крѣпкій городъ успѣшно отбивалъ нападенія: тогда Олегъ приказалъ вытащить лодки на берегъ и поставить ихъ на колеса. Подулъ вѣтеръ. Русскіе подняли паруса и поѣхали къ самому городу по землѣ въ лодкахъ. Пораженные удивленіемъ и ужасомъ, Греки стали просить Олега: «Не губи города; мы заплатимъ тебѣ дань, какую ты хочешь». Вмѣстѣ съ тѣмъ они послали ему въ подарокъ съѣстныхъ припасовъ и вина. Но хитрый Олегъ понялъ, что ко всему былъ примѣшанъ ядъ, и не взялъ ничего. Греки еще больше смутились и сказали другъ другу: «Не Олегъ это, а святой Димитрій, котораго Богъ послалъ на насъ за грѣхи наши». Олегъ заключилъ съ греками очень выгодный для русскихъ миръ.

Игорь. Послѣ Олега княземъ былъ Игорь. Онъ тоже воевалъ съ Греками, но не такъ счастливо, какъ Олегъ. Зато онъ усмирилъ Древлянъ и увеличилъ наложенную на нихъ Олегомъ дань.

Однажды дружина Игоря, т.-е. воины, сказала ему: «Вотъ

Свѣнелдовы (Свѣнелдъ былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Игоря) люди запасались оружіемъ и одеждами, а у насъ нѣтъ ничего. Пойдемъ, князь, собирать дань: и ты что-нибудь добудешь себѣ, и мы». Игорь пошелъ въ землю Древлянскую и собралъ съ жителей обильную дань. Но на возвратномъ пути онъ сказалъ дружинѣ «Идите съ данью домой, а я вернусь, соберу еще», и отправился съ небольшимъ числомъ людей снова къ Древлянамъ. Древляне стали совѣщаться съ своимъ княземъ: «Повадится волкъ къ овцамъ ходить, все стадо перетаскаетъ, если его не убьютъ. Такъ и Игорь всѣхъ насъ погубить, если не убьемъ его самого». Сперва, однако, они рѣшили попытаться кончить дѣло миромъ. «Зачѣмъ идешь ты къ намъ? Вѣдь ты уже всю дань собралъ?» спросили они черезъ пословъ у Игоря. Но Игорь не обратилъ на эти слова никакого вниманія. Тогда Древляне вышли изъ своего города и убили Игоря.

Ольга и Святославъ. У Игоря осталась вдова Ольга и трехлѣтній сынъ Святославъ. Ольга была родомъ крестьянка. Игорь увидѣлъ ее разъ на охотѣ и такъ плѣнился ея умомъ и красотою, что женился на ней. И онъ не ошибся. По смерти Игоря правленіе перешло въ ея руки, и она сумѣла управлять страной мудро и твердо. Только въ началѣ, какъ язычница, она считала, что должна отомстить Древлянамъ за смерть мужа. Разными хитростями она умертвила много Древлянъ и, наконецъ, опять-таки хитростью, взяла главный городъ древлянскій. Она не знала, что месть есть грѣхъ, потому что не была христіанкой. Отомстивъ Древлянамъ, Ольга за малолѣтствомъ сына, усердно занялась управленіемъ, ѣздила по всей странѣ, назначала и собирала дань, творила судъ. Христіанамъ, жившимъ въ Кіевѣ, она не запрещала открыто исповѣдывать свою вѣру. И эта ея доброта послужила на великую пользу не только ей, но и всей землѣ Русской. Видя хорошую жизнь христіанъ, она поняла всю неправду языческой вѣры и задумала креститься. Но случилось это, когда Святославъ уже выросъ.

Для исполненія своего желанія Ольга поѣхала въ Царьградъ. Здѣсь самъ патріархъ Константинопольскій училъ ее и пріѣхавшихъ съ ней вѣрѣ Христовой. Послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ увидалъ, что Ольга довольно узнала истины христіанскія и уже достойна святого крещенія. И вотъ совершилось великое

событіе: княгиня Ольга крестилась (957 г.). Послѣ крещенія патріархъ сказалъ ей: «Благословенна ты между нами русскими, что возлюбила свѣтъ и оставила тьму: благословлять тебя будутъ сыны русскіе до послѣдняго рода». Радостно вернулась св. княгиня въ Кіевъ, взявъ съ собою изъ Греціи священника. Всѣмъ, кто хотѣлъ узнать вѣру Христову и креститься, она помогала; построила и церковь въ Кіевѣ, св. Софіи. Но въ семьѣ ее ждало большое горе: несмотря на всѣ увѣщанія матери, Святославъ упорно отказывался креститься. «Дружина будетъ смѣяться надо мной», говорилъ онъ. Горько было Ольгѣ, но не могла она переубѣдить сына и была довольна хотя тѣмъ, что онъ не притѣснялъ христіанъ. Впрочемъ, ему не до того было. Онъ болѣе всего любилъ военную славу и всю жизнь свою провелъ въ безпрестанныхъ походахъ. О странѣ своей онъ не думалъ, а завоевавъ болгарскій городъ Переяславецъ на Дунаѣ, поселился въ немъ. Россіей попрежнему правила Ольга.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и Кіевъ подвергся великой опасности: его осадили Печенѣги, дикій степной народъ, а между тѣмъ въ немъ находилась Ольга и дѣти Святослава. Русскіе, отбивъ, хотя съ великимъ трудомъ, первыя нападенія Печенѣговъ, поспѣшили увѣдомить Святослава: «Ты, князь, завоевываешь чужую землю и владѣешь ею, а своей и знать не хочешь; а между тѣмъ Печенѣги чуть не взяли твою мать, дѣтей и всѣхъ насъ въ плѣнъ. Если ты не придеши защищать насъ, Печенѣги снова нападутъ на Кіевъ. Неужели тебѣ не жаль твоей матери и дѣтей?» Святославъ быстро явился, къ Кіеву и прогналъ Печенѣговъ назадъ въ степи. Но скоро онъ соскучился въ Кіевѣ. «Не правится мнѣ въ Кіевѣ», сказалъ онъ Ольгѣ и боярамъ, «въ Переяславцѣ лучше; тамъ настоящая середина земли моей: Греки присылаютъ туда золото, дорогія ткани, вина, плоды; Чехи и Венгры—серебро и коней; а вы, Русскіе, мѣха, медъ, воскъ и рабовъ». Ольга отвѣчала: «Ты видишь, я больна. Я скоро умру. Похорони меня, а потомъ иди, куда хочешь». Предчувствіе Ольги сбылось: черезъ три дня она скончалась. Похоронилъ ее православный священникъ, а Церковь причла къ лику святыхъ и празднуетъ память ея 11-го іюля.

Послѣ смерти матери Святославъ сейчасъ же отправился

въ Переяславецъ. Но Болгары заперлись въ немъ и не хотѣли пускать къ себѣ Святослава. Началось сраженіе. Болгары стали побѣждать. Тогда Святославъ воскликнулъ: «Здѣсь намъ, видно, придется погибнуть. Умремъ же храбро, братья и дружина.» Къ вечеру Русскіе одолѣли Болгаръ, и Святославъ вошелъ въ Переяславецъ.

Но скоро Святославъ рѣшился воевать и съ Греками. Онъ послалъ сказать имъ: «Хочу идти на васъ и взять Царьградъ, какъ взялъ Переяславецъ». Въ отвѣтъ на это Греки выслали противъ него огромное войско, въ десять разъ превосходившее его дружину. Дружина смутилась, не смутился только храбрый князь. «Теперь уже намъ некуда дѣться», сказалъ онъ, «волею или неволею, а сражаться надо. Не посраимъ же земли Русской, но положимъ здѣсь наши кости. Мертвымъ не бываетъ стыдно, а если побѣдимъ, то будетъ намъ стыдъ и срамъ, и все-таки не уйдемъ отъ враговъ. Станемъ же храбро. Я пойду впереди, а если меня убьютъ, то дѣлайте, что хотите». — Воины отвѣчали: «Гдѣ ты сложишь свою голову, тамъ и мы», и съ такой храбростью бросились на Грековъ, что они не выдержали и обратились въ бѣгство.

Но дальнѣйшая война была несчастлива для Святослава. Она кончилась миромъ, очень невыгоднымъ для Русскихъ. Между другими условіями этого мира, они обязались уйти изъ Болгаріи.

И вотъ когда Святославъ съ дружиной направились къ Кіеву, Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: «Святославъ идетъ въ Кіевъ. Онъ везетъ огромныя богатства и много плѣнныхъ, а воиновъ съ нимъ мало». Печенѣги поняли, что совѣтуютъ имъ Переяславцы, и стали у Днѣпровскихъ пороговъ, т.-е. тамъ, гдѣ Днѣпръ окруженъ высокими скалами и течетъ такъ быстро, что плыть по водѣ очень трудно. Когда Святославъ приблизился къ порогамъ и сталъ медленно и съ трудомъ перебираться черезъ нихъ, Печенѣги напали на него, захватили все его войско, а самого убили.

3. Святой Владимиръ Равноапостольный.

Владимиръ-язычникъ. Крещеніе св. Ольги было началомъ крещенія всей земли Русской. Хотя изъ народа при ней крести-

лись и немногіе, но за то многіе услышали про вѣру Христову, могли сравнивать ее съ язычествомъ и видѣть, что вѣра христіанская есть вѣра истинная, а языческая—ложная. Такимъ образомъ, когда настало, наконецъ, время креститься всему русскому народу, это произошло гораздо легче, чѣмъ какъ если бы дотолѣ никто и не слыхалъ объ истинной вѣрѣ. Для крещенія Россіи Богъ избралъ внука Ольги, Владимира, младшаго сына Святослава, который послѣ смерти своихъ братьевъ остался одинъ княземъ надъ Русской землей.

Онъ былъ язычникъ и въ началѣ своего княженія очень жестоко обращался съ своими подданными. Онъ даже приносилъ въ жертву людей. Такъ, разъ, побѣдивъ одинъ народъ, онъ бросилъ жребій, кого бы принести въ жертву главному идолу. Жребій палъ на молодого варяга Іоанна, который вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Θεодоромъ былъ уже христіаниномъ. Народъ отправился къ ихъ дому. Старикъ стоялъ съ сыномъ на крыльцѣ. Толпа закричала ему: «Жребій палъ на твоего сына; онъ поправился богамъ, и мы его принесемъ имъ въ жертву». Но Θεодоръ отвѣчалъ: «Ваши боги—не боги, а дерево, сегодня цѣлы, а завтра сгніютъ; ихъ сами люди сдѣлали. А есть Единный Богъ, Которому служатъ Греки. Онъ все сотворилъ: небо и землю, звѣзды, луну, солнце и самого человѣка. А ваши боги что сдѣлали? Сами сдѣланы». Толпа, какъ бѣшеная, бросилась на домъ Θεодора и подрубила крыльцо, такъ что отецъ и сынъ оба погибли. Они теперь Святые; память ихъ празднуется 12-го іюля.

Крещеніе Владимира. Такъ жилъ Владимиръ нѣсколько лѣтъ, но совѣсть мучила его. Онъ часто думалъ о своихъ дурныхъ поступкахъ, сравнивалъ жизнь язычниковъ съ жизнью христіанъ, вспоминалъ, что говорила ему о вѣрѣ Христовой его бабка, св. Ольга. Мало-по-малу, размышляя такъ, онъ съ Божіей помощью понялъ всю ложность язычества и захотѣлъ принять другую вѣру, истинную. Узнавъ о его мысляхъ, сосѣдніе народы прислали къ нему пословъ. Приходили магометане, приходили Евреи, приходили католики—христіане. Но ничья вѣра не понравилась Владимиру. Пришелъ, наконецъ, православный Грекъ. Владимиръ долго съ нимъ разговаривалъ, не такъ, какъ съ другими послами: тѣхъ онъ скоро отпускалъ

отъ себя. Грекъ разсказалъ ему все ученіе православное и священную исторію. Въ концѣ онъ показалъ Владимиру картину Страшнаго Суда, гдѣ направо были изображены праведники, идущіе въ рай, а налѣво грѣшники, идущіе въ вѣчное мученіе. Владимиръ вздохнулъ и сказалъ: «Хорошо тѣмъ, кто направо, и горе тѣмъ, кто налѣво».—«Крестись», отвѣчалъ Грекъ, «и будешь направо». Но Владимиръ не сейчасъ рѣшился; онъ отпустилъ домой Грека съ почестью, а самъ отправилъ пословъ къ тѣмъ народамъ, которые старались обратить его въ свою вѣру. Онъ считалъ нужнымъ тщательно обдумать, прежде чѣмъ принять такое важное дѣло. Обошли послы тѣ страны, которыя имъ было приказано обойти, вернулись въ Кіевъ и разсказали: «Пришли мы къ магометанамъ и отправились въ ихъ храмъ посмотрѣть, какъ они молятся. Вотъ стоитъ магометанинъ, распоясанный, поклонится, сядетъ и смотритъ то туда, то сюда. Печально у нихъ въ храмахъ, и нехорошъ законъ. Пришли мы къ католикамъ: много они молятся въ храмахъ, но и въ ихъ службѣ нѣтъ ничего хорошаго. Пришли мы, наконецъ, къ Грекамъ, и повели они насъ туда, гдѣ они служатъ Богу, и не знаемъ мы, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ нигдѣ такого великолѣпія, какъ у нихъ въ храмахъ; не умѣемъ мы и разсказать, какъ хорошо у нихъ молятся Богу. Самъ Богъ присутствуетъ среди нихъ во время богослуженія. Никогда не забудемъ мы этого великолѣпія. Не хотимъ оставаться въ нашей вѣрѣ, потому, что если человѣкъ попробуетъ разъ сладкаго, то уже не захочетъ горькаго». Владимиръ посовѣтовался съ боярами. Бояре сказали: «Если бы вѣра греческая не была истинной вѣрой, то не приняла бы ее твоя бабка Ольга, которая была умнѣе всѣхъ людей». Владимиръ рѣшился принять православную вѣру. Но онъ хотѣлъ показать греческимъ императорамъ (тогда въ Греціи царствовали два брата), что хоть и приметъ греческую вѣру, но все-таки Грекамъ не подчинится. Съ этой цѣлью онъ осадилъ въ Крыму греческій городъ Корсунь. Долго пришлось ему пробыть здѣсь, но, наконецъ, онъ все-таки взялъ городъ и посватался за сестру греческихъ императоровъ, царевну Анну; онъ обѣщалъ, что какъ только она пріѣдетъ, онъ сейчасъ же окрестится. Анна пріѣхала въ Корсунъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства. Но въ самое это время

Владимиръ внезапно заболѣлъ глазами. Благочестивая царица сказала своему жениху: «Крестись скорѣе и выздоровѣешь». И точно, какъ только Владимиръ крестился, сейчасъ же исцѣлились глаза его. За Владимиромъ крестились и всѣ бывшіе съ нимъ, женившись на Аниѣ. Владимиръ вернулся въ Кіевъ, а Корсушь отдалъ назадъ Грекамъ (988 г.).

Въ Кіевѣ Владимиръ прежде всего крестилъ своихъ сыновей, а потомъ велѣлъ разрушить идоловъ; главнаго идола бросили въ Днѣпръ и до тѣхъ поръ отталкивали палками отъ берега, пока онъ не уплылъ за пороги. Въ то же время священники ходили по городу и учили народъ истинамъ христіанскимъ. Наконецъ, Владимиръ приказалъ всѣмъ Кіевлянамъ идти въ назначенный день къ Днѣпру, чтобы креститься. «Кто не придетъ», говорили посланные князя, «тотъ будетъ врагомъ князю». Это приказаніе было всѣмъ исполнено. Уже многіе въ Кіевѣ знали о вѣрѣ Христовой отъ тамошнихъ христіанъ, да кромѣ того, всѣ говорили себѣ: «Не будь это хорошо, князь и бояре не крестились бы сами». Когда народъ собрался у рѣки, Владимиръ съ митрополитомъ и священниками вышелъ къ нему. Кіевляне, по приказанію князя, вошли въ воду; кто поменьше, тотъ становился у берега; маленькихъ дѣтей держали на рукахъ. Священники съ берега читали молитвы, и такимъ образомъ Кіевляне были окрещены. Послѣ крещенія Владимиръ прочелъ громко молитву, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Господи Боже мой, сотворившій небо и землю, призри на новыхъ людей сихъ, дай имъ увѣдать Тебя, истиннаго Бога, какъ увѣдали другія страны христіанскія».

Владимиръ-христіанинъ. Принявъ св. крещеніе, князь сдѣлался другимъ человѣкомъ: прежняя жестокость, страсть къ наслажденію уступили мѣсто христіанскому смиренію, кротости, воздержности.

Наибольшія заботы прилагалъ теперь Владимиръ къ распространенію христіанской вѣры по всей Русской землѣ. Священники, по его приказанію, ходили въ разные города проповѣдывать Евангеліе. Въ большинствѣ мѣстъ жители крестились охотно, но иногда случалось проповѣдникамъ встрѣчать сопротивленіе; особенно долго сопротивлялись и не хотѣли принимать христіанства жители Ростова и Новгорода. Происходило это

оттого, что до этихъ отдаленныхъ отъ Кіева мѣстъ ранѣе не доходили никакія свѣдѣнія о вѣрѣ Христовой.—не такъ, какъ въ Кіевѣ, гдѣ уже и ранѣе жили христіане, гдѣ и княгиня Ольга была христіанкой. Но, однако, своей настойчивостью и твердостью Владимиръ достигъ и здѣсь желанной своей цѣли. Ростовцы и Новгородцы также крестились и приняли вѣру истинную. Всюду, гдѣ распространялось христіанство, Владимиръ строилъ церкви. Въ самомъ Кіевѣ онъ поставилъ нѣсколько церквей. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ главный идолъ, была построена церковь св. Василя; гдѣ крестились Кіевляне—св. апостола Петра. Кромѣ того, Владимиръ заложилъ соборный храмъ Богоматери и опредѣлилъ на содержаніе его десятую часть своихъ доходовъ, отчего и церковь наименована Десятинной. Во всемъ помощники ему были греческіе и болгарскіе священники и первые два митрополита кіевскіе; Михаилъ и Леонтій.

Но не объ одной только вѣрѣ заботился Владимиръ: онъ понималъ и всю важность книжнаго ученія. Однако грамота съ трудомъ распространялась въ Россіи; Русскіе еще не признавали ея пользы, и мальчиковъ насильно брали въ ученіе. Волею-неволею приходилось исполнять волю князя; но часто матери, провожая своихъ дѣтей въ ученіе, плакали, какъ будто провожали ихъ на смерть.

Въ отношеніи къ своимъ подданнымъ Владимиръ также совершенно измѣнился. Прежде онъ не побоялся убить брата своего Ярополка; теперь же не хотѣлъ наказывать и разбойниковъ; но отъ этого разбой такъ усилились, что даже архіереи приступили къ Владимиру съ просьбой быть строже. «Грѣха боюсь».—отвѣчалъ Владимиръ. Архіереи объяснили ему, что больше грѣха оставлять беззащитными жителей, и только тогда рѣшился Владимиръ снова быть строгимъ къ разбойникамъ. Владимиръ старался всѣми мѣрами помогать несчастнымъ. Часто онъ устраивалъ большіе обѣды у себя на дворѣ, и тогда къ нему могли собираться всѣ бѣдные; а для увѣчныхъ, старыхъ, больныхъ, которые не могли приходить къ нему на дворъ, онъ приказывалъ развозить пищу по городу.

По всей землѣ любили Владимира и со всѣхъ сторонъ собирались въ Кіевъ, чтобы послужить князю. И зато умѣлъ же онъ награждать за вѣрную службу! Онъ любилъ свою дружину,

какъ своихъ товарищей. Разъ дружина стала жаловаться, что ей подаютъ за княжескимъ обѣдомъ не серебряныя, а деревянные ложки. Князь сейчасъ же приказалъ надѣлать для нея серебряныхъ ложекъ. «Серебромъ и золотомъ», сказалъ онъ, «не добудешь вѣрной дружины, а съ вѣрной дружиной легко добыть и серебра и золота».

Владимиръ правилъ очень долго. Когда онъ умеръ въ 1015-мъ году, въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ, придворные бояре сперва боялись сказать объ этомъ народу. Дѣло въ томъ, что Владимиръ еще при жизни своей роздалъ своимъ многочисленнымъ сыновьямъ въ управленіе отдѣльные города. Но въ то же время онъ желалъ, чтобы послѣ его смерти княземъ кievскимъ, т.-е. старшимъ по власти, сдѣлался любимый сынъ его Борисъ. Между тѣмъ въ то время, когда Владимиръ скончался, Борисъ былъ на войнѣ, а въ Кіевѣ находился лишь старшій сынъ Владимира, Святополкъ. Это былъ очень дурной человекъ, и бояре опасались, чтобы онъ, пользуясь отсутствіемъ Бориса, не захватилъ кievскаго престола, вопреки желанію покойнаго отца. Поэтому, чтобы дать Борису время пріѣхать въ Кіевъ, они завернули тѣло князя въ коверъ, проломали полъ въ сѣняхъ терема, спустили тѣло по веревкамъ и ночью, тайкомъ отвезли его въ Кіевъ. Но вѣсть о кончинѣ любимаго князя скоро распространилась по городу, и тогда его похоронили торжественно въ храмъ Божіей Матери (въ Десятинной церкви) рядомъ съ княгиней Анной.

Подобно тому, какъ апостолы распространяли христіанство по разнымъ странамъ, Владимиръ распространялъ его въ Россіи. Поэтому Церковь русская называетъ его Равноапостольнымъ и причисляетъ къ Святымъ. Память его празднуется 15-го іюля. Такъ исполнилось пророчество св. Андрея Первозваннаго: на горахъ кievскихъ возсіяла благодать Божія, свѣтъ Христовъ началъ разливаться отсюда по всей землѣ Русской, и великій городъ Кіевъ украсился многими церквами.

4. Отъ смерти Владимира до нашествія татаръ.

Борьба между наслѣдниками Владимира. Между наслѣдниками Владимира началась такая же борьба, какая была между

наслѣдниками Святослава. Святополкъ рѣшился, какъ то и предвидѣли бояре, воспользоваться тѣмъ, что онъ одинъ изъ княжескаго рода былъ въ Кіевѣ, и захватилъ престолъ. Войско Бориса, бывшаго уже на возвратномъ пути къ Кіеву, совѣтовало своему князю начать войну противъ Святополка. Но Борисъ отвѣчалъ: «Никогда не рѣшусь воевать съ Святополкомъ, потому что онъ старше меня». Воины не поняли благочестивыхъ мыслей Бориса, объяснивъ его нежеланіе итти на Кіевъ трусостью; почти всѣ они поэтому передались на сторону Святополка, а Борисъ съ немногими слугами остался у рѣки Альты, въ нынѣшней Полтавской губерніи. Но Святополкъ тѣмъ не менѣе боялся Бориса и послалъ убить его. Когда Борисъ узналъ объ опасности, которая грозила ему, и убійцы были уже близко, онъ началъ пѣть псалмы, а потомъ прочиталъ такую молитву передъ образомъ Спасителя: «Господи Іисусе Христе, Ты, Который принялъ за насъ муки, дай и мнѣ перенести мои страданія терпѣливо. Меня убиваетъ мой же братъ: не поставь ему этого въ вину». Подкрѣпленный молитвой, Борисъ легъ на постель. Въ это самое мгновеніе убійцы ворвались въ шатеръ, пронзили князя копьями и всѣхъ слугъ перебили. Разграбивъ все, что было въ шатрѣ, они завернули Бориса въ коверъ и повезли къ Святополку; они думали, что Борисъ уже умеръ, но оказалось, что онъ еще дышалъ; Святополкъ приказалъ своимъ слугамъ довершить убійство.

Святополкъ не успокоился. Онъ послалъ сказать другому своему брату, Глѣбу, который былъ около Волги: «Пріѣзжай скорѣй въ Кіевъ; отецъ твой очень боленъ и зоветъ тебя». Вмѣстѣ съ тѣмъ Святополкъ отправилъ и противъ него убійцъ. Глѣбъ поспѣшилъ въ Кіевъ, но около Смоленска получилъ отъ Ярослава извѣстіе о смерти Владимира и Бориса. Заплакалъ Глѣбъ и сказалъ: «Горе мнѣ, Господи! Лучше бы мнѣ умереть съ Борисомъ, чѣмъ жить безъ него. Братъ мой, не видать мнѣ больше твоего ангельскаго лика, не слыхать твоего кроткаго голоса! Если ты получилъ милость отъ Господа, то проси Его, чтобы и мнѣ претерпѣть страданія. Что мнѣ дѣлать на этомъ свѣтѣ безъ тебя?» Между тѣмъ присланные Святополкомъ убійцы были уже близко. Слуги Глѣба, боясь и за свою жизнь, не только не защищали князя, но одинъ изъ нихъ, поваръ, самъ бросился

на своего господина и зарѣзалъ его. Глѣба похоронили рядомъ съ Борисомъ и Православная Церковь причла ихъ къ лику Святыхъ. Послѣ этого Святополкъ убилъ еще третьяго брата. Святослава, и думалъ, что ему, наконецъ, можно будетъ спокойно княжить въ Кіевѣ.

Но въ это время противъ него выступилъ войной Ярославъ, и послѣ долгой борьбы выгналъ его изъ Кіева. Святополкъ спасся въ польскія степи. Дорогой онъ заболѣлъ; его положили на носилки и понесли дальше; какъ только носильщики останавливались, чтобы вздохнуть, Святополкъ кричалъ: «Бѣгите, бѣгите: за нами гонятся!» И его опять несли дальше, и снова онъ кричалъ: «Бѣгите скорѣй, за нами гонятся!» Какъ его ни успокаивали, ему все казалось, что за нимъ гонятся, чтобы отмстить за смерть Бориса, Глѣба и Святослава. Такъ во время этого бѣгства онъ и умеръ; его похоронили въ степи, а гдѣ?— этого никто не знаетъ. Народъ такъ ненавидѣлъ его за злодѣйства, что прозвалъ Окаяннымъ.

Ярославъ Мудрый. Ярославъ княжилъ 35 лѣтъ, съ 1019-го по 1054-ый годъ. Почти всѣ войны, которыя велъ Ярославъ, были счастливы для него, и слава о немъ прошла до далекихъ странъ. Многіе государи пріѣзжали къ нему въ Кіевъ. Дочери его вышли замужъ—одна за французскаго короля, другая за норвежскаго, третья за венгерскаго. Но не въ томъ главная заслуга Ярослава, что онъ былъ силенъ противъ внѣшнихъ враговъ, а въ томъ какъ онъ правилъ Россіей внутри. Онъ получилъ прозваніе Мудраго, и не даромъ. Онъ очень любилъ науки; рассказываютъ, что онъ читалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Такъ какъ въ то время книгъ печатать не умѣли, а переписывали, то онъ созывалъ отовсюду переписчиковъ и такимъ образомъ собралъ большую бібліотеку. Онъ основалъ училище на 300 мальчиковъ. Наконецъ, онъ первый изъ князей приказалъ собрать всѣ русскіе законы; ихъ всѣ переписали въ одну книгу, названную «Русская Правда».

Но въ это время важнѣе всего было укрѣпить въ Россіи христіанскую вѣру, потому что ее еще недавно узнали, да и то не всѣ. И Ярославъ постоянно употреблялъ на то великіе труды. При немъ построено было много церквей; изъ этихъ храмовъ особенно величественъ и великолѣпенъ былъ Софійскій соборъ

въ Кіевѣ, который и донынѣ, вотъ уже скоро 900 лѣтъ, составляетъ одну изъ главныхъ святынь кіевскихъ. По образцу этого собора сынъ Ярослава заложилъ соборъ св. Софіи въ Новгородѣ.

Первыми архіереями и священниками въ Россіи были иноземцы, Греки и Болгары. Понятно, что это было очень неудобно. Но по мѣрѣ просвѣщенія Россіи священники начали поставляться изъ Русскихъ, а при Ярославѣ были русскіе уже и архіереи и даже митрополитъ.

Митрополитомъ этимъ былъ благочестивый мужъ, Иларіонъ, бывшій прежде священникомъ въ княжескомъ селѣ Берестовѣ. Ища уединеннаго мѣста, гдѣ бы можно было молиться, онъ нашелъ себѣ маленькую пещеру недалеко отъ Кіева и проводилъ въ ней время въ благочестивыхъ размышленіяхъ, въ постѣ и молитвѣ. Слава о его святой жизни скоро распространилась, и когда Ярославъ рѣшилъ, что митрополитъ долженъ быть непременно изъ Русскихъ, всѣ указали ему на Иларіона.

Кіево-Печерская Лавра. Маленькая пещера, выбранная Иларіономъ, сдѣлалась основаніемъ святой Кіево-Печерской Лавры. Одинъ юноша, сынъ богатыхъ родителей изъ города Любеча, уже въ ранней юности захотѣлъ удалиться отъ міра, ушелъ на Аѳонъ и тамъ постригся подъ именемъ Антонія. Вернувшись на родину въ Россію (это было не задолго до смерти Ярослава Мудраго), онъ поселился въ пещеркѣ отшельникомъ. Но скоро со всѣхъ сторонъ начали приходить къ нему, прося его молитвъ и наставленій. Приходили люди всякаго рода: и князья, и простые, и бѣдные, и богатые. Наконецъ, стали и селиться вмѣстѣ съ Антоніемъ. Такъ начался Кіево-Печерскій монастырь.

Между прочимъ пришелъ одинъ юноша, изъ Курска, также сынъ богатыхъ родителей. Отецъ его рано умеръ, и онъ еще въ юности пожелалъ оставить богатство и посвятить себя Богу. Мать противилась ему, запирала его, била. Онъ нѣсколько разъ убѣгалъ изъ дому; наконецъ, пришелъ въ Кіевъ къ преподобному Антонію, гдѣ и былъ постриженъ подъ именемъ Θεодосія.

Когда число братіи увеличилось до двѣнадцати, пр. Антоній вырылъ себѣ новую пещеру, саженьяхъ во ста отъ старой. Въ старой же пещерѣ скоро стало уже тѣсно, и иноки, съ благословенія пр. Антонія, выпросили у великаго князя кіевского

всю гору, въ которой были вырыты пещеры. Поставили монастырь, церковь, окружили все тыномъ. Уставъ новому монастырю далъ пр. Θεодосій, сдѣлавшійся черезъ нѣсколько времени его игуменомъ; онъ опредѣлилъ порядокъ службы и всю жизнь братіи. Иноки должны были непрестанно молиться, посвящая остальное время на работу, ибо имъ предписывалось все нужное для жизни дѣлать своими руками. Со всѣхъ сторонъ приходили въ новый монастырь богомольцы; сами князья высоко почитали святого игумена. А онъ указывалъ имъ, какъ надо жить, мирить въ ссорахъ, обличалъ въ неправдахъ.

Въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ XII вѣкѣ, жилъ и преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ. Онъ по годамъ описалъ всѣ событія, бывшія на Руси, и изъ его разсказа мы узнаемъ о первоначальной судьбѣ нашего отечества. Онъ написалъ также и житіе преп. Антонія и Θεодосія.

Такъ возвысился Кіевъ силой своихъ князей и святостью обители, возникшей близъ него. И доселѣ со всѣхъ концовъ земли Русской сходятся въ Кіево-Печерскую Лавру богомольцы, молятся въ ея церквахъ, поклоняются мощамъ святыхъ угодниковъ, почивающихъ въ тѣхъ самыхъ пещерахъ, гдѣ вначалѣ подвизались преподобные Антоній и Θεодосій. Но со смертію Ярослава кончилось славное время Кіева, и начались для него великія бѣдствія.

Удѣльные смуты. Ярославъ, умирая, оставилъ своимъ сыновьямъ, которыхъ было пять, завѣщаніе; въ немъ онъ говорилъ, между прочимъ: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои. Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ. Если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли великимъ трудомъ своимъ». И затѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, какъ раздѣлить землю. Вся земля Русская, по тогдашнему обычаю, считалась собственностью всѣхъ князей вмѣстѣ. Но она дѣлилась на княжества (удѣлы), и каждое княжество поступало въ управленіе отдѣльному князю, но только временно. Старшій сынъ Изяславъ получилъ Кіевское княжество и титулъ вели-

каго князя. Братья его получили другія княжества, и притомъ такъ, что чѣмъ моложе былъ князь, тѣмъ меньше и бѣдиѣ получилъ онъ удѣлъ. Великій князь никакой особой властью надъ своими братьями не пользовался; онъ долженъ былъ только быть имъ «въ отца мѣсто»—помогать имъ, давать имъ хорошіе совѣты. Князья же въ своихъ княжествахъ распоряжались самостоятельно, сами творили судъ, сами собирали дань.

Послѣ смерти Изяслава (какъ и всякаго другаго великаго князя) Кіевское княжество должно было достаться слѣдующему за нимъ брату, а освободившееся отъ этого—перейти къ третьему, и т. д. Къ сыну же великаго князя княжество Кіевское должно было перейти лишь тогда, когда умрутъ всѣ его дядья. Поэтому всѣ князья, какъ только кто-нибудь изъ нихъ умираетъ, переходили изъ одного княжества въ другое, такъ какъ слѣдующій за умершимъ князь занималъ его княжество и тѣмъ освобождалъ свое. Но порядокъ при этомъ могъ поддерживаться лишь пока князей было мало, и легко было сообразить, кто за кѣмъ слѣдуетъ. Между тѣмъ потомство Ярослава все увеличивалось, княжества дробились на болѣе мелкія, разсчитывать старшинство становилось все труднѣе, а великаго князя почитали все менѣе и все менѣе повиновались ему. И вотъ, между князьями возникаютъ постоянныя войны за удѣлы. Каждый хотѣлъ добыть себѣ удѣлъ получше или жаловался, что ему не тотъ удѣлъ достался. Князья выгоняли другъ друга изъ удѣловъ, а когда не могли справиться съ противниками сами, то призывали Половцевъ, дикій, жестокій народъ, который бродилъ въ степяхъ, что лежали на востокъ около Днѣпра.

Къ смутамъ прибавилась новая бѣда. Половцы, видя, что Россію никому защищать, все чаще и чаще нападали на нее. Захвативъ какой-нибудь русскій городъ или село, они все, что могли, грабили, дома сжигали, а жителей частью избивали, частью уводили въ плѣнъ.

Владимиръ Мономахъ. Одинъ только князь изъ всѣхъ заботился о Россіи; это былъ Владимиръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, сынъ младшаго сына Ярослава. Онъ мирилъ между собою князей, когда они ссорились; онъ уговаривалъ ихъ защищать Россію отъ Половцевъ.

Однажды онъ сталъ звать весною великаго князя въ походъ

противъ Половцевъ, но дружины великаго князя и Владимировы не соглашались, говоря, что для того, чтобы набрать войско, придется отрывать крестьянъ отъ полевыхъ работъ. Тогда Владимиръ предложилъ всѣмъ князьямъ съѣхаться и потолковать объ этомъ вмѣстѣ. Князья собрались недалеко отъ Кіева, въ шатрѣ, вмѣстѣ съ своими дружинами. Помолчавъ, Владимиръ сказалъ великому князю: «Братъ, ты старшій, начини говорить, какъ помочь Русской землѣ въ бѣдѣ». Великій князь отвѣчалъ: «Братъ, лучше ты начини». «Какъ же мнѣ говорить», возразилъ Владимиръ: «когда противъ меня и ты, и наши дружины. Говорятъ, я хочу погубить крестьянъ и пашни. А вотъ, что удивительно: вы жалѣете ихъ, а не подумаете, что вотъ скоро, какъ станутъ пахать крестьяне, начнутъ на нихъ наѣзжать Половцы, убивать ихъ, брать въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей, жечь села, грабить имущество. Какъ вы объ этомъ не подумаете?» Всѣ признали справедливость словъ Владимировыхъ. «Я готовъ идти съ тобой», сказалъ великій князь. «Великое добро сдѣлаешь ты Русской землѣ», отвѣтилъ Владимиръ. Братья встали, поцѣловались и послали всѣмъ другимъ князьямъ приглашеніе присоединиться къ нимъ.

Неудивительно, что всѣ любили Владимира, и разъ даже Кіевляне предлагали ему не въ очередь великокняжескій престолъ; но онъ не согласился на такую неправильность и отказался отъ предложенія Кіевлянъ.

Убѣдившись, наконецъ, что ихъ ссоры въ конецъ погубятъ Россію, князья рѣшились помириться. Съ этой цѣлью они съѣхались всѣ въ городъ Любечъ (въ 1097-мъ году), назначили, кому какимъ удѣломъ владѣть, и поклялись, или какъ тогда говорили, поцѣловали крестъ, что будутъ исполнять свой долгъ. Но недолго продолжался миръ. Скоро одинъ изъ князей, Давидъ, поссорившись съ другимъ, Василькомъ, оклеветалъ его предъ великимъ княземъ; этотъ позволилъ Давиду сдѣлать съ Василькомъ все, что онъ захочетъ. Тогда Давидъ, съ ужасной жестокостью, ослѣпилъ своего противника. Какъ скоро объ этомъ злодѣйствѣ узналъ Владимиръ Мономахъ, онъ началъ уговаривать другихъ князей наказать Давида. Такъ и сдѣлали: у Давида отняли удѣлъ.

Въ 1113-мъ году Кіевляне опять стали звать Владимира

на великокняжескій престолъ помимо очереди. На этотъ разъ, сознавая, что онъ только одинъ можетъ спасти Русскую землю. Владимиръ согласился. Онъ княжилъ всего двѣнадцать лѣтъ, но много добра успѣлъ принести Россіи за это короткое время. Онъ сумѣлъ помирить князей, которые во всемъ повиновались ему. Господь помогъ ему также побѣдить Половцевъ: при немъ они уже не смѣли нападать на Русскую землю. Каждый день, вмѣстѣ съ боярами самъ судилъ онъ жителей и разсуждалъ о русскихъ дѣлахъ.

Послѣ смерти онъ оставилъ своимъ дѣтямъ Поученіе, какъ надо жить; здѣсь онъ также описалъ и свою жизнь; онъ рассказываетъ, какъ онъ каждый день ходилъ къ обѣднѣ, какъ всегда старался помогать бѣднымъ и т. п. Словомъ, это былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ князей древней Россіи. И какъ только Владимиръ умеръ, опять начались прежнія смуты.

Возвышеніе сѣверной Россіи. Все это происходило въ Кіевѣ и сосѣднихъ удѣлахъ. Здѣсь уже начиналась правильная государственная жизнь. Славяне же, жившіе въ сѣверныхъ лѣсахъ, были еще въ дикомъ состояніи, такомъ же, какъ и ихъ сосѣди и сожители, Финскія племена. Но по мѣрѣ того, какъ умножалось число князей и дробились первоначальные обширные удѣлы, въ этихъ сѣверныхъ мѣстахъ выдѣлились новыя княжества. И вотъ туда являлись князья, которымъ они доставались, строили города, создали храмы; къ нимъ собирались люди изъ южныхъ княжествъ; и такимъ образомъ среди этихъ дикихъ лѣсовъ, заселенныхъ большею частью Финнами, возникали поселенія Славянъ. Образовывались они и инымъ путемъ. Люди, искавшіе уединенія, чтобы предаваться богоугодной жизни, уходили въ глушь лѣсовъ, строили себѣ здѣсь кельи и жили отшельниками. Но обыкновенно слава ихъ святой жизни собирала къ нимъ учениковъ, мало-по-малу возникалъ около такой первоначальной кельи цѣлый монастырь, а около монастыря и цѣлый поселокъ. Наконецъ, поселки строились и купцами въ мѣстахъ, удобныхъ для торговли и для доставки товаровъ, гдѣ-нибудь при сліяніи рѣкъ и т. п. Такимъ образомъ не только сами Славяне, жившіе на сѣверѣ, начали переходить къ болѣе правильной, устроенной жизни, но они разносили свое вліяніе и къ дикимъ финскимъ племенамъ. Но, живя въ

близкомъ съ ними сосѣдствѣ, они смѣшивались съ Финнами, нѣсколько мѣняли при этомъ свои собственные черты; такъ образовалось постепенно великорусское племя, которое по языку, и по облику, и по обычаямъ получило сильныя отличія отъ жителей южныхъ княжествъ.

Между княжествами, образовавшимися на сѣверѣ, особенно выдѣлилось Суздальское, или Ростовское, къ которому принадлежали земли, лежащія по верховьямъ Волги. Князья, при своихъ смутахъ, мало обращали на него вниманія, потому что оно было бѣдно и лежало далеко отъ богатыхъ княжествъ южныхъ, и неохотно шли туда княжить. Но зато тѣ князья, которые соглашались тамъ княжить, были устойчивѣе на своемъ мѣстѣ, болѣе сближались съ жителями княжества, чѣмъ это могли сдѣлать князья южные, постоянно перемѣнявшіе княжества, постоянно переходившіе изъ одного въ другое съ своими дружинами. Къ тому же, здѣсь было много старинныхъ городовъ, а въ тѣхъ городахъ, которые строили сами князья, власть ихъ была, конечно, особенно велика. Такимъ образомъ все шло къ тому, что князья суздальскіе и ростовскіе были у себя въ удѣлахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ южные.

Первымъ изъ ростовскихъ князей возвысился младшій сынъ Владимира Мономаха, Юрій, по прозванію Долгорукій. Разъ одинъ его племянникъ, Изяславъ, внукъ Владимира Мономаха, занялъ великокняжескій престолъ, который собственно долженъ былъ достаться по очереди Юрію, какъ старшему. Юрій не снесъ обиды и пошелъ противъ Кіевлянъ войной, которая тянулась долго и съ перемѣннымъ счастьемъ. Изяславъ нѣсколько разъ занималъ Кіевъ, но Юрій снова отнималъ у него великокняжескій престолъ. Во время этой войны была построена Москва. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ она, было помѣстье боярина Степана Ивановича Кучки; Юрій за какую-то вину казнилъ боярина и взялъ себѣ его помѣстье; оно такъ ему понравилось, что онъ построилъ здѣсь городъ. Это было въ 1147-мъ году.

Лишь по смерти Изяслава удалось Юрію утвердиться въ Кіевѣ. Онъ умеръ, будучи великимъ княземъ.

Но всей силы и значенія сѣверныя княжества достигли при храбромъ и благочестивомъ сынѣ Юрія Долгорукаго, Андреѣ.

Андрей не любилъ Южной Россіи. Когда его отецъ, утвердившись въ Кіевѣ, потребовалъ, чтобы онъ занялъ одинъ изъ южно-русскихъ удѣловъ, то Андрей, вопреки его волѣ, ушелъ къ себѣ на сѣверъ и заявилъ, что нигдѣ иначе жить не хочетъ.

Во время смутъ, начавшихся послѣ смерти Юрія, съ Андреемъ произошло то же, что и съ его отцомъ: великокняжескій престолъ, нарушая очередь, занялъ его племянникъ. Андрей не уступилъ своихъ правъ, но и не пошелъ самъ на Кіевъ. Онъ послалъ туда войско, которое взяло городъ и страшно его разграбило и разорило. Послѣ этого Андрей отдалъ Кіевъ младшему брату, а самъ, принявъ титулъ и власть великаго князя, остался жить на сѣверѣ. Однако своимъ стольнымъ (главнымъ) городомъ онъ сдѣлалъ не Суздаль и не Ростовъ, гдѣ жители были болѣе самостоятельны, а новый, небольшой городъ Владимиръ на Клязьмѣ, потому что здѣсь жители болѣе подчинялись волѣ князя.

Но Андрей не только перенесъ великокняжескій престолъ въ новое мѣсто,—онъ началъ и княжить совсѣмъ по-новому, не такъ, какъ то дѣлали другіе князья, которые заботились только о своихъ выгодахъ, да о выгодахъ своихъ дружинъ. Онъ понималъ, что, если Богъ поставилъ его княземъ, то это для того, чтобы онъ заботился о пользѣ страны. И всю жизнь свою онъ посвятилъ заботамъ о Русской землѣ. Богъ видимо помогалъ ему. Такъ, напримѣръ, разъ передъ сраженіемъ (Андрей и его войско всегда передъ сраженіемъ исповѣдывались и пріобщались Св. Тайнъ) всѣ видѣли, какъ отъ образа Спасителя, передъ которымъ служили, изошли свѣтлые лучи, покрывшіе все войско Андреево. И дѣйствительно, враги были совершенно разбиты.

Андрей былъ прозванъ Боголюбскимъ. Прозваніе это было дано ему по слѣдующему случаю. У Андрея была икона Божіей Матери, по преданію написанная самимъ Евангелистомъ Лукой. Разъ эту икону везли во Владимиръ; вдругъ лошади стали, и никакъ нельзя было заставить ихъ идти далѣе. Въ ту же ночь Матерь Божія во снѣ явилась великому князю и повелѣла на мѣстѣ, гдѣ остановились кони, воздвигнуть церковь. Андрей построилъ здѣсь село Боголюбово, въ которомъ обыкновенно и жилъ. Для иконы же Божіей Матери, называемой Влади-

мирской, онъ воздвигъ во Владимирѣ соборъ. (Нынѣ эта икона въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ).

Забываясь не о себѣ, а о спокойствіи Россіи, Андрей никого не боялся, а обращался строго со всеми князьями, которые начинали смуты. Конечно, это вызывало большія противъ него неудовольствія. Князья ему говорили: «Мы выбрали тебя старшимъ, а ты обращаешься съ нами, какъ со своими подручниками». Ссоры кончились войной. Правда, войско Андрея было разбито, но великокняжескаго престола онъ все-таки не уступилъ. Наконецъ, и бояре обидѣлись на него за его обхожденіе съ ними. Они рѣшились убить его и составили для этого заговоръ. Они подговорили ключника Андреева спрятать на ночь мечъ князя: такъ онъ и сдѣлалъ. Тогда убійцы ворвались ночью въ спальню Андрея; великій князь, не найдя меча, долго защищался скамейкой. «Зачѣмъ вы меня убиваете?» говорилъ онъ убійцамъ, «Гоподъ накажетъ васъ за это». Наконецъ, уже раненый, онъ въ темнотѣ вырвался и убѣжалъ. Убійцы догнали его и еще разъ ранили. «Господи, въ руки Твои предаю духъ мой», воскликнулъ Андрей, умирая. Св. мощи его почиваютъ во Владимирѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Андрея великокняжескій престолъ достался его брату, Всеволоду III. Этотъ князь былъ уже такъ спленъ, что обращался съ другими князьями еще самовластнѣе, чѣмъ Андрей и присоединилъ къ своему княжеству, Владимирскому, нѣкоторыя новыя области. Умирая, онъ уже не хотѣлъ, чтобы великое княжество досталось старшему въ родѣ, а оставилъ его своему второму сыну; значитъ, онъ распорядился имъ, какъ своею собственностью; прежніе князья не могли дѣлать этого.

5. Татарское иго (владычество татаръ).

Нашествіе татаръ. Въ азіатскихъ степяхъ, которыя лежатъ за Каспійскимъ моремъ и дальше, къ Китаю, издавна кочевали разные народы; назывались они Монголами, или Татарами. Какъ и всѣ кочевые народы, т.-е. такіе, которые не живутъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ съ одного на другое, Татары не имѣли ни деревень, ни даже просто домовъ; жили они въ пере-

носныхъ шалашахъ, кибиткахъ. Земли они не пахали, а только разводили скотъ; особенно много было у нихъ лошадей, и всѣ Татары отлично ѣздили верхомъ. Татары дѣлились на множество мелкихъ народцевъ, называвшихся ордами и жившихъ каждый отдѣльно. Царьки ихъ назывались ханами.

Въ концѣ XII вѣка (т.-е. около 1200 года послѣ Рождества Христова) у нихъ появился замѣчательный ханъ, названный Чингисъ-Ханомъ. Соединивъ всѣ орды подъ своею властью, онъ началъ завоевывать всю Азію, а потомъ послалъ двухъ своихъ полководцевъ съ большимъ войскомъ и въ Европу. Здѣсь Татары напали прежде всего на Половцевъ. Половецкій ханъ послалъ просить помощи у Русскихъ. Русскіе князья согласились на его просьбу. Огромное войско, русское и половецкое, встрѣтило Татаръ на рѣкѣ Калкѣ, которая впадаетъ въ Азовское море. Это было 1224-мъ году. Но русскіе князья и здѣсь не оставили своихъ ссоръ и усобицъ. Одинъ изъ нихъ бросился съ своими воинами на Татаръ раньше, чѣмъ это было назначено, и былъ разбитъ на-голову. Остальное русское войско устроило маленькую крѣпость. Три дня Русскіе храбро отбивались въ ней отъ Татаръ; на четвертый должны были уступить. Татары жестоко поступили съ побѣжденными: почти всѣхъ воиновъ перебили, а трехъ князей, попавшихъ въ плѣнъ, положили съ ихъ главными помощниками на землю, постлали на нихъ доски и сѣли на этихъ доскахъ обѣдать.

Но Татары не остались въ Россіи. Они повернули назадъ и снова ушли въ свои степи.

Чингисъ-Ханъ скорѣ умеръ. Татары опять раздѣлились на орды. Надъ одной изъ нихъ, въ 300,000 человекъ, ханомъ сдѣлался родственникъ Чингисъ-Хана, Батый. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ перваго нашествія Татаръ, въ 1237 году, Батый привелъ свою орду въ Россію и прежде всего въ Рязанское княжество. Рязанскіе князья тогда были въ ссорѣ съ великимъ княземъ владимирскимъ, племянникомъ Андрея Боголюбскаго и сыномъ Всеволода III, Юріемъ II. Поэтому они напрасно просили помощи у него; Юрій отказался сразаться вмѣстѣ съ ними. Между тѣмъ Татары потребовали, чтобы рязанскіе князья дали имъ десятую часть всего: людей, скота и имущества. Князья отвѣчали: «Когда изъ насъ никого не останется въ жи-

выхъ. вы все берите себѣ». Татары взяли Рязань, разгромили городъ, перебили всѣхъ жителей. Отъ Рязани они подошли къ самому Владимиру. Дорогой они побѣдили войско великаго князя и сожгли Москву, здѣсь они взяли въ плѣнъ сына великаго князя. Владимира Юрьевича. Когда они подошли къ городу Владимиру, Юрія тамъ не было: онъ поѣхалъ набирать войско. Татары осадили Владимиръ. Несмотря на отсутствіе князя, жители приготовились къ отчаянной защитѣ и начали стрѣлять въ Татаръ: тогда Татары подвели къ стѣнамъ Владимира Юрьевича, думая, что Владимирцы сдадутся. Молодого князя съ трудомъ можно было узнать: такъ онъ измѣнился въ татарскомъ плѣну отъ жестокаго обращенія. Съ великою жалостью смотрѣли Владимирцы на несчастнаго сына своего любимаго князя, но не переставали стрѣлять. Видя ихъ рѣшимость, татары рѣшились взять городъ приступомъ. Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ городъ уже былъ сожженъ, жители перебиты. Великокняжеское семейство заперлось въ соборѣ и сгорѣло вмѣстѣ съ нимъ.

Батый сталъ брать одинъ за другимъ русскіе города, и черезъ мѣсяцъ послѣ взятія Владимира его войско встрѣтилось съ войскомъ Юрія. Русскіе и здѣсь потерпѣли пораженіе; самъ Юрій былъ убитъ на р. Сити. Батый затѣмъ взялъ Тверь и Торжокъ и хотѣлъ пройти къ Новгороду, но вокругъ Новгорода, на большое пространство, тянулись болота, а уже началась весна; такъ спасся Новгородъ отъ татарскаго погрома.

Батый повернулъ на юго-востокъ въ степи, противъ Половцевъ. По дорогѣ онъ семь недѣль простоялъ подъ городомъ Козельскомъ (въ нынѣшней Калужской губ.) Жители этого маленькаго городка съ величайшей храбростью защищали своего князя, который былъ еще малолѣтнимъ. Разоривъ, наконецъ, Козельскъ, который татары прозвали «злымъ городомъ» и перебивъ его жителей, Батый направился противъ Половцевъ и побѣдилъ ихъ. Затѣмъ онъ снова пошелъ на Русь. Южные князья испытали, ту же судьбу, что и сѣверные. Ихъ княжества были опустошены, и самъ Кіевъ разоренъ, а жители перебиты (1240 г.).

Отсюда Батый направился въ Западную Европу: онъ опустошилъ Венгрію и нѣкоторыя сосѣднія земли, но затѣмъ, встрѣ-

тивъ сильное чешское и австрійское войско, повернулъ назадъ, въ Россію.

На берегахъ Волги, недалеко отъ Каспійскаго моря, онъ построилъ себѣ городъ Сарай и сталъ отсюда распоряжаться Россіей. Его орда получила названіе Золотой Орды. Россія была совсѣмъ разорена. Отъ многихъ городовъ остались только развалины. Жители разбѣжались по лѣсамъ, прячась отъ Татаръ, и некому было воздѣлывать землю. Повсюду лежали трупы погибшихъ въ сраженіяхъ Русскихъ: никто ихъ не хоронилъ; ихъ поѣдали дикіе звѣри и птицы. Мало-по-малу, однако, князья стали возвращаться въ свои удѣлы и созывать жителей на старыя мѣста. Но теперь они уже потеряли независимую власть. Они должны были теперь испрашивать у хана разрѣшенія, чтобы вступить въ управленіе своими княжествами — и, чтобы получить его, должны были дѣлать самому хану, его женамъ и приближеннымъ богатые подарки; а ханъ давалъ имъ за это грамоту на княженіе (ярлыкъ). Въ ознаменованіе своего подчиненія хану, князья должны были становиться передъ нимъ на колѣни, кланяться идоламъ и изображенію великаго хана (который самъ жилъ въ глубинѣ Азіи). Великаго же князя ханъ теперь назначалъ самъ, по своему выбору, и не сообразуясь съ очередью, и поэтому князья старались добиться у него великокняжескаго престола подкупамъ, хитростью. Но и получивъ разрѣшеніе занять престолъ, князья, однако, не раньше могли вступать въ управленіе княжествомъ, какъ послѣ того, какъ это управленіе торжественно вручалъ имъ ханскій посолъ. Кромѣ всѣхъ этихъ униженій, которыми выражалась зависимость русскихъ князей отъ татарскаго хана, князья обязаны были, въ случаѣ войны, приходить на помощь хану со своими войсками.

Но законовъ русскихъ князей не измѣнили и, получивъ власть, князья распоряжались въ своихъ княжествахъ самостоятельно. Тѣмъ не менѣе, Русскимъ приходилось много страдать отъ Татаръ: Татары наложили на всю Русскую землю большую дань, а право получать ее передали, за деньги, восточнымъ купцамъ, которые взимали ее при помощи татарскихъ чиновниковъ, баскаковъ. Дань эта была поголовная, такъ что для взиманія ея Татары произвели перепись всего народа. Кто

не могъ уплатить того, что на него приходилось, того всячески мучили, даже отнимали у него дѣтей и продавали ихъ въ неволю.

Но, несмотря на такія униженія и бѣдствія, Россія не погибла, а сохранилась невредимой. И это потому, что Богъ не попустилъ, чтобы Татары притѣсняли христіанскую вѣру. Страна была разорена, города сожжены, жители разбѣжались, сами князья боялись Татаръ. Отъ такого несчастія всѣ потерялись бы и впали въ отчаяніе, если бы нельзя было къ тому же и молиться, если бы не продолжались службы церковныя, которыя утѣшали въ бѣдствіяхъ. И это всѣ Русскіе понимали, и прежде всего князья. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ отказывались поклоняться, для полученія ярлыка, идоламъ, какъ того требовалъ Батый, и готовы были скорѣе умереть за вѣру Христову.

Между князьями-мучениками особенно прославился князь черниговскій Михаилъ съ бояриномъ Θεодоромъ. Прежде чѣмъ ѣхать къ Батыню, онъ долго уговаривалъ князей и короля венгерскаго пойти противъ Батыя войной, но всѣ боялись. Тогда Михаилъ покорился и, взявъ съ собой внука, любимаго своего боярина Θεодора и нѣсколько приближенныхъ, отправился въ Орду. Батый приказалъ ему поклониться солнцу: «Если поклонишься солнцу, получишь княжество; не поклонишься,—будешь убитъ». Михаилъ отказался и сказалъ Батыню: «Тебя Богъ поставилъ надъ нами владыкой,—тебѣ поклоняюсь. Но кланяться солнцу не могу: я—христіанинъ». Долго уговаривали Михаила Татары покориться; то же совѣтовали ему и Русскіе, обѣщая, что всенародной эпитиміей будутъ замаливать его отступничество. Но Михаилъ былъ твердъ. Тогда на него бросились татарскіе палачи, били его палками, топтали ногами и, наконецъ, убили до смерти. Святой князь до самой кончины пѣлъ псалмы и повторялъ: «Я христіанинъ». Та же участь постигла и Θεодора. Тѣла ихъ татары бросили псамъ, но они остались нетронутыми, и надъ ними то видѣли свѣтъ, то слышали дивное пѣніе. При первой возможности Русскіе тайно перевезли ихъ изъ Орды, и нынѣ мощи находятся въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ.

Первый послѣ нашествія Татаръ митрополитъ, Кириллъ, почти не жилъ на одномъ мѣстѣ. Онъ все время вынужденъ былъ

разъѣзжать по Россіи, приводя въ порядокъ церковныя дѣла. Чаше же всего онъ бывалъ во Владимирѣ, такъ какъ тамъ жилъ великій князь. Преемникъ его митрополитъ Максимъ уже окончательно переселился изъ Кіева во Владимиръ. Но онъ не зналъ, будетъ ли угодна эта перемѣна Богу, и въ молитвѣ просилъ у Него паставленія. И вотъ во снѣ ему явилась Пресвятая Богородица и сказала: «Рабъ Мой, Максимъ, паси въ семь градѣ (во Владимирѣ) Моехъ словесныхъ овецъ». Успокоенный этимъ видѣніемъ, митрополитъ Максимъ остался во Владимирѣ. Такъ съ этихъ поръ не только князья переселились съ юга на сѣверъ, но за ними послѣдовала и духовная власть.

Александръ Невскій. Новгородъ не былъ похожъ на остальные города русскіе: онъ отличался отъ нихъ и своимъ богатствомъ и своимъ устройствомъ.

Причиной его богатства было его выгодное положеніе, которое помогло ему вести большую торговлю съ Западной Европой. Уже изъ старинныхъ товаровъ изъ сѣверной части Западной Европы перевозились въ южную, въ Грецію, такъ-называемымъ великимъ воднымъ путемъ, т.-е. изъ Балтійскаго моря Невой, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, озеромъ Ильменемъ, Ловатью, Днѣпромъ и въ Черное море. Между Ловатью и Днѣпромъ лодки тащили по землѣ. Понятно, что города, которые стояли на этомъ пути и въ которые заѣзжали проѣзжіе купцы, получали большую выгоду и сами принимали участіе въ торговлѣ. И выгоднѣе всего было городамъ, стоявшимъ на концахъ великаго воднаго пути, т.-е. Новгороду—на сѣверѣ и Кіеву—на югѣ. Но Кіевъ страдалъ отъ княжескихъ усобицъ, и богатство его не могло развиваться. Не то было въ Новгородѣ. Городъ этотъ стоялъ вдалекѣ отъ тѣхъ удѣловъ, за которые боролись князья, былъ отдѣленъ отъ нихъ лѣсами и болотами, князья неохотно шли княжить въ такое отдаленное мѣсто, и потому ему не приходилось терпѣть отъ войнъ и междоусобій. Принимая участіе въ торговлѣ, которая шла черезъ него, онъ постепенно развилъ и свою собственную. Нѣмецкіе купцы пріѣзжали въ него, даже селились въ немъ и привозили съ собою свои товары. А товарами этими были разныя произведенія, которыя умѣли дѣлать въ западной Европѣ, болѣе образованной, и которыхъ не умѣли дѣлать въ малообразованной Россіи—т.-е. разныя ткани, оружіе,

стекло и т. п. Покупая или вымѣнивая эти товары, Новгородцы затѣмъ перепродавали ихъ въ другія мѣста Россіи. Иностранцамъ же они продавали то, чѣмъ была богата Россія: мѣха, сало, кожи, ленъ, иногда хлѣбъ и тому подобные сырые продукты.

Особенно цѣнили иностранцы мѣха и кожи. Чтобы добывать ихъ, отважные Новгородцы отправлялись очень далеко, на сѣверъ—до Бѣлаго моря, на востокъ—до Уральскихъ горъ. Громадные лѣса, покрывавшіе всѣ эти сѣверныя и сѣверо-восточныя мѣстности, были полны всевозможныхъ звѣрей. Жили же въ нихъ различные дикіе финскіе народы; Новгородцы, покоряя эти народы, облагали ихъ данью въ видѣ мѣховъ и шкуръ, которые и отвозили домой для продажи. При этомъ Новгородцы основывали свои поселки, изъ которыхъ нѣкоторые разрослись въ города; такъ возникла, напр., Вятка.

Кромѣ своей обширной торговли и богатства, Новгородъ отличался и своимъ внутреннимъ устройствомъ. Въ русскихъ городахъ (кромѣ самыхъ молодыхъ, построенныхъ ростовскими князьями, какъ, напр., Москва, Владимиръ) были вѣча; такъ назывались сходы всѣхъ жителей, которые обсуждали вмѣстѣ съ князьями важныя дѣла. Само-собою разумѣется, что главную власть имѣли, однако, князья, и вѣча повиновались имъ. Не то было въ Новгородѣ; здѣсь вѣче получило совершенно особенную силу и значеніе; произошло это все отъ того же, т.-е. отъ того, что князья избѣгали княжить въ далекомъ Новгородѣ и, попадая въ него, только о томъ и думали, какъ бы получить удѣлъ болѣе близкій къ другимъ. А съ другой стороны и сами жители были и богаты и предприимчивы. Такимъ образомъ и произошло, что вѣче въ Новгородѣ взяло въ свои руки всю власть и само рѣшало всѣ дѣла; для постояннаго же наблюденія за дѣлами, для веденія ихъ, оно выбирало особаго выборнаго, который назывался посадникомъ. Князю же принадлежали только военная власть и высшій судъ. Мало-по-малу сила вѣча столь увеличилась, что Новгородъ уже не хотѣлъ подчиняться князьямъ, которыхъ ему назначали. Наоборотъ, вѣче само призывало князя, какого хотѣло, а когда было имъ недовольно, то заставляло его удалиться и призывало новаго.

Такое же устройство было и въ Псковѣ, который назывался «младшимъ братомъ Новгорода».

У обоихъ этихъ городовъ были сильные враги: Шведы, Нѣмцы и Литовцы; эти враги часто нападали на нихъ. Такъ случилось и во время Батыева нашествія, когда у Новгородцевъ княземъ былъ племянникъ Юрія II, Александръ. Въ 1240 году Шведы напали на Новгородскую землю; ихъ начальникъ, Биргеръ, послалъ сказать Александру: «Сражайся со мною, если посмѣешь; я уже въ твоей землѣ». Александръ сейчасъ же собралъ новгородское войско и пошелъ противъ Шведовъ. Онъ не испугался словъ Биргера, надѣясь на помощь Божию; такъ онъ и говорилъ своему войску, послѣ того, какъ, помолившись въ новгородскомъ соборѣ святой Софіи, выступилъ въ походъ. Вотъ его слова: «Врагъ силенъ, а насъ немного; но Богъ не за того, кто силенѣе, а за того, кто правѣе. Пойдемъ же противъ Шведовъ!» Войска встрѣтились на берегахъ Невы. Разсказываютъ, что въ ночь передъ битвой одинъ русскій воинъ видѣлъ, что по Невѣ плыветъ лодка, а въ ней сидятъ два юноши, совсѣмъ похожіе на Бориса и Глѣба, сыновей Владимира Святого, какъ ихъ ищутъ на иконахъ, и что Борисъ говоритъ брату: «Поможемъ родственнику нашему Александру». Александру это придало еще болѣе храбрости; на другой же день, не медля, напалъ онъ на Шведовъ. Битва была ужасная; Александръ самъ ранилъ Биргера копьемъ въ лицо. Шведы стали ослабѣвать. Наконецъ, одинъ русскій воинъ подрубилъ столбы, на которыхъ была устроена палатка Биргера, и она обрушилась. Шведы въ полномъ смятеніи обратились въ бѣгство. За эту побѣду Александръ получилъ прозваніе Невскаго.

Но Новгородцы скоро оскорбили Александра, и онъ перешелъ отъ нихъ въ другое княжество. Тогда въ 1241 году, уже не Шведы, а нѣмецкій рыцарскій орденъ Меченосцевъ пошелъ на Новгородъ. Рыцарскими орденами назывались общества лицъ, соединенныхъ между собой полу-монашескими, полу-военными обѣтами. Въ ордена эти вступали разные знатные люди, которые обѣщались, во-первыхъ, вести хорошую, христіанскую жизнь, служить бѣднымъ и несчастнымъ, защищать ихъ, а во-вторыхъ, воевать съ язычниками, какъ врагами христіанства. Подчинялись они обыкновенно одному начальнику, который назывался магистромъ ордена. Однимъ изъ такихъ орденовъ и былъ орденъ Ливонскій или, по другому названію,

орденъ Меченосцевъ. Цѣлью его было обращать въ христіанство языческія финскія племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря и Финскаго залива. Первоначально племена эти подчинялись русскимъ князьямъ, платили имъ дань; Ярославъ Мудрый построилъ въ этихъ мѣстахъ городъ Юрьевъ (позднѣе онъ былъ переименованъ въ Дерптъ и лишь недавно снова получилъ свое исконное имя). Въ XII в. начали сюда заѣзжать нѣмецкіе купцы, а затѣмъ была здѣсь основана нѣмецкая епископія и построены Нѣмцами городокъ. Русскіе князья (полоцкіе) сами на это согласились, не понявъ, что такимъ образомъ у нихъ отнимаются берега Балтійскаго моря. Наконецъ, въ началѣ XIII вѣка былъ построенъ городъ Рига и основанъ орденъ Меченосцевъ.

Гордые Меченосцы съ презрѣніемъ смотрѣли на Русскихъ и, не довольствуясь покореніемъ туземцевъ-язычниковъ, рѣшились напасть на Новгородъ. Начали они, однако, съ того, что осадили и взяли Псковъ, а потомъ подошли почти къ самому Новгороду. Новгородцы, видя, что имъ приходится плохо, послали просить прощенія у Александра. Александръ сейчасъ же вернулся въ Новгородъ и выступилъ съ войскомъ противъ Нѣмцевъ. Однако, прежде, чѣмъ сражаться съ ними, онъ заманилъ ихъ на одно озеро (дѣло было зимой) и уже тамъ далъ битву. Она была еще жесточе, чѣмъ Невская, и опять побѣдителемъ остался Александръ; цѣлыхъ семь верстъ гнались Русскіе по льду за непріятелями и убивали ихъ. Эта битва называется Ледовымъ побоищемъ, потому что происходила на льду.

Шведамъ и Нѣмцамъ не удалось побѣдить Новгородцевъ; вздумали попробовать счастья Литовцы. Но съ ними Александръ справился безъ всякаго труда: въ нѣсколько дней онъ три раза побѣдилъ ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ слава Александра распространилась по всей Россіи. Но Александръ понималъ, что татары сильнѣе русскихъ и что лучше до поры до времени повиноваться имъ, и поѣхалъ къ Батюю. Батый приказалъ ему ѣхать еще дальше, въ Азію, къ самому великому хану, т.-е. хану надъ всѣми монголами и татарами. Александръ исполнилъ и это приказаніе. Великій ханъ очень полюбилъ его и назначилъ княземъ новгородскимъ и кіевскимъ.

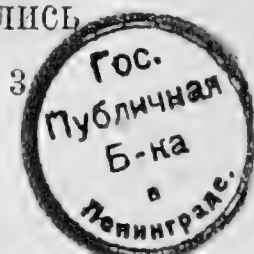
Тѣмъ временемъ между русскими князьями снова начались

междоусобія. Но, впрочемъ, они довольно скоро прекратились, и тогда ханъ далъ ярлыкъ на великокняжескій престолъ Александру. Это было очень полезно для всей земли Русской: Александръ Невскій лучше всѣхъ князей понималъ, какъ надо обходиться съ татарами, понималъ, что силой съ ними ничего сдѣлать нельзя, а что, напротивъ, надо пока угождать имъ. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду, посылалъ и самъ отвозилъ туда много подарковъ и всегда былъ послушенъ хану.

Разъ ханъ прислалъ баскаковъ переписать весь русскій народъ: онъ желалъ узнать, сколько можетъ онъ получить дани. Но Новгородцы не допустили у себя переписи и подняли мятежъ противъ баскаковъ. Какъ Александръ ихъ ни уговаривалъ, ничего не помогло. Между тѣмъ ханъ, узнавъ о неповиновеніи Новгородцевъ, послалъ противъ нихъ войско. Тогда Александръ объявилъ, что онъ не будетъ защищать Новгородцевъ передъ ханомъ, а пусть татары дѣлаютъ съ ними, что хотятъ. Видя, что имъ приходится погибать, Новгородцы смирились; перепись была произведена и у нихъ. Но вслѣдъ за тѣмъ начались волненія въ другихъ городахъ: Ростовѣ, Суздальѣ, Владимирѣ. Жители этихъ городовъ возстали противъ татарскихъ сборщиковъ податей и многихъ изъ нихъ убили. Ханъ разсердился на нихъ еще больше, чѣмъ на Новгородцевъ. Александръ сейчасъ же поспѣшилъ въ Орду и сумѣлъ выпросить у хана прощеніе мятежнымъ городамъ. Почти годъ прожилъ онъ въ Сараѣ. Больше ему не суждено было видѣть Владимира. На возвратномъ пути, около Нижняго, Александръ заболѣлъ и умеръ (въ 1263 году).

Когда вѣсть о кончинѣ князя дошла до Владимира, митрополитъ созвалъ всѣхъ жителей въ соборъ. «Милыя мои дѣти!» воскликнулъ онъ, «закатилось солнце земли Русской!» Народъ не сразу догадался, въ чемъ дѣло. Митрополитъ помолчалъ и добавилъ: «Не стало Александра!» Тутъ только поняли Владимирцы, какое горе постигло Россію; всѣ стали плакать и кричать: «Погибаемъ, погибаемъ!» Такъ любили всѣ Александра. Теперь онъ причтенъ къ лику Святыхъ: мощи его покоятся въ Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ; ихъ перенесъ туда изъ Владимира Петръ Великій.

Іоаннъ Калита. Послѣ Александра Невского снова начались

смуты, и великіе князья смѣняли другъ друга очень быстро. Но тутъ происходило то, чего раньше не бывало. Великокняжескій престолъ доставался не тому князю, который имѣлъ на него право по старшинству, а тому, который болѣе угождалъ хану, болѣе ему платилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ отъ хана ярлыкъ (грамоту) на великокняжескій престолъ, князья часто уже не переѣзжали жить во Владимиръ, а оставались въ своихъ удѣлахъ.

Въ это время начало получать особое значеніе княжество Московское. Собственно, оно было очень невелико, но первые князья Московскіе и не думали дѣйствовать силой. Напротивъ, они понемногу, осторожностью и бережливостью, старались скопить себѣ богатство, а угодливостью хану—доставить жителямъ спокойствіе и миръ.

Особенно отличался этими качествами внукъ Александра Невского, Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита (Калита значитъ мѣшокъ съ деньгами: Іоаннъ всегда носилъ при себѣ такой мѣшокъ, чтобы подавать милостыню бѣднымъ). Онъ получилъ отъ своего отца всего четыре города и нѣсколько селъ, но сумѣлъ возвысить свое маленькое княжество надъ всѣми другими. Онъ во всемъ повиновался хану, часто ѣздилъ въ Орду и подолгу тамъ жила; хану и его приближеннымъ онъ дѣлалъ большіе подарки, на что имѣлъ возможность, благодаря тому, что уже отецъ его былъ богатъ. Всѣмъ этимъ онъ такъ расположилъ хана въ свою пользу, что тотъ далъ ему многія преимущества. Онъ передалъ ему надзоръ за другими князьями и даже поручилъ ему наказывать ихъ, когда они ослушались хана. Но особенно важно было то, что Іоаннъ сумѣлъ выпросить у хана право самому собирать, вмѣсто баскаковъ, дань и самому отвозить ее въ Орду. Жители получили отъ этого великое облегченіе и смотрѣли на Іоанна, какъ на своего спасителя. А Іоанну это было выгодно не только потому, что тѣмъ усиливалось довѣріе къ нему Русскихъ, но и тѣмъ, что часть дани оставалась въ его пользу, а слѣдовательно онъ постоянно богатѣлъ.

Но не одной угодливостью хану, не однимъ своимъ богатствомъ возвысилъ Іоаннъ свое княжество. Возвышенію этому помогало еще слѣдующее: Іоаннъ Калита былъ очень друженъ съ митрополитомъ Владимирскимъ (тогда былъ только одинъ

митрополитъ въ Россіи)—святымъ Петромъ, и Петръ часто гостилъ въ Москвѣ. Передъ смертію онъ сказалъ Іоанну: «Утѣшь меня въ старости, построй великолѣпный соборъ во имя Божіей Матери. Если ты это сдѣлаешь, то ты и потомки твои всегда будутъ побѣждать враговъ». Іоаннъ, въ исполненіе завѣщанія митрополита построилъ Успенскій соборъ; въ этомъ соборѣ и покоятся мощи святого Петра. Преемникъ Петра, митрополитъ Θεогностъ, совсѣмъ переселился въ Москву. Переселеніе митрополитчѣй каѳедры въ Москву выдвинуло этотъ городъ передъ всѣми городами русскими. Однако, Іоанну еще недоставало великокняжеской власти. Но скоро онъ получилъ и ее.

Соперниками князьямъ Московскимъ въ борьбѣ изъ-за этой власти были въ это время лишь князья Тверскіе. При Іоаннѣ великимъ княземъ былъ князь Тверской Александръ. Іоаннъ долго выжидалъ, какъ бы отнять у него власть, и, наконецъ, дождался удобнаго случая. Тверитяне убили ханскаго баскака, притѣснявшаго ихъ при собираніи дани. Іоаннъ отправился въ Орду, чтобы сообщить объ этомъ хану, и ханъ далъ ему великокняжескій ярлыкъ и большое татарское войско, приказавъ наказывать Александра и Тверитянъ. Александръ бѣжалъ въ Псковъ. Іоаннъ не рѣшился начать войну противъ этого города. Тогда помощь ему оказалъ митрополитъ Θεогностъ: онъ угрозилъ Пскову отлученіемъ отъ Церкви, если они не выдадутъ Александра. Александръ въ это время уже успѣлъ заслужить любовь Псковитянъ, и они не хотѣли его отпускать. Но Александръ сказалъ: «Братья мои и друзья! не будь на васъ проклятія ради меня. Ёду вонъ изъ вашего города и освобождаю васъ отъ клятвы, которой вы мнѣ клялись».

Полтора года скрывался Александръ, а когда гнѣвъ ханскій остылъ, вернулся въ Псковъ, гдѣ и княжилъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Мало-по-малу онъ примирился съ ханомъ и поѣхалъ въ Орду, откуда вернулся съ великокняжескимъ ярлыкомъ. Тогда Іоаннъ немедленно отправился также къ хану и началъ его возстановлять противъ Александра. Борьба эта кончилась тѣмъ, что Александръ, по внушенію Калиты, былъ вызванъ въ Орду и убитъ.

Послѣ такой побѣды Іоанна надъ своимъ главнымъ врагомъ, послѣ того, какъ самъ митрополитъ выступилъ ему на помощь,

никто изъ князей уже не смѣлъ помышлять о борьбѣ съ княземъ московскимъ. Калита чувствовалъ себя уже столь сильнымъ и прочнымъ на великокняжескомъ престолѣ, что не довольствовался титуломъ «Великаго Князя Владимирскаго», а сталъ называть себя «Великимъ Княземъ всей Руси» и, конечно, попрежнему и княземъ Московскимъ.

Жилъ онъ, конечно, не во Владимирѣ, а въ Москвѣ и всячески старался увеличить свое Московское княжество; нѣсколько удѣловъ онъ купилъ; нѣкоторые князья, умирая, сами завѣщали ему свои удѣлы. Увеличивалось и населеніе Московскаго княжества, потому что тишина, которая въ немъ царствовала, привлекала въ него жителей изъ другихъ областей, гдѣ жить было менѣе безопасно. Приходили селиться подъ власть Московскаго князя крестьяне, приходили къ нему на службу бояре отъ другихъ князей, являлись къ нему даже выходцы изъ Орды, принявшіе христіанство.

Калита передъ смертью (1340 г.) завѣщалъ свои земли своимъ тремъ сыновьямъ, но при этомъ распорядился, чтобы Москва была въ ихъ общемъ владѣніи. Такимъ образомъ, кто бы изъ нихъ ни сдѣлался великимъ княземъ, Москва все-таки должна была остаться великокняжеской столицей. Такъ оно въ дѣйствительности и было, и великокняжескій престолъ уже навсегда сохранился за князьями Московскими, потомками Іоанна Калиты.

Димитрій Донской (Св. Алексій Митрополитъ). Правда, нѣкоторая смута изъ-за Владимирскаго престола произошла во время малолѣтства внука Іоанна Даниловича Калиты, Димитрія Іоанновича, который остался послѣ отца ребенкомъ. Князь Суздальскій хотѣлъ воспользоваться этимъ и занять Владимирскій престолъ; но митрополитъ Московскій, святой Алексій, и старые бояре, которые служили еще отцу Димитрія, взяли на себя управленіе дѣлами и никому не позволили обидѣть маленькаго князя. Даже больше того: Димитрію не было еще четырнадцати лѣтъ, когда къ Московскому княжеству было присоединено еще нѣсколько удѣловъ. А затѣмъ мало-по-малу всѣ сѣверные князья должны были признать надъ собой старшинство и власть Димитрія Іоанновича, хотя и оставались полноправными въ своихъ удѣлахъ. Въ этомъ Димитрію, между

прочимъ, много помогъ преподобный Сергій, который уговаривалъ непокорныхъ князей подчиниться Московскому князю, убѣждая, что это будетъ лучше для всѣхъ: когда у одного князя будетъ много силы, то онъ будетъ въ состояніи держать порядокъ во всей странѣ.

Св. Алексій былъ сынъ одного знатнаго боярина. Разъ, двѣнадцать лѣтъ отъ роду, забавляясь ловлей птицъ, онъ заснулъ и услышалъ во снѣ голосъ, говорившій: «Алексій. Къ чему этотъ трудъ твой? Тебѣ надо быть ловцомъ людей!» Съ этихъ поръ началъ онъ удаляться отъ своихъ товарищей, любилъ оставаться одинъ. Еще очень молодымъ поступилъ онъ въ монастырь. Скоро митрополитъ Θεогностъ узналъ, полюбилъ его и приблизилъ къ себѣ; онъ уже самъ просилъ патріарха Царьградскаго, чтобы онъ послѣ его смерти поставилъ въ митрополиты Московскіе Алексія. Патріархъ такъ и сдѣлалъ. Великій трудъ выпалъ на долю св. Алексія. Много было ему заботъ по церковному управленію, а къ нимъ присоединились еще заботы по управленію государствомъ, во время малолѣтства Дмитрія Іоанновича. Но Богъ во всемъ помогалъ митрополиту, заслужившему Его благоволеніе святой жизнью.

Св. Алексій сподобился дара чудотворенія. Однажды жена хана заболѣла глазами. Ханъ прислалъ сказать въ Москву: «Я слышалъ, что Богъ во всемъ помогаетъ главному вашему архіерею. Пришлите же его, чтобы онъ помогъ царицѣ моей». Съ упованіемъ на Бога отправился св. Алексій въ Орду, и точно, по его молитвѣ, жена хана выздоровѣла. Въ благодарность за это ханъ даровалъ русскому духовенству многія льготы, а святой Алексій заложилъ въ Москвѣ, на землѣ, подаренной ему ханшей, монастырь, названный Чудовымъ, въ честь чуда Архангела Михаила въ Хонѣхъ. (Оно воспоминается Церковью 6-го сент.).

Пятнадцать лѣтъ, до самой кончины, неустанно помогать св. Алексій Дмитрію Іоанновичу. Тѣло его было погребено въ Чудовомъ монастырѣ. Черезъ шестьдесятъ лѣтъ сводъ церкви обрушился, разбилъ гробъ, и тѣло святителя найдено нетлѣннымъ. Нынѣ мощи его почиваютъ уже открыто въ Чудовомъ же монастырѣ.

Усилившись съ помощью митрополита, пр. Сергія и вѣр-

ныхъ бояръ, въ своемъ собственномъ княжествѣ и между остальными князьями. Димитрій рѣшился освободить Россію отъ татаръ. Онъ зналъ, что теперь ихъ уже нечего бояться; съ одной стороны его собственная сила была велика, а съ другой—Орда очень ослабла, такъ какъ тамъ происходили постоянныя смуты изъ-за ханскаго престола. Увидѣвъ непокорность великаго князя, ханъ, по имени Мамай, послалъ противъ него большое войско; но Димитрій легко разбилъ его на-голову. Мамай совсѣмъ разсвирѣпѣлъ и самъ рѣшился идти на Москву, чтобы наказать Димитрія. Два года собиралъ онъ огромное войско и отыскивалъ союзниковъ; союзники эти нашлись: то были князья Литовскій и Рязанскій.

Но и Димитрій не терялъ времени даромъ; онъ тоже собиралъ войско и тоже призывалъ союзниковъ; это было ему легко сдѣлать: всѣ почти князья русскіе, кромѣ рязанскаго, явились со своими войсками на помощь Димитрію.

Осенью 1380-го года пошелъ Мамай на Россію.

Димитрій двинулся къ нему навстрѣчу. Но прежде, чѣмъ выступить изъ Москвы, онъ съѣздитъ къ святому Сергію, который тогда уже основалъ монастырь, называемый теперь Троице-Сергіевой Лаврой, и который очень любилъ Димитрія. Святой Сергій благословилъ Димитрія идти противъ Мамаю словами: «Слѣдуетъ тебѣ, князь, защитить ввѣренную тебѣ державу: иди на нечестивыхъ, за тебя Богъ правды». Онъ предсказалъ ему побѣду, хотя лишь послѣ жестокой битвы; окропилъ святой водой великаго князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ, а также и великокняжеское знамя (оно было сдѣлано изъ черной ткани, и на немъ былъ изображенъ Нерукотворный Ликъ Спасителя). Отпуская Димитрія, Сергій приказалъ двумъ монахамъ, Александру Пересвѣту и Родіону Ослябѣ, присоединиться къ войску и сражаться противъ Татаръ.

Немедленно по возвращеніи Димитрія въ Москву, войско выступило. Великій князь помолился Богу въ Успенскомъ соборѣ, обнялъ свою жену, сказалъ ей: «Не бойся за насъ, Богъ будетъ за насъ заступникомъ!», сѣлъ на коня и выступилъ въ походъ. Въ Коломнѣ онъ сдѣлалъ смотръ своего войска: его оказалось 150.000 человекъ; никогда еще до тѣхъ поръ не собиралось такого большого русскаго войска.

6-го сентября Русскіе пришли къ Дону, за которымъ уже стояли Татары. Стали разсуждать, переходить черезъ рѣку или нѣтъ; рѣшили—переходить: во-первыхъ, надо было поспѣшить начать сраженіе прежде, чѣмъ Литовцы придутъ на помощь Татарамъ; во-вторыхъ, если въ войскѣ русскомъ окажутся трусы, то имъ труднѣе будетъ бѣжать. Къ тому же Димитрій получилъ письмо отъ святаго Сергія, въ которомъ было написано: «Непремѣнно переходи; Богъ и Святая Богородица помогутъ тебѣ».

Въ ночь съ 7-го на 8-е сентября Русскіе переправились въ бродъ черезъ Донъ и построились около рѣчки Непрядвы, притокъ Дона. Димитрій еще разъ помолился Богу, прося Его помощи къ предстоящей битвѣ, и объѣхалъ всѣхъ воиновъ; онъ говорилъ, какая имъ будетъ слава, если они разобьютъ Татаръ, называлъ ихъ милыми братьями, со многими цѣловался. Наконецъ, онъ приказалъ выступить впередъ, навстрѣчу Татарамъ. Войска встрѣтились въ 12 часовъ дня на широкомъ Куликовомъ полѣ: отсюда и битва называется Куликовской (ее называютъ иначе Мамаевымъ побоищемъ). Началось сраженіе, какого еще никогда не бывало; на пространствѣ цѣлыхъ десяти верстъ кровь лилась, какъ вода; воины задыхались отъ тѣсноты. лошади не могли ступить по трупамъ. Димитрій въ одеждѣ простого воина сражался вмѣстѣ со всѣми. Наконецъ, Татары стали одолѣвать. Но у Русскихъ было еще войско, спрятанное въ лѣсу; имъ начальствовалъ двоюродный братъ Димитрія. Владимиръ Андреевичъ, и воевода Московскій, по фамиліи Волинскій. Давно уже Владимиръ Андреевичъ говорилъ Волинскому: «Долго ли намъ стоять здѣсь? Смотри, уже почти всѣ Русскіе перебиты». Но Волинскій удерживалъ его. Наконецъ онъ вынулъ изъ ноженъ мечъ и воскликнулъ: «Теперь пора!» Засадное войско бросилось на Татаръ. Татары не ожидали этого и пустились бѣжать. Мамай все время смотрѣлъ на битву съ высокаго холма; увидавъ, что Татары обратились въ бѣгство, онъ воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанскій!» и тоже побѣждалъ отъ Русскихъ. А Русскіе гнали за врагами, убивали ихъ и захватывали все ихъ имущество. Наконецъ, князь Владимиръ велѣлъ трубить въ знакъ побѣды. Всѣ сходились на этотъ звукъ, но великаго князя не было. Начались разспросы, гдѣ

онъ? Одни говорили, что видѣли его, жестоко израненнаго, и что онъ, должно быть, убитъ, другіе—что онъ отбивался отъ четырехъ татаръ, третьи—что онъ, весь израненный, ушелъ изъ битвы. Владимиръ со слезами просилъ отыскать великаго князя, обѣщая за это большую награду. Воины бросились исполнять его порученіе; послѣ долгихъ поисковъ два воина нашли Дмитрія лежащаго безъ чувствъ подъ упавшимъ деревомъ: латы и шлемъ его были изрублены, но самъ онъ не былъ раненъ. Владимиръ сейчасъ же прискакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ. Дмитрій понемногу пришелъ въ себя, всталъ и помолился Богу и благодарилъ всѣхъ—и Владимира Андреевича, и начальниковъ, и воиновъ; затѣмъ онъ объѣхалъ все поле, жалѣя, что погибло такъ много Русскихъ; между убитыми оказались и Ослабъ съ Пересвѣтомъ.

Мамай, вернувшись въ Орду, хотѣлъ было еще собрать войско противъ Россіи. Но въ это время его убилъ его родственникъ, Тохтамышъ, и самъ сталъ ханомъ Золотой Орды.

Тохтамышъ потребовалъ у Дмитрія дани. Дмитрій отказался платить. Тогда Тохтамышъ тайно собралъ войско и такъ осторожно выступилъ въ походъ, что Дмитрій узналъ о немъ только, когда онъ уже стоялъ около самой Москвы и осадилъ ее. Дмитрія тогда не было въ городѣ, но Москвичи и безъ него такъ храбро защищались, что Тохтамышъ не могъ съ ними справиться; видя, что осада не удастся, онъ рѣшилъ взять городъ хитростью; онъ увѣрилъ Москвичей, что имъ онъ зла не хочетъ; если только они отворятъ ему ворота города, онъ уйдетъ назадъ. Москвичи повѣрили и впустили его къ себѣ; но Тохтамышъ всѣхъ почти жителей перебилъ, сжегъ Москву и сталъ разрушать и другіе русскіе города. Между тѣмъ и Дмитрій съ Владимиромъ Андреевичемъ успѣли собрать войско и готовились идти противъ Тохтамыша. Но тутъ оказалось, что ханъ былъ храбръ только тогда, когда можно было дѣйствовать тайкомъ да обманомъ. Узнавъ о приготовленіяхъ Дмитрія, онъ сейчасъ же безъ всякой битвы поспѣшилъ уйти къ себѣ въ Золотую Орду.

Дмитрій, однако, не хотѣлъ еще разъ подвергать свой народъ нападеніямъ Татаръ и послалъ хану дань. Цѣлыхъ столѣтъ платили еще Русскіе дань Татарамъ.

Значить, Куликовской битвой Дмитрію не удалось освободиться отъ Татаръ. Но тѣмъ не менѣе эта битва была очень важна. Татары поняли теперь, что съ Русскими не всегда легко сладить, а Русскіе увидали, что Татары вовсе не такъ страшны, какъ казалось прежде.

Послѣ нашествія Тохтамыша Дмитрій прожилъ еще только семь лѣтъ; онъ умеръ въ 1389 году, всего тридцати девяти лѣтъ отъ роду. Передъ смертью онъ прямо завѣщалъ Владимірскій престолъ своему старшему сыну, зная, что теперь уже никто не посмѣетъ спорить съ Московскимъ княземъ о правѣ быть великимъ княземъ. За Куликовскую битву Дмитрій получилъ прозваніе Донского.

Св. Сергій Радонежскій. Стефанъ Пермскій. Зосима и Савватій Соловецкіе. Какъ прежде Богъ благословилъ Кіевъ, возвысивъ въ немъ Кіево-Печерскую Лавру, такъ и теперь Онъ показалъ милость Свою Москвѣ тѣмъ, что воздвигъ близъ нея великаго угодника, преподобнаго Сергія Радонежскаго, основателя Троице-Сергіевой Лавры. Преп. Сергій былъ современникомъ святителя Алексія. Сынъ боярина изъ города Радонежа, маленькій Варѣоломей (такъ звали Сергія въ міру) съ дѣтства отличался благочестивымъ и кроткимъ характеромъ. Но ученіе ему не давалось. И вотъ, разъ въ лѣсу встрѣтилъ онъ святого старца и рассказалъ ему свое горе. Старецъ благословилъ его и далъ ему просфору; съ того часу понялъ Варѣоломей грамоту; ученіе его пошло легко и успѣшно. Выросши, Варѣоломей хотѣлъ поступить въ монастырь, но родители удержали его. «Мы старцы, немощны, бѣдны», говорили они, «похорони насъ и тогда иди въ монастырь». Варѣоломей повиновался; но послѣ смерти родителей, вмѣстѣ со своимъ братомъ Стефаномъ, бывшимъ уже монахомъ, пошелъ искать уединеннаго мѣста. Найдя такое мѣсто среди глухого лѣса, братья поставили церковь во имя Святой Троицы. А вскорѣ затѣмъ Варѣоломей постригся въ монахи подъ именемъ Сергія. Стефанъ ушелъ затѣмъ въ Москву, въ монастырь, Сергій остался одинъ, окруженный лишь дикими звѣрями. Но онъ не страшился ихъ и даже дѣлилъ съ ними свою скудную пищу.

Черезъ три года начали приходить къ нему ученики, и такъ мало-по-малу возникъ монастырь, первымъ игуменомъ котораго

былъ самъ преподобный Сергій. По всей Русской землѣ разошлась слава о его святой жизни. И точно, онъ былъ угоденъ Богу. Разъ, когда онъ молился въ кельѣ своей съ двумя учениками, ему явилась Сама Пресвятая Богородица съ апостолами Петромъ и Іоанномъ и сказала ему, коснувшись его: «Не бойся, избранникъ мой, при тебѣ и послѣ тебя буду неотступно при обители твоей и буду покрывать ее». На мѣстѣ этой кельи нынѣ стоитъ въ Лаврѣ Троицкій соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Сергія.

Св. Алексій очень любилъ и уважалъ преподобнаго Сергія, и когда состарился, призывалъ его къ себѣ, надѣлъ на него золотой крестъ въ знакъ того, что хочетъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Но угольникъ Божій отвѣчалъ: «Отъ юности моей не носилъ я злата, въ нищетѣ и умру». Митрополитъ не могъ переубѣдить преподобнаго Сергія, и онъ такъ и остался только игуменомъ своего монастыря, который со временемъ очень разросся. Но власть его и значеніе не ограничивались монастыремъ. Вся Русская земля видѣла, что онъ избранникъ Божій. Онъ не могъ никому прямо приказывать, но всѣ свято исполняли малѣйшія его слова, зная, что они проникнуты не человѣческой только мудростью, а божественнымъ свѣтомъ. За его совѣтомъ, молитвой, утѣшеніемъ приходили и простые люди, и бояре, и князья. Великій князь Димитрій Іоанновичъ передъ Куликовской битвой у него просилъ благословенія и отъ него же получилъ совѣтъ переходить черезъ Донъ. И позднѣе послѣ кончины своей, пр. Сергій всегда помогалъ и помогаетъ Россіи своими молитвами, и доселѣ всѣ Русскіе тысячами сходятся въ Лавру, чтобы поклониться его мощамъ.

Одновременно съ пр. Сергіемъ прославился другой угольникъ божій, св. Стефанъ Пермскій. Св. Стефанъ былъ родомъ изъ Великаго Устюга. Рано постригшись въ одномъ ростовскомъ монастырѣ, онъ сталъ усердно заниматься науками. Въ Ростовѣ часто приходили дикіе язычники, Зыряне. Видя, что они гибнутъ въ язычествѣ, св. Стефанъ возгорѣлся желаніемъ просвѣтить ихъ. Выучившись ихъ языку, онъ выдумалъ для нихъ азбуку и перевелъ на ихъ языкъ священныя книги. Такимъ образомъ онъ приготовился къ своему великому дѣлу. Испросивъ благословеніе въ Москвѣ, онъ отправился въ дикую страну

Зырянскую по Сѣверной Двинѣ и Вычегдѣ. Зыряне полюбили его за кроткій нравъ и ласковое обхожденіе, за готовность помогать всѣмъ, и тогда онъ началъ проповѣдывать слово Божіе. Зыряне радостно и охотно крестились. Но успѣхъ Стефана возбудилъ ненависть противъ него въ жрецахъ языческихъ; они стали подговаривать противъ него народъ. Стефанъ, однако, не смущался, шелъ все дальше и достигъ того мѣста, гдѣ росла старая береза, которую Зыряне считали священной. Стефанъ поставилъ около нея хижину, въ которой и поселился; здѣсь онъ считалъ удобнѣе всего проповѣдывать. Наконецъ, онъ срубилъ березу. Услыхавъ объ этомъ, еще не крещенные Зыряне пришли въ ужасъ; толпами со всѣхъ сторонъ сходились они къ срубленной березѣ, угрожая Стефану смертію. Но Стефанъ говорилъ: «Я проповѣдую вамъ Бога истиннаго, отступитесь отъ язычества; если креститесь, спасены будете». Кротость святого поразила Зырянъ. «Мы грозимъ ему смертію», говорили они другъ другу, «а онъ намъ говоритъ добро». И уже болѣе не нападали на него. На мѣстѣ срубленной березы св. Стефанъ основалъ монастырь во имя Архангеловъ Гавріила и Михаила. Проповѣдь Евангельская широко распространялась по Зырянской землѣ; власть жрецовъ все больше падала, а Стефана Зыряне любили, какъ отца своего. Наконецъ, онъ былъ поставленъ епископомъ надъ всей Зырянской землей. Онъ не только ревностно проповѣдывалъ слово Божіе, строилъ церкви, основывалъ училища, но и во всемъ остальномъ заботился о Зырянахъ. Онъ раздавалъ имъ сѣмена для посѣва, покупалъ для нихъ рыболовные снасти. Во время одного большого голода выпросилъ у великаго князя, чтобы онъ простилъ на этотъ годъ Зырянамъ подати. Нѣкоторые изъ Новгородцевъ какъ-то разъ напали и разграбили зырянскія деревни; св. Стефанъ поѣхалъ въ Новгородъ и убѣдилъ Новгородцевъ заплатить Зырянамъ убытки. Послѣ многихъ лѣтъ, полныхъ такихъ заботъ о своихъ любимыхъ Зырянахъ, св. Стефанъ какъ-то поѣхалъ въ Москву по дѣламъ и тутъ заболѣлъ и скончался. Тѣло его положено въ Москвѣ, въ церкви Спаса на Бору, а его ризы и книги были отвезены Зырянамъ на память о великомъ ихъ епископѣ.

Нѣсколько позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ послѣ кончины св. Стефана, прославились два великихъ угодника, Зосима

и Савватій Соловецкіе. Преподобный Савватій первоначально подвизался въ двухъ монастыряхъ, сперва въ Валаамскомъ, потомъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ; но онъ искалъ большаго уединенія и, когда узналъ, что на дальнемъ сѣверѣ есть пустынный островъ Соловецкій, рѣшился удалиться туда. вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Германомъ, отправился онъ къ Бѣлому морю; здѣсь стали они спрашивать о Соловецкомъ островѣ. Рыбаки рассказали, что островъ большой, есть на немъ горы, нѣсколько озеръ, но онъ пустыненъ, неплодороденъ, плыть туда по морю нѣсколько дней, а море бурное; осенью же и зимой совсѣмъ пробраться нельзя; къ тому же зимой три мѣсяца дня не бываетъ, все ночь. Но эти рассказы не утѣшили угодниковъ Божіихъ, не измѣнили ихъ рѣшенія. Когда рыбаки увидѣли, что два старца живутъ одни на островѣ, имъ стало завидно, и они захотѣли завладѣть имъ. Но едва нѣсколько челоѣкъ изъ нихъ вышли изъ лодокъ на островъ, передъ ними явились ангелы и помѣшали нарушить уединеніе Германа и Савватія. Черезъ пять лѣтъ Германъ вернулся на берегъ, а Савватій остался одинъ на островѣ. Но черезъ нѣсколько времени, получивъ открытіе отъ Господа о близкой своей кончинѣ, и онъ переправился на берегъ и, приобщившись Св. Таинъ, скончался.

Спустя нѣсколько лѣтъ, другой ппкъ, Зосима, также ища уединенія, взялъ съ собою опять Германа и поселился на Соловецкомъ островѣ, а черезъ три года къ нему стали собираться ученики. Такъ на Соловецкомъ островѣ съ благословенія Божія основался монастырь, гдѣ нынѣ и почиваютъ мощи свв. Савватія, Зосимы и Германа.

6. Юго-западная Россія.

Галицкое княжество. Батый совсѣмъ разрушилъ Кіевъ: во всемъ городѣ осталось домовъ двѣсти. Изъ прежняго великаго города Кіевъ сдѣлался маленькимъ, незначительнымъ городкомъ, въ которомъ никто изъ князей и княжеть не хотѣлъ. Но въ это время, вмѣсто Кіевского, на югѣ прославилось другое княжество. Это было княжество Галицкое. Теперь мѣсто, гдѣ оно находилось, только наполовину принадлежитъ Русскимъ (губ. Волынская), а наполовину Австріи (Австрійская земля

Галиція; въ ней главный городъ Львовъ). И Галицкіе князья и сосѣдніе съ ними мало принимали участія въ дѣлахъ остальной Россіи. Они жили совсѣмъ особнякомъ, потому что у нихъ были свои опасности и заботы. Помимо смутъ, которыя шли между ними самими, они много терпѣли отъ нападенія враговъ: Нѣмцевъ, Венгровъ, Литовцевъ. Во время Батыева нашествія Галицкимъ княземъ былъ тогда еще молодой и храбрый Даніилъ. Онъ не могъ стерпѣть обиды, которую понесла Россія отъ разоренія Татарами. Уже всѣ князья русскіе покорились Батюю, а Даніилъ Галицкій все еще старался собрать противъ него войско и найти союзниковъ. Уже князья побывали у хана, былъ у него и Александръ Невскій, современникъ Даніила, а Даніилъ все еще не ѣхалъ въ Орду. Но пришлось и ему покориться и съѣздить къ Батюю. Батый обласкалъ его, далъ ему ярлыкъ на княженіе. Но когда Даніилъ вернулся домой и разсказалъ о томъ, какъ его приняли въ Ордѣ, то онъ и всѣ слушавшіе плакали отъ досады, что русскимъ князьямъ приходится такъ унижаться передъ Татарами. «Злѣе зла честь татарская», говорили они.

Даніилъ не могъ примириться съ пережитымъ униженіемъ и началъ думать, какъ бы свергнуть татарское иго. Но онъ понималъ, что Русскіе слишкомъ ослаблены, чтобы самимъ немедленно начать борьбу противъ Татаръ; онъ задумалъ поэтому получить помощь отъ иностранныхъ государей. Съ этой цѣлью онъ обратился къ главному католическому архіерею, римскому папѣ, духовному главѣ всѣхъ католиковъ, съ просьбой, чтобы папа убѣдилъ католическихъ государей, въ соединеніи съ Даніиломъ, выступить противъ невѣрныхъ Татаръ, враговъ всего христіанства. Изъ разговоровъ съ Даніиломъ папа получилъ надежду, что Даніилъ готовъ будетъ подчиниться въ дѣлахъ вѣры ему, папѣ, и такимъ образомъ, православная Россія соединится съ католиками. Онъ прислалъ Даніилу королевскій титулъ и началъ писать католическимъ государямъ о необходимости выступить всѣмъ сообща противъ Татаръ. Но письма его не оказали никакого дѣйствія. Тогда Даніилъ, видя, что отъ папы помощи противъ Татаръ не будетъ, прервалъ съ нимъ сношенія. Но королевскій титулъ онъ сохранилъ.

Затѣмъ онъ пробовалъ сопротивляться Татарамъ самъ и на-

чалъ для этого укрѣплять города свои. Но это принесло ему только огорченіе, потому что Батый заставилъ его срыть всѣ эти крѣпости.

Но, хотя Данилу и не удалось освободиться отъ Татаръ, онъ все-таки сумѣлъ устроить свое княжество послѣ погрома. Онъ построилъ и населилъ нѣсколько городовъ, завелъ торговлю, промышленность, и Галицкое княжество подъ его управленіемъ процвѣтало. Но процвѣтаніе это продолжалось только до смерти Данила. Сыновья его раздѣлили между собою княжество, и оттого, каждый изъ нихъ, конечно, сдѣлался слабъ и не могъ уже защищать своего удѣла отъ враговъ. Врагами же этими главнымъ образомъ попрежнему были Литовцы.

Литва. Литовцы были дикій языческій народъ, жившій по р. Нѣману и его притокамъ, т.-е. приблизительно тамъ, гдѣ теперь находятся губерніи Ковенская, Гродненская, Виленская. Все это мѣсто было занято сплошными болотами и лѣсами, и Литовцы жили среди нихъ, не зная ни торговли, ни хлѣбопашества; промышляли они одной охотой. Они были язычники и отличались жестокостью. Одинъ изъ князей ихъ, жестокій и хитрый Миндовгъ, пользуясь слабостью русскихъ князей послѣ татарскаго погрома, завоевалъ нѣкоторые русскіе города, и даже часть теперешней Смоленской губерніи. Данилъ Галицкій вступилъ съ нимъ въ войну, побѣдилъ его и, чтобы больше не ссориться, женилъ своего сына на дочери Миндовга. Кромѣ Данила, Миндовгъ воевалъ и съ другими своими сосѣдями. Чтобы найти себѣ помощь у Нѣмцевъ, съ которыми граничили его владѣнія, онъ принялъ христіанство по католическому обряду. Христіанство нѣсколько не измѣнило его права; но Литовцы тѣмъ не менѣе были недовольны этой измѣной вѣрѣ, а потому Миндовгъ, когда это понадобилось ему по его расчетамъ, отрекся отъ христіанства и вернулся къ язычеству. Впрочемъ, его жестокость и вѣроломство были такъ велики, что сами Литовцы убили его.

Но, какъ бы то ни было, онъ положилъ начало Литовскому княжеству, потому что при немъ Литовцы впервые познакомились съ другими народами, увидали города и вообще болѣе правильную жизнь.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Миндовга прославился

другой Литовскій князь, Гедиминъ, современникъ Іоанна Калиты. Самъ онъ былъ язычникъ и отказывался креститься, но оказывалъ покровительство христіанамъ и даже былъ женатъ два раза на русскихъ княжнахъ. На русскихъ же княжнахъ были женаты и его сыновья, одинъ на княжнѣ Витебской, а другой на Волынской. Такъ какъ ни у Витебскаго ни у Волынскаго князя сыновей не было, то удѣлы ихъ достались по наслѣдству дочерямъ, а слѣд. и мужьямъ. Дочерей же своихъ Гедиминъ выдалъ за сосѣднихъ государей.—одну за великаго князя Симеона Гордаго, сына Іоанна Калиты. Такимъ образомъ Гедиминъ пріобрѣлъ себѣ сильныхъ союзниковъ. Кромѣ того, разными мирными способами онъ подчинилъ своей власти нѣсколько русскихъ удѣловъ. Благодаря всѣмъ этимъ успѣхамъ, онъ сдѣлался государемъ чрезвычайно могущественнымъ и принялъ титулъ «Великаго Князя Литовскаго и Русскаго». Главнымъ городомъ его былъ городъ Вильно, имъ самимъ построенный.

Сынъ Гедимина назывался Ольгердъ. Онъ присоединилъ къ Литвѣ землю Кіевскую, Черниговскую, Подольскую, завладѣлъ городами Ржевомъ и Брянскомъ. Такое обширное государство было очень сильно, тѣмъ болѣе, что находилось все подъ властью одного государя. Правда, нѣкоторыя области литовскія составляли особые удѣлы; но здѣсь удѣльные князья не были такъ самостоятельны, какъ удѣльные князья русскіе; наоборотъ, они во многомъ должны были слушаться великаго князя Литовскаго, исполнять его волю. Сила и власть Ольгерда были такъ велики, что ему добровольно подчинялись и нѣкоторые русскіе князья; такъ въ полномъ повиновеніи у него былъ князь Смоленскій, а въ Псковѣ онъ поставилъ княземъ своего собственнаго сына. Многіе князья, напр., Тверскіе, Нижегородскіе, Рязанскіе просили у него помощи противъ Москвы; то же дѣлалъ даже сильный Новгородъ.

Но въ то же самое время Литовцы подчинялись вліянію Русскихъ, перенимали у нихъ разные обычаи—а, главное, научились у нихъ православнои вѣрѣ. Самъ Ольгердъ былъ въ вѣрѣ измѣнчивъ. Сперва онъ былъ язычникомъ, потомъ крестился, потомъ опять отступился въ язычество, но умеръ опять-таки православнымъ. Но онъ былъ женатъ два раза на русскихъ княжнахъ всѣ дѣти его были православными, между

его подданными было много Русскихъ, т.-е. православныхъ.— и, благодаря всему этому, православная вѣра не только не терпѣла гоненій отъ язычниковъ Литовцевъ, но, наоборотъ, все болѣе распространялась между ними.

Сближенію между Литвой и Москвой помогло еще и то, что русскіе изгнанники шли жить въ Литву, а литовскіе—въ Москву.

Но всѣ эти добрыя отношенія измѣнялись, когда на Литовскій великокняжескій престолъ вступилъ сынъ Ольгерда, Ягелло. Въ это время Польской королевой была молодая Ядвига, какъ и всѣ Поляки, ревностная католичка. Ея приближенные и католическіе архіереи уговаривали ее выйти замужъ за Ягелло. Долго не соглашалась на это молодая Ядвига: она слышала, что Ягелло дикъ, жестокъ, даже будто бы весь обросъ волосами. Но когда ей стали доказывать, что отъ этого брака произойдетъ большая польза для Литовцевъ, которые обратятся въ христіанство, она согласилась. Сейчасъ же послѣ свадьбы, въ 1386 году, король, королева, всѣ придворные и все духовенство поѣхали въ Вильно, и стали крестить народъ. Для того, чтобы Литовцы охотнѣе шли креститься, имъ за крещеніе дарили по бѣлому суконному кафтану и мѣдному крестіку, а женщинамъ давали бусы и всякія украшенія. Подарки эти такъ нравились Литовцамъ, что многіе приходили креститься по нѣскольку разъ.

Ягелло не только крестилъ язычниковъ, но и всякими жестокостями заставлялъ православныхъ переходить въ католичество. И вообще онъ очень дурно обращался съ своими подданными. И много пришлось претерпѣть, особенно Русскимъ, когда послѣ свадьбы Ягелло и Ядвиги литовское княжество соединилось съ польскимъ королевствомъ. Во всѣхъ русскихъ городахъ, подпавшихъ подъ чужую власть, въ Кіевѣ, въ Смоленскѣ, православная вѣра терпѣла гоненіе, русскіе обычаи притѣснялись. Лишь очень скоро вернулись опять эти исконныя русскія области подъ власть русскихъ государей, и гоненія на православіе прекратились.

7. Іоаннъ III и Іоаннъ IV.

Іоаннъ III. Когда Іоаннъ III, правнукъ Дмитрія Донского, взошелъ на великокняжескій престолъ, то Москва была уже

не главнымъ городомъ одного только княжества, какъ было прежде, а столицей Россіи. Изъ удѣловъ очень многіе уже прямо были присоединены къ Московскому княжеству, а остальные были такъ малы и слабы, что во всемъ повиновались великому князю.

Татары то же уже не были страшны. У нихъ самихъ шли смуты, и они раздѣлились на три царства. Главнымъ, по-старому, осталась Золотая Орда, но къ ней прибавились еще два: Казанское и Крымское.

Прежде всего Іоаннъ рѣшился покорить себѣ Новгородъ. Здѣсь шли большія неурядицы. Новгородцы видѣли, что сильный Московскій князь рано или поздно будетъ стремиться присоединить къ своимъ владѣніямъ Новгородскую область,—ибо они видѣли, что вся забота Московскихъ князей была въ томъ, чтобы соединить всю Россію въ одно цѣлое, великое и сильное государство. Уже и теперь Новгородцы должны были позволить жить у нихъ намѣстнику Московскаго князя. Намѣстникъ этотъ слѣдилъ за дѣлами новгородскими, вмѣшивался въ нихъ. Видя, что ихъ самостоятельности приходитъ конецъ, многіе новгородцы думали, что лучше самимъ покориться Москвѣ: тогда у нихъ будетъ сильный государь, который и отъ враговъ будетъ ихъ защищать, и внутренній порядокъ будетъ охранять. Но нашлись честолюбивые люди, изъ бояръ новгородскихъ, которые говорили, что лучше отдаться подъ покровительство короля Польскаго, великаго князя Литовскаго. За это стояли дѣти умершаго посадника Борецкаго и мать ихъ, умная и сильная Марѳа Борецкая, или, какъ ее обыкновенно называютъ, Марѳа Посадница. Она увѣряла Новгородцевъ, что Литовскій великій князь и король Польскій будетъ только защищать Новгородцевъ, а не присоединить ихъ совсѣмъ къ себѣ. «А Московскій великій князь», говорила она, «подчинитъ себѣ Новгородъ, какъ подчинилъ другіе удѣлы». Произошли великіе раздоры, но Борецкіе имѣли большую силу и взяли верхъ. Іоанновыхъ намѣстниковъ начали оскорблять, начали утаивать пошлины, которыя были обязаны платить Московскому князю. Наконецъ, Новгородцы заключили договоръ съ Польскимъ королемъ; король обѣщался защищать Новгородъ отъ Москвы, но Новгородцы должны были принять къ себѣ его

намѣстника. Тогда Іоаннъ пошелъ на Новгородъ войной. Новгородцы надѣялись, что король Польскій придетъ помогать имъ, но обманулись въ своей надеждѣ. Іоаннъ между тѣмъ все приближался къ Новгороду. Въ рѣшительной битвѣ, которая, наконецъ, произошла, новгородское войско было разбито. Между попавшими въ плѣнъ былъ и самъ посадникъ, сынъ Марѳы Борецкой; Іоаннъ приказалъ казнить его. Новгородцы смирились, заплатили великому князю 15,000 р. (по тогдашнему это было очень много), и, по его требованію, отказались отъ союза съ Польскимъ королемъ. Іоаннъ оставилъ у нихъ однако вѣче и посадника. Это произошло въ 1471 году, а въ 1478 Іоаннъ, придравшись къ одному незначительному случаю, снова пошелъ противъ Новгорода съ войскомъ. На этотъ разъ Новгородцы даже не осмѣлились сражаться съ нимъ и сразу покорились. Но и такая покорность не спасла Новгорода. Не вѣря имъ больше, Іоаннъ объявилъ такое рѣшеніе: «Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ; въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а всѣ должны слушаться только меня». Такъ кончилась особая жизнь Новгорода. Вѣче и должность посадника были уничтожены. Вѣчевой колоколъ отвезли въ Москву; Марѳу Посадницу постригли въ монахини. Архіепископъ Новгородскій долженъ былъ съ этихъ поръ ѣздить для посвященія къ митрополиту Московскому, а не Кіевскому (въ это время Россія уже раздѣлилась на двѣ митрополіи, и, кромѣ Московскаго, былъ еще митрополитъ Кіевскій).

Іоанну казалось теперь уже совсѣмъ обиднымъ платить дань Татарамъ, тѣмъ болѣе, что Золотая Орда, отъ которой отдѣлились царства Крымское и Казанское, совсѣмъ ослабѣла. Впрочемъ, постоянной дани Московскій князь хану Сарайскому уже не платилъ, а либо посылалъ ему подарки, когда хотѣлъ, либо платилъ дань, когда ханъ присылалъ за ней особыхъ пословъ. И вотъ, когда въ 1478-мъ году явились въ Москву такіе послы за данью, Іоаннъ наотрѣзъ отказался заплатить ее. Мало того. По старому обычаю послы привезли съ собой изображеніе хана, такъ называемую басму: великій князь долженъ былъ, въ изъявленіе своего подчиненія, стать передъ ней на колѣни. Но Іоаннъ не только не исполнилъ этого унижительнаго обряда, но бросилъ басму на землю и растопталъ ее; за-

тѣмъ онъ велѣлъ убить ханскихъ пословъ, кромѣ одного, а этого отправилъ назадъ въ Сарай, приказалъ сказать хану, что великій князь сдѣлаетъ съ нимъ то же, что онъ сдѣлалъ съ его басмой, если онъ не оставитъ его въ покоѣ. Ханъ въ отвѣтъ рѣшилъ, что надо наказать Московскаго князя, и заключилъ союзъ съ королемъ Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, чтобы тотъ шелъ къ нему на помощь. Но Іоаннъ съ своей стороны заключилъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ.

Ахматъ (такъ звали хана Сарайскаго) повелъ войско на Москву: Іоаннъ самъ вышелъ противъ него. Войска (лѣтомъ 1480-го года) встрѣтились на берегахъ рѣки Угры. Но ни Рускіе, ни Татары не рѣшались перейти первыми и начать битву. Іоаннъ ждалъ потому, что былъ очень остороженъ, а Татаръ было много; Ахматъ—потому, что продолжалъ ожидать помощи отъ Литовцевъ. Но эта помощь не могла прійти, потому что Крымскій ханъ, союзникъ Іоанна, напалъ на Литву, и королю было уже не до Ахмата: ему приходилось защищать свои собственные владѣнія. И бояре, и духовенство, и воины, всѣ были недовольны Іоанномъ, думая, что онъ просто труситъ, но Іоаннъ зналъ, что дѣлалъ, и не двигался впередъ, тѣмъ болѣе, что ему удалось достигнуть успѣха въ другомъ мѣстѣ: одинъ Московскій отрядъ, вмѣстѣ съ Крымскими Татарамъ, разрушилъ Сарай. До самаго ноября простояли такъ войска, и когда рѣка замерзла, то Іоаннъ, боясь, чтобы Татары какъ-нибудь неожиданно не напали на него, приказалъ своему войску идти назадъ, въ Москву; а Татары, вмѣсто того, чтобы гнаться за Русскими, повернули въ свою сторону и ушли въ Сарай; къ такому неожиданному отступленію побудили Татаръ сильные морозы, которыхъ они не могли выносить. Такъ безъ битвы и кончился этотъ походъ. На возвратномъ пути домой Ахматъ былъ убитъ. Но послѣ него Рускіе уже больше не платили дани Татарамъ. Значитъ, Россія освободилась отъ Татаръ въ 1480-мъ году, пробывъ подъ ихъ властью цѣлыхъ 250 лѣтъ.

Сарайское царство было скоро, черезъ 20 лѣтъ, разрушено Крымскими татарами; отъ него осталась лишь очень небольшая орда, которая получила названіе царства Астраханскаго.

Освободивъ свою землю отъ Татаръ, Іоаннъ безъ труда присоединилъ къ Москвѣ всѣ остальные русскіе удѣлы. Свобод-

выми послѣ его смерти остались лишь Псковъ да часть Рязанскаго княжества.

Много безпокойства причинили Іоанну его западные сосѣди, Литва съ Польшей и Ливонскій орденъ. Но и здѣсь онъ въ концѣ-концовъ имѣлъ большія удачи. Литва и Польша жили неспокойно. Послѣ соединенія въ одно государство при Ягелло, онѣ нѣсколько разъ снова распадались на отдѣльные государства; затѣмъ снова соединялись; это сопровождалось, конечно, смутами. Но еще важнѣе была другая причина внутреннихъ раздоровъ. Въ составъ Литовскаго княжества входили многія русскія земли, присоединенныя Гедиминомъ, Ольгердомъ и позднѣйшими князьями. Такъ, Смоленскъ сдѣлался городомъ литовскимъ. Но населеніе этихъ частей княжества, крѣпко державшееся православія, много терпѣло за вѣру отъ своихъ правителей-католиковъ; это и было причиной постоянныхъ волненій. Многіе князья русскіе, пограничные между Москвой и Литвой, еще сохранившіе нѣкоторую самостоятельность, хотя и находившіеся въ зависимости отъ Литвы, начали переходить, съ своими землями, въ подданство князя Московскаго, именно потому, что это былъ государь православный. Такъ перешли къ Москвѣ города Бѣлый, Вязьма, князья Новосильскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе и др. Великій князь Литовскій требовалъ, чтобы этого не было, но его требованія ни къ чему не вели, и такимъ образомъ началась война между Москвой и Литвой. Война кончилась счастливо для Іоанна: за нимъ остались не только перечисленныя земли, но и удѣлы князей Чернигово-Сѣверскихъ, также поддавшихся ему, съ городами Черниговомъ, Любечемъ, Стародубомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ и др.

Въ этой войнѣ помогалъ Литвѣ Ливонскій рыцарскій орденъ. Рыцари къ этому времени уже забыли первоначальное свое назначеніе. Постепенно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, они получили въ собственность много земель и жили теперь уже не какъ монахи, а какъ богатые, воинственные и гордые владѣтели, такъ что въ сущности образовали цѣлое государство, пользовавшееся большою самостоятельностью.

Впрочемъ, хотя они были и очень умѣлы въ веденіи войны, борьба ихъ съ Іоанномъ не принесла имъ никакой выгоды.

Правда, они одержали нѣсколько побѣдъ, но въ концѣ-концовъ остались при томъ же, при чемъ были.

Іоаннъ былъ женатъ два раза; во второй разъ на греческой царевнѣ Софіи. Съ этой свадьбы произошли большія перемѣны. Греческіе императоры всегда жили очень пышно, а великіе князья, напротивъ, очень просто, какъ и всѣ Русскіе. Софіи такая простота казалась недостойной ея сана: она стала убѣждать своего мужа измѣнить эти порядки. Іоаннъ послушался. Онъ построилъ себѣ вмѣсто деревяннаго дома богатый каменный дворецъ, разукрасилъ его, началъ одѣваться пышно. Прежде бояре обращались съ нимъ просто, какъ между собой, а съ этого времени не только бояре, но и князья, потерявшіе удѣлы свои, должны были оказывать великому князю большія почести. Но заботясь о томъ, чтобы лучше устроить свою жизнь, свою обстановку и дворецъ, Іоаннъ не забывалъ и о храмахъ. Успенскій соборъ, построенный по требованію митрополита Петра Іоанномъ Калитою, такъ уже обветшалъ, что пришлось подпирать его деревянными подпорками, иначе онъ развалился бы. Іоаннъ приказалъ разобрать его и построить новый. Но едва только возвели стѣны и начали выводить сводъ, какъ все рухнуло. Тогда Іоаннъ послалъ въ Италію вызвать себѣ искусныхъ мастеровъ. Нашелся такой мастеръ, пріѣхалъ и въ четыре года построилъ великолѣпный новый Успенскій соборъ, который стоитъ и донынѣ. Два другіе мастера построили Архангельскій соборъ, въ которомъ погребены всѣ великіе князья и цари Московскіе, и соборъ Благовѣщенскій.

И многое другое сдѣлалъ для украшенія Москвы Іоаннъ. До него Московское княжество было невелико и зависѣло отъ Татаръ;—Іоаннъ соединилъ всѣ русскія княжества въ одно и освободилъ свое княжество отъ татарской власти. Для такого сильнаго государства уже не годилась маленькая, бѣдная столица. Украшенія, которыя произвелъ въ Москвѣ Іоаннъ, а по его примѣру и митрополитъ и бояре, сдѣлали этотъ городъ достойной столицей Русскаго государства.

Но не только усилилъ Іоаннъ свою власть и расширилъ свои владѣнія, не только украшалъ онъ свою столицу.—онъ первый изъ русскихъ князей завелъ сношенія съ Западной Европой. Онъ уже видѣлъ, что народы европейскіе на много

определили русскихъ въ просвѣщеніи; поэтому, заботясь о томъ, чтобы сдѣлать и русскую жизнь лучше, онъ считалъ эти сношенія очень важными. Онъ заключилъ союзъ съ королемъ Датскимъ, посылалъ пословъ къ императору Германскому; болѣе же всего его интересовали сношенія съ Италіей, гдѣ процвѣтали въ то время разныя науки, искусства, ремесла. Іоаннъ старался призвать оттуда разныхъ мастеровъ, которые могли бы научить Русскихъ строить каменные укрѣпленія, научить ихъ горному дѣлу, чеканкѣ монетъ, выдѣлкѣ оружія и т. п. Другіе вызванные Іоанномъ люди должны были учить Русскихъ иностранному ратному дѣлу; впервые при Іоаннѣ были заведены пушки. Наконецъ, онъ вызвалъ изъ-за границы двухъ докторовъ.

Изъ другихъ дѣлъ Іоанна замѣчательно изданіе Судебника или собраніе законовъ, по которымъ слѣдуетъ судить. Это было чрезвычайно важнымъ шагомъ къ устройству въ Россіи порядка.

Іоаннъ IV. Сынъ Іоанна III и отецъ Іоанна IV—Василій III—безъ войны присоединилъ къ Москвѣ Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество, такъ что Іоаннъ IV, взоидя на престолъ, былъ уже однимъ княземъ во всей Россіи, былъ ея самодержавнымъ государемъ.

Іоаннъ IV остался послѣ смерти отца трехъ лѣтъ (въ 1533 году). Россіей стали управлять мать Іоанна, Елена, а когда она умерла, то бояре. Но они пользовались властью только для своихъ выгодъ и нимало не заботились ни о благѣ государства, ни о воспитаніи великаго князя. Во дворцѣ, на глазахъ у Іоанна, заводили они безпрестанныя ссоры, доходившія иногда до убійствъ, а Іоанну позволяли дѣлать все, что ему хотѣлось. Іоаннъ былъ очень уменъ и любознательнъ; никто изъ русскихъ государей, которые были до него, не занимался такъ усердно чтеніемъ; онъ зналъ наизусть почти все Священное Писаніе. Но, несмотря на весь свой умъ, по природѣ онъ былъ жестокъ и необузданъ: съ раннихъ лѣтъ любимой его забавой было мучить животныхъ, а бояре не останавливали его. Скоро Іоаннъ отъ животныхъ перешелъ къ людямъ, и, всего тринадцати лѣтъ отъ роду, велѣлъ казнить старшаго между боярами, Андрея Шуйскаго. Эта казнь заставила бояръ быть осторожнѣе въ отношеніяхъ къ Іоанну, хотя попрежнему управленіе Россіей принадлежало имъ: тринадцатилѣтній мальчикъ самъ распоря-

жатыя государственными дѣлами, конечно, не могъ. Но какъ скоро Іоанну минуло шестнадцать лѣтъ, въ 1547 году, онъ объявилъ, что теперь онъ будетъ княжить самъ, безъ чужой помощи. Самостоятельное управленіе онъ началъ съ того, что торжественно вѣнчался на царство; при этомъ онъ нашелъ, что титулъ, названіе великаго князя недостаточно важно, а потому принялъ титулъ даря. Въ томъ же году онъ женился на Анастасіи Романовнѣ Захарыиной.

Однако, начало Іоаннова царствованія не было счастливо: въ Москвѣ случился огромный пожаръ, при которомъ погибло множество народа (говорятъ, болѣе 1700 человѣкъ). Царь со своими приближенными уѣхалъ на Воробьевы горы, въ село Воробьево, недалеко отъ Москвы. Между тѣмъ народъ въ городѣ взбунтовался; прошли слухи, что Москву подожгли родственники царя по матери, бояре Глинскіе. Бунтовщики даже убили одного изъ Глинскихъ—и потомъ пошли къ царю въ Воробьево требовать, чтобы онъ позволилъ имъ перебить и другихъ Глинскихъ. Но Іоаннъ не испугался: онъ велѣлъ схватить главныхъ зачинщиковъ бунта и казнить ихъ; остальные сами усмирлись.

Пожаръ Москвы и бунтъ сильно подѣйствовали на молодого царя. Онъ видѣлъ, что нельзя относиться къ государственнымъ дѣламъ такъ легко, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Онъ рѣшился начать новую жизнь. Съ этой цѣлью онъ выбралъ себѣ двухъ совѣтниковъ. Совѣтниками этими были: священникъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, Сильвестръ, и Алексѣй Адашевъ, занимавшій дотолѣ во дворцѣ очень невысокую должность; оба они были повсюду извѣстны, какъ люди благочестивые, умные, честные, и, приблизивъ ихъ къ себѣ, царь во всемъ ихъ слушался.

Черезъ два года Іоаннъ созвалъ всѣхъ Москвитей и выборныхъ изъ русскихъ городовъ на Красную площадь. Здѣсь было устроено возвышеніе (лобное мѣсто). Царь пришелъ сюда со всѣмъ духовенствомъ, въ крестномъ ходѣ. Отслужили молебенъ. Потомъ Іоаннъ разсказалъ митрополиту, какъ дурно управляли бояре Россіей во время его малолѣтства, и увѣрялъ его, что онъ не виноватъ въ убійствахъ и безпорядкахъ, которые случились въ это время. Послѣ рѣчи митрополиту, онъ обратился

ко всему народу, просилъ забыть все дурное, что случилось до тѣхъ поръ въ его царствованіе, обѣщать, что впередъ онъ будетъ дѣлать все возможное для благоденствія Россіи, для счастія своихъ подданныхъ.

Іоаннъ сдержалъ слово. Съ того же дня Адашеву было приказано принимать жалобы и просьбы отъ всѣхъ несчастныхъ и бѣдныхъ. Кромѣ того, были пересмотрѣны и исправлены законы церковные и государственные.

Недолго, однако, пришлось Іоанну править мирно. Казанцы давно уже безпокоили Московское государство, дѣлали на него набѣги. Въ 1552 году Іоаннъ рѣшился усмирить буйство Татаръ. Съ огромнымъ войскомъ пошелъ онъ противъ Казани. Шесть недѣль осаждали Русскіе этотъ городъ, но не имѣли успѣха. Наконецъ, 2-го октября, Русскимъ удалось взорвать порохомъ часть стѣны, окружавшей городъ. Образовался проломъ, черезъ который Русскіе и могли ворваться въ Казань. Казанцы, однако, продолжали защищаться и разъ почти уже выгнали Русскихъ назадъ, но Русскіе одолѣли. Остатки Казанскаго войска заперлись на царскомъ дворѣ. Однако, и эта послѣдняя защита оказалась слабой. Видя предстоящую гибель, Татары вывели своего царя Едигера на башню и сказали: «Пока наше царство было цѣло, мы сражались съ вами за царя и отечество не животъ, а на смерть. Но теперь мы отдаемъ вамъ царя живымъ, а сами идемъ на широкое поле сразиться съ вами въ послѣдній разъ». Такъ они и сдѣлали. Ихъ было 5000 человѣкъ, и всѣ они пали въ этомъ бою. На другой день городъ очистили отъ труповъ, а 4-го октября Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ него, и Казанское царство было присоединено къ Московскому.

Черезъ четыре года то же случилось и съ Астраханскимъ царствомъ.

Іоаннъ завоевалъ Казань, но одного покоренія недостаточно было, чтобы вновь присоединенныя земли соединились въ одно съ Русскимъ государствомъ. Русское царство есть царство православное, а Казанское было магометанскимъ. Край Пермскій только тогда сдѣлался землею русской, когда былъ просвѣщенъ св. Стефаномъ; только монастыри, и особенно Соловецкій, сдѣлали то, что сѣверныя земли соединились воедино съ остальной Россіей, только въ томъ случаѣ Казань могла бы дѣйствительно

сдѣлаться русской землею, если бы была просвѣщена вѣрой Христіанской.

Царь понималъ это и сейчасъ же послѣ покоренія велѣлъ строить въ Казани церкви, основалъ въ разныхъ мѣстахъ Казанскаго царства монастыри и, послѣ совѣщанія съ митрополитомъ, учредилъ епископскую кафедру.

Первымъ архіереемъ Казанскимъ былъ св. Гурій. Въ молодости онъ жилъ въ домѣ одного богатаго боярина, который поручилъ ему управленіе всѣмъ домомъ. Но завистники оклеветали юношу, и бояринъ посадилъ его въ мрачную темницу, куда ему спускали пищу только разъ въ недѣлю. Черезъ нѣсколько времени онъ упросилъ одного слугу спустить ему бумаги и чернилъ и сталъ писать азбуки. Азбуки эти по его порученію продавали, а деньги раздавали нищимъ. Такъ святой, самъ томясь въ заключеніи, находилъ возможность помогать бѣднымъ. Черезъ два года, однако, его выпустили; но святой уже видѣлъ непрочность земного счастья и постригся въ монахи подъ именемъ Гурія. Зная его святую жизнь, его скоро сдѣлали игуменомъ, а когда учреждено было Казанское архіепископство выборъ царя и митрополита палъ на Гурія. Въ помощники ему были даны два архимандрита, изъ которыхъ одинъ, Варсонофій, въ молодости былъ въ плѣну у Татаръ и узналъ такъ хорошо татарскій языкъ, что могъ не только говорить, но и писать на немъ. Какъ только св. Гурій съ помощниками прибылъ въ Казань, онъ немедленно заложилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ были похоронены убитые русскіе воины, монастырь. Монахамъ этого монастыря онъ поставилъ такое правило, чтобы они непременно учили дѣтей Закону Божию и грамотѣ. Пр. Варсонофій, съ своей стороны, занялся переводомъ на татарскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Проповѣдь святыхъ была успешна, множество Татаръ и другихъ инородцевъ крестилось. Но, къ сожалѣнію, недолго пришлось Гурію трудиться въ Казани. Съ самаго того времени, когда онъ сидѣлъ въ подземельѣ, здоровье его было очень слабо. Черезъ пять лѣтъ послѣ прибытія въ Казань онъ уже не могъ самъ ходить, и его приносили въ церковь. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ до самой кончины, послѣдовавшей черезъ два года. Преемникомъ его былъ его помощникъ, архимандритъ Германъ.

Нынѣ мощи св. Гурія почиваютъ въ основанномъ имъ Спасскомъ монастырѣ.

Вскорѣ послѣ взятія Казани, приблизительно черезъ годъ, Іоаннъ опасно заболѣлъ; всѣ думали, что онъ умретъ; того же ждалъ и самъ царь и приказалъ всѣмъ, своему двоюродному брату князю Владимиру Андреевичу и всѣмъ боярамъ, присягнуть въ вѣрности его маленькому сыну, котораго назначилъ наслѣдникомъ. Но Владимиръ Андреевичъ отвѣчалъ, что, по стариннымъ русскимъ правиламъ, не сынъ Іоанна долженъ теперь царствовать, а онъ, Владимиръ Андреевичъ. На сторону Владимира Андреевича перешли не только почти всѣ бояре, но даже сами Сильвестръ и Адашевъ; они говорили, что если царемъ назначенъ будетъ сынъ Іоанна, то управлять и государствомъ и боярами будутъ родственники царицы, бояре Романовы, а это казалось имъ обиднымъ. Во дворцѣ начались ссоры, шумъ, брань. Іоаннъ все это слышалъ, но отъ болѣзни и слабости не могъ ничего сдѣлать, чтобы усмирить бояръ. Ожиданіе всѣхъ, однако, не исполнилось. Іоаннъ выздоровѣлъ и, конечно, снова принялъ въ свои руки управленіе государствомъ, но характеръ его измѣнился: прежняя кротость и снисходительность были забыты. Царь увидѣлъ, что ни бояре, ни Сильвестръ съ Адашевымъ не любятъ его на самомъ дѣлѣ; отсюда въ немъ развилась необыкновенная подозрительность; онъ постоянно видѣлъ во-кругъ себя заговоры.

Мало-по-малу Іоаннъ совсѣмъ разсорился съ Адашевымъ и Сильвестромъ и удалилъ ихъ отъ себя.

Немного спустя послѣ того умерла царица Анастасія. Іоаннъ былъ страшно огорченъ, потому что очень любилъ покойную царицу. Къ тому же, послѣ того, какъ онъ пересталъ вѣрить боярамъ, послѣ того, какъ были удалены Адашевъ и Сильвестръ, ему не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ, а отъ этого ему становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Враги Адашева и Сильвестра боялись, чтобы они не вошли снова въ милость, стали говорить, что Анастасію отравили нѣкоторые бояре, и что Сильвестръ и Адашевъ знали объ этомъ. Іоаннъ потерялъ послѣднюю власть надъ собой: онъ велѣлъ схватить нѣкоторыхъ изъ заподозрѣнныхъ и казнить. Вся жестокость Іоанна вернулась къ нему: за первыми казнями послѣдовали новыя; Іоанну каза-

лось, что онъ открывалъ заговоръ за заговоромъ. И съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ не переставалъ истреблять бояръ: нныхъ мучилъ, иныхъ ссылалъ, иныхъ заставлялъ постригаться въ монахи, а многихъ казилъ. Понятно, бояре не любили Іоанна и тѣмъ еще болѣе раздражали его.

Жизнь въ Москвѣ стала невыносимой Іоанну; онъ рѣшился покинуть городъ. Со всѣми своими родными и самыми близкими ему людьми переѣхалъ онъ въ Александровскую слободу (теперь городъ Александровъ, Владимирской губерніи), а черезъ мѣсяць прислалъ въ Москву два письма, одно ко всему народу, другое къ купцамъ и мѣщанамъ. Въ первомъ письмѣ онъ писалъ, что бояре умышляютъ противъ него зло, что поэтому онъ долженъ для спасенія своей жизни уѣхать изъ Москвы. Во второмъ онъ писалъ, чтобы купцы и мѣщане ничего не опасались, что гнѣва на нихъ нѣтъ. Грамоты эти привели народъ въ отчаяніе. «Какъ быть безъ царя?» съ смущеніемъ спрашивали другъ друга Москвичи, «кто защититъ государство?» Всю надежду возложили они на митрополита. Святитель не устранился трудности задачи; отъ имени всего народа умолялъ онъ царя не бросать своего государства. Іоаннъ уступилъ убѣжденіямъ митрополита, но устроилъ опричнину, т.-е. выбралъ въ ближайшіе себѣ помощники особыхъ людей, которыхъ онъ считалъ наиболѣе преданными; эти люди не были подчинены законамъ, а могли дѣлать все, что имъ было угодно; Іоаннъ говорилъ, что они будутъ наблюдать, нѣтъ ли измѣны въ Русской землѣ, и защищать царя. Обыкновенныя же дѣла были поручены боярамъ. Но никакой измѣны на самомъ дѣлѣ не было, а опричники ни о чемъ не заботились, кромѣ своей пользы. Они разѣзжали по всей странѣ, грабили и убивали безнаказанно, кого угодно. Іоанну они доносили на бояръ, какъ на измѣнниковъ, и царь, не переставая, казилъ своихъ воображаемыхъ враговъ.

Въ это тяжкое время, когда никто не былъ увѣренъ въ своей жизни, нашелся только одинъ человѣкъ, который имѣлъ мужество говорить Іоанну правду. То былъ митрополитъ Филиппъ. Сынъ боярина, любимца Василія III, онъ въ молодости росъ при дворѣ великокняжескомъ. Но съ юныхъ лѣтъ стремился онъ, когда Богу будетъ угодно, уйти въ монастырь. Однако, до тридцати лѣтъ ему суждено было жить въ міру. Наконецъ,

когда нѣсколько его родственниковъ были казнены въ малолѣтство Іоанна IV, рѣшился онъ исполнить свое завѣтное желаніе. Оставивъ все свое богатство, онъ ушелъ изъ дома въ простой крестьянской одеждѣ.

Монастырь, который онъ себѣ избралъ, былъ Соловецкій. Здѣсь онъ проходилъ всѣ послушанія, долгое время жилъ отшельникомъ въ лѣсу и среди такихъ трудовъ укрѣплялся въ святой жизни. Игуменъ высоко цѣнилъ св. Филиппа и передъ смертью назначилъ его своимъ преемникомъ. Долго отказывался св. Филиппъ отъ этого сана, но долженъ былъ уступить. Сдѣлавшись игуменомъ Соловецкимъ, онъ проявилъ необыкновенную мудрость въ управленіи монастыремъ, въ устройствѣ его хозяйства: возстановилъ зданія, сгорѣвшія при его предшественникѣ; выстроилъ новый храмъ; провелъ дороги по всему острову; выкопалъ новое озеро (Святое озеро; и доселѣ богомольцы, какъ только пріѣдутъ въ Соловки, прежде всего идутъ искупаться въ этомъ озерѣ); устроилъ на соединеніи маленькомъ островѣ скотный дворъ, который стоитъ и донынѣ.

Слава о святомъ игуменѣ дошла до царя. Іоаннъ IV вызвалъ его въ Москву, узналъ ближе, полюбилъ. Когда освободилась въ Москвѣ митрополичья кафедра, Іоаннъ снова потребовалъ Филиппа къ себѣ. Лишь въ Москвѣ узналъ Филиппъ, что царь назначаетъ его митрополитомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и отказовъ онъ повиновался, но прямо заявилъ царю о своемъ непоколебимомъ намѣреніи всегда говорить откровенно про его дурныя дѣла и заступаться за невинныхъ; согласился только не касаться опричнины. На первое время казни какъ-будто утихли; всѣ радовались и благословляли святого митрополита. Но Іоаннъ уже не могъ жить безъ жестокостей; снова довѣрился онъ клеветникамъ, снова сталъ казнить. Филиппъ не боялся и отправился въ Александровскую слободу. «Зачѣмъ ты пришелъ?» сказалъ Іоаннъ, «ты монахъ; что тебѣ до нашихъ царскихъ дѣлъ?»— «Я монахъ, то правда», отвѣчалъ Филиппъ, «но по милости Божіей, по избранію св. собора и по твоему изволенію,—я митрополитъ. Я долженъ говорить тебѣ правду».—«Молчи, святой отецъ», отвѣчалъ Іоаннъ и сталъ доказывать, что ему всѣ измѣняютъ, и что будто онъ караетъ только виновныхъ. Филиппъ

безстрашно опровергалъ его, но ничто не помогло, и съ этихъ поръ Іоаннъ избѣгалъ встрѣчъ съ Филиппомъ. Но разъ онъ пришелъ со многими опричниками, одѣвшись по монашески, въ Успенскій соборъ. «Что значить эта одежда?» сказалъ Филиппъ, который служилъ въ этотъ разъ, «я не узнаю въ ней царя. Не одеждой, а добрыми дѣлами угодишь Богу; перестань лить кровь невинныхъ». Іоаннъ въ страшномъ гнѣвѣ ушелъ, а враги Филиппа воспользовались этимъ случаемъ, чтобы оклеветать его передъ царемъ. Іоаннъ созвалъ соборъ изъ архіереевъ, нашелъ лжесвидѣтелей, которые обвинили Филиппа въ разныхъ преступленіяхъ, и соборъ постановилъ, что Филиппъ долженъ быть лишенъ сана. Въ слѣдующую же службу митрополитъ сказалъ царю: «Государь, я не искалъ высокаго сана, но долгъ мой всегда исполнялъ, а теперь, когда ты препятствуешь мнѣ дѣлать то, что повелѣваетъ Господь, я снимаю съ себя знаки свидѣтельства». Іоаннъ приказалъ Филиппу служить еще въ Михайловъ день. Митрополитъ повиновался. Но какъ только началась служба, въ соборъ вошли нѣсколько опричниковъ, объявили, что по повелѣнію царя Филиппъ лишается сана, сняли съ него святительское одѣяніе и, надѣвъ на него старую, рваную монашескую рясу, на дровняхъ повезли въ Богоявленскій монастырь. Народъ съ плачемъ бѣжалъ за любимымъ своимъ святителемъ, а Филиппъ съ любовью благословлялъ свою паству.

Спустя нѣкоторое время, царь приказалъ заточить Филиппа въ Тверской Отрочъ монастырь. Около года томился святитель въ тяжкомъ заключеніи, пока, наконецъ, Малюта Скуратовъ, самый свирѣпый изъ всѣхъ опричниковъ, не задушилъ его по повелѣнію царя. Нынѣ мощи его почиваютъ въ Успенскомъ соборѣ.

Не только отдѣльных лицъ истреблялъ Іоаннъ, онъ казнилъ цѣлые города. Въ 1570 году ему представилось, что Новгородъ хочетъ перейти къ Польшѣ. Онъ отправился въ этотъ городъ, приказалъ сперва казнить архіепископа, котораго считалъ главнымъ измѣнникомъ, а потомъ началъ мучить и убивать и остальныхъ Новгородцевъ. Лишь черезъ шесть недѣль Іоаннъ прекратилъ казни и простилъ тѣхъ Новгородцевъ, которые остались еще въ живыхъ.

Ссора съ боярами была не однимъ горемъ Іоанна во вторую половину его царствованія. Ему пришлось также потерпѣть: большую неудачу въ войнѣ.

Перевозить товары гораздо удобнѣе по морю, на корабляхъ, чѣмъ по сушѣ. Каждая страна, которая ведетъ большую торговлю, стремится поэтому добыть себѣ хорошія гавани, т.-е. такія мѣста, куда бы могло приставать много кораблей. Россія, какъ скоро оправилась отъ татарскаго разоренія, тоже начала мало-по-малу расширять свою торговлю съ Западной Европой, но гаваней у ней не было, и это было большимъ затрудненіемъ. Были, правда, гавани на сѣверѣ, на Ледовитомъ океанѣ, но это море неудобно для плаванія, потому что всегда покрыто льдомъ. Сухимъ же путемъ Русскимъ торговать съ Европой было невозможно: между Западной Европой и Россіей лежали враждебныя земли—Польша съ Литвой и владѣнія Ливонскаго ордена. Эти земли ни русскихъ купцовъ не пропускали на западъ, ни западныхъ въ Россію. Но мало того. Уже со временъ Іоанна III Русскіе, увидавъ превосходство Западной Европы въ образованіи, начали понемногу стараться заимствовать у нихъ разныя полезныя свѣдѣнія и для этого выписывать изъ-за границы разныхъ знающихъ людей. Но сосѣди Россіи понимали, что чѣмъ образованнѣе она станетъ, тѣмъ она станетъ сильнѣе, а потому и опаснѣе для нихъ. Поэтому они всячески старались помѣшать образованію Россіи и не пропускали въ нее выписываемыхъ туда мастеровъ. Даже болѣе: Ливонскіе рыцари добились отъ германскаго императора разрѣшенія не пропускать вообще его подданныхъ въ Россію. Іоаннъ понялъ необходимость принять мѣры. Какъ только нашелся предлогъ, онъ объявилъ войну Ливоніи. Продолжалась эта война очень долго и была полна самыхъ разнообразныхъ событій. Съ самаго начала Русскіе стали одерживать верхъ надъ Ливонцами. Тогда Ливонія, видя, что ей самой съ Россіей не справиться, раздѣлилась на нѣсколько частей; изъ нихъ двѣ самыя значительныя отдались въ подданство и защиту, одна Польшѣ, другая Швеціи. Такъ Іоаннъ, начавъ войну съ одной страной, оказался вынужденнымъ воевать съ тремя. Но и тутъ счастье было на сторонѣ Русскихъ. Самъ царь взялъ польскій городъ Полоцкъ. Онъ уже могъ заключить выгодный миръ съ врагами и созвать выборныхъ отъ всей земли

на соборъ, чтобы посовѣтоваться, кончать ли теперь войну или продолжать еще. Соборъ рѣшилъ, что надо постараться завоевать всю Ливонію. Война возобновилась и попрежнему была счастлива для русскихъ. Но тутъ произошло два событія. Королемъ Польскимъ и Литовскимъ былъ выбранъ храбрый и умный Стефанъ Баторій, а у Шведовъ появился новый, очень искусный полководецъ. Совмѣстно напали они на Россію, и счастье перешло на ихъ сторону; одинъ за другимъ брали они русскіе города. Баторій взялъ Полоцкъ и осадилъ Псковъ. Защиту Пскова Іоаннъ поручилъ умному и храброму воеводѣ, князю Ивану Петровичу Шуйскому. Отправляясь въ походъ, князь въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, поклялся, что или защититъ Псковъ, или сложитъ тамъ свою голову. И онъ сдержалъ свое слово. Больше мѣсяца уже осаждалъ Баторій Псковъ, но безуспѣшно. Наканунѣ праздника Рождества Богородицы одинъ слѣпой старецъ имѣлъ видѣніе, что Пресвятая Богородица явилась надъ Псковомъ и остановилась на стѣнѣ его, у Покровской башни. Къ Ней приблизились псковскіе угодники, и Она сказала имъ, что на этомъ мѣстѣ надо поставить особенно крѣпкую защиту. Старецъ рассказывалъ о своемъ видѣніи; по словамъ его всѣ приготовились къ защитѣ. На другой день воеводы Баторія хвастались, что будутъ ужинать въ Псковѣ. И точно. польскія войска пошли на приступъ, разбили ядрами стѣну въ томъ мѣстѣ, которое указала Божія мать, и ворвались въ городъ. Но Русскіе, увѣренные въ помощи Божіей, не уступали и выгнали Поляковъ. До самаго января осаждалъ Баторій Псковъ, все такъ же безъ успѣха.

Защита Пскова была единственной удачей Русскихъ въ это время. Въ остальныхъ мѣстахъ они вездѣ терпѣли пораженія. Особенно Шведы всюду побѣждали царское войско. Тогда Іоаннъ, видя, что онъ все-таки не можетъ одолѣть своихъ многочисленныхъ враговъ, рѣшился на миръ. По этому миру Русскіе отдали Польшѣ и Швеціи не только тѣ города, которые захватили въ послѣднюю войну, но и нѣкоторые старинные русскіе города, взятые врагами (Ямъ, Копорье, Ивангородъ) и даже ту часть Финскаго залива, которой владѣли прежде. Это было большимъ несчастіемъ для Россіи и большимъ горемъ для Іоанна (Ливонская война тянулась отъ 1558 до 1582 года).

Впрочемъ, скоро Русскіе увидали утѣшеніе отъ этой потери. — когда имъ досталась Сибирь. По рѣкѣ Камѣ жили богатые купцы Строгоновы, торговавшіе солью. Русскихъ въ этихъ краяхъ, кромѣ Строгоновыхъ и ихъ рабочихъ, не было, и имъ приходилось много терпѣть отъ сосѣднихъ дикихъ народовъ; особенно часто нападали на нихъ изъ-за Урала одинъ татарскій султанъ, Кучумъ, жившій въ городѣ Сибири (Сибирью тогда звалась и вся страна и главный городъ). Для своей защиты Строгоновы построили нѣсколько маленькихъ крѣпостей и наняли войско казаковъ. Казаками назывались люди, которымъ почему-нибудь не жилось дома, въ Россіи, и которые убѣгали въ степи, что лежали по Дону и Каспійскому морю; въ степяхъ они ничего не дѣлали, а только разбойничали.

Разъ большая толпа казаковъ подъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеевича стала уже слишкомъ своевольничать. Іоаннъ послалъ противъ нея войско. Спасаясь отъ него, казаки пришли къ Строгоновымъ и нанялись на службу. Строгоновы прибавили къ нимъ еще нѣсколько нанятыхъ солдатъ и всѣхъ ихъ отправили противъ Кучума. Долго плыло по сибирскимъ рѣкамъ это небольшое войско (всего 800 человекъ). Но такъ какъ сибирскіе народы не знали еще огнестрѣльнаго оружія, а у Русскихъ у всѣхъ были ружья, то Русскіе безъ труда разгоняли мѣстныхъ жителей.

При приближеніи казаковъ къ городу Сибири, Кучумъ оставилъ свою столицу и бѣжалъ. Такимъ образомъ Ермакъ покорилъ все Сибирское царство и послалъ своего помощника съ этой вѣстью къ Іоанну; Іоаннъ былъ чрезвычайно доволенъ: онъ не только простилъ казакамъ ихъ прежнія буйства, но еще и щедро наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ походѣ противъ Кучума. Онъ присоединилъ Сибирь къ Россіи и получилъ титулъ также и царя Сибирскаго. Это было въ 1582 году. Ермакъ вскорѣ погибъ: на него какъ то разъ напалъ отрядъ Татаръ; спасаясь отъ нихъ, онъ бросился во всемъ вооруженіи въ рѣку, чтобы переплыть ее, но не могъ справиться съ сильнымъ теченіемъ и утонулъ.

Недолго прожилъ послѣ этого и Іоаннъ IV, прозванный Грознымъ. Онъ умеръ въ 1584 году, всего 54-хъ лѣтъ отъ роду.

8. Смутное время.

Θеодоръ Іоанновичъ. По смерти Іоанна Грознаго, началась въ Россіи совсѣмъ другая жизньъ. Царь Θеодоръ Іоанновичъ былъ человѣкъ слабый и болѣзненный и въ дѣла государственный не вмѣшивался. Всѣмъ правилъ его шуринъ (братъ его жены), Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ людей того времени. Но хотя царь и не касался самъ правленія, однако дѣлалъ много великаго добра своему народу. Онъ былъ очень набоженъ и благочестивъ, почти все время проводилъ съ духовенствомъ или въ церкви и внимательно смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы въ его государствѣ все дѣлалось, насколько возможно, по-христіански. Оттого во всей Россіи царствовали при немъ миръ и тишина. Іоанна Грознаго всѣ боялись,—царя Θеодора всѣ любили, какъ святого, какъ человѣка, который только о томъ и думаетъ, какъ бы дѣлать добро и предотвращать зло.

Больше всего заботясь о благѣ Церкви православной, царь Θеодоръ рѣшился сдѣлать ее самостоятельной. Онъ какъ будто предвидѣлъ, что скоро наступитъ время, когда только духовенство будетъ въ состояніи спасти Россію. До тѣхъ поръ въ Россіи были митрополиты, которыхъ ставили восточные патріархи. Хотя, по постановленіи, митрополиты и были уже самостоятельны въ своихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ, но все таки выходило такъ, что Русская Церковь была какъ бы нѣсколько зависима отъ Греческой и ниже ея по чести. Θеодоръ рѣшилъ, что впредь Русской Церковью должны управлять самостоятельные русскіе патріархи. И вотъ, когда въ Москву пріѣхалъ патріархъ Константинопольскій (Царьградскій) за сборомъ подаянія въ пользу греческихъ церквей, царь убѣдилъ его разрѣшить учрежденіе въ Москвѣ патріаршества. Константинопольскій патріархъ списался съ другими патріархами, и всѣ признали, что Русской Церкви точно подобаетъ имѣть своего патріарха. Патріархъ и епископы собрались въ Успенскомъ соборѣ и, по совѣщаніи, назвали трехъ архіереевъ, изъ которыхъ одного царь долженъ былъ выбрать въ патріархи. Царь выбралъ Іова, бывшаго въ то время уже митрополитомъ Московскимъ. Черезъ нѣсколько времени патріархъ Константино-

польскій съ величайшимъ торжествомъ посвятилъ Іова въ патріархи Всероссійскіе. Новый патріархъ нѣсколько разъ объѣзжалъ Москву, благословляя весь городъ, и весь народъ, а патріархъ Константинопольскій вскорѣ послѣ того вернулся домой въ Царьградъ, получивъ богатые дары отъ царя, бояръ и всѣхъ Русскихъ. Такъ Русская Церковь сдѣлалась вполне независимой.

Дѣтей у Θεодора не было. Но въ Угличѣ жилъ съ своей матерью девятилѣтній братъ его, царевичъ Дмитрій. И вотъ произошло страшное и темное дѣло. Разъ, когда мамка вывела царевича гулять, къ нему подошелъ одинъ человекъ и спросилъ: «У тебя, кажется, новое ожерелье?» Царевичъ, поднявъ голову, показалъ ожерелье, и въ это время злодѣй ударилъ его ножомъ. Сбѣжавшій на мѣсто преступленія народъ растерзалъ убійцу и тѣхъ его сообщниковъ, которые еще не успѣли скрыться.

Въ народѣ стали говорить, что это убійство дѣло рукъ Борисовыхъ, что онъ самъ подослалъ убійцъ, потому что надѣялся послѣ смерти Θεодора стать царемъ, а Дмитрій мѣшалъ ему, какъ законный наслѣдникъ престола. Борисъ послалъ преданныхъ ему людей произвести слѣдствіе. Но виновники уже были убиты, и посланные произвели слѣдствіе очень поверхностно и неполно. Они рассказали Θεодору, что царевичъ самъ нечаянно убилъ себя, упавъ на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни, которой онъ дѣйствительно былъ боленъ. Θεодоръ повѣрилъ выдумкѣ; послѣ этого уже никто не смѣлъ громко обвинять Бориса въ преступленіи, хотя всѣ думали, что онъ тутъ не безъ вины; и мнѣніе это особенно укрѣпилось послѣ того, какъ стало извѣстно, какъ плохо было произведено слѣдствіе Борисовыми посланцами.

Скоро царь Θεодоръ умеръ. Рассказываютъ, что передъ смертью благочестивому царю явился, невидимо для другихъ, какой то святой старецъ и бесѣдовалъ съ нимъ, а когда царь скончался, по комнатѣ разлилось неизреченное благоуханіе. Горько оплакивалъ народъ своего любимаго царя, тѣмъ болѣе что онъ не оставилъ послѣ себя наслѣдника, и некому было царствовать. Но этого только и ждалъ Борисъ.

Борисъ Годуновъ и Лжедмитрій I. Вдова-царица постриг-

лась въ монахини. Борисъ переѣхалъ на житье къ ней въ монастырь и говорилъ, что онъ теперь навсегда откажется отъ государственныхъ дѣлъ. Между тѣмъ его слуги понемногу убѣждали всѣхъ Москвичей, что кромѣ Бориса некому быть царемъ. На Бориса указалъ и большой его другъ, патріархъ Іовъ.

Въ Москву къ этому времени, по случаю кончины Θεодора, съѣхалось много жителей другихъ городовъ. Устроили для избранія царя соборъ. На соборѣ рѣшили просить Бориса принять царскій вѣнецъ. Но Борисъ отказался; онъ ждалъ, чтобы его еще больше просили. Тогда къ монастырю, гдѣ онъ жилъ, отправились всѣ жители Москвы; впереди шли патріархъ и бояре,—и всѣ они, на колѣняхъ, со слезами умоляли Бориса не отказываться отъ престола. Борисъ, послѣ долгихъ переговоровъ, согласился; это было въ 1598 году.

Вначалѣ онъ правилъ необыкновенно хорошо, дѣлалъ много добра народу, заводилъ сношенія съ европейскими государствами, выписалъ въ Россію разныхъ ученыхъ и ремесленниковъ. Но мысль, что онъ занялъ престолъ неправильно,—потому что между боярами были потомки Рюрика,—терзала его. Еще болѣе раздражали его обвиненія въ убійствѣ царевича Димитрія, которыя никогда не переставали высказываться. Мало-по-малу въ немъ развилась подозрительность; онъ думалъ, что всѣ окружающіе его злоумышляютъ противъ него; начались доносы, мученія, казни, какъ во времена Грознаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ разгоралась ненависть къ Борису.

Въ это время, въ 1604 году, прошли удивительные слухи: начали говорить, что царевичъ Димитрій не былъ убитъ, что онъ скрывался въ Польшѣ и теперь идетъ занять русскій престолъ.

Никто не знаетъ достовѣрно, кто былъ этотъ человекъ. Современники рассказывали про него, что его звали Григорьемъ Отрепьевымъ, что онъ былъ сыномъ Галицкаго служилаго человека и въ молодости своей постригся въ монахи. Живя въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, онъ началъ намекать, что онъ царскаго происхожденія. За это Борисъ присудилъ его къ ссылкѣ, но онъ бѣжалъ и пробрался въ Польшу. Здѣсь онъ сперва учился въ одномъ городѣ наукамъ, а потомъ отправился къ Запорожцамъ (такъ назывались казаки, жившіе на Днѣпрѣ, на островахъ,

пониже Днѣпровскихъ пороговъ). У запорожцевъ Гришка пріобрѣлъ опытность въ военномъ дѣлѣ. Отъ нихъ онъ вернулся въ Польшу и поступилъ въ слуги къ одному богатому польскому пану (помѣщику), князю Вишневецкому. Живя у него, онъ однажды притворился, что боленъ и что хочетъ передъ смертью открыть своему господину великую тайну,—и рассказалъ ему цѣлую выдуманную исторію о томъ, какъ онъ былъ спасенъ въ Угличѣ, когда Борисъ послалъ туда убійцъ, какъ вмѣсто него былъ убитъ другой мальчикъ, какъ онъ скрывался у Запорожцевъ и въ Польшѣ. Вишневецкій сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ другимъ панамъ; всѣ приняли участіе въ Отрепьевѣ и признали его за подлиннаго сына Іоанна Грознаго. Наконецъ, Димитрія представили королю Польскому. Король не зналъ, какъ ему поступить. Ему очень хотѣлось, чтобы въ Московскомъ государствѣ начались смуты, которыя ослабили бы его, но съ другой стороны онъ не рѣшался открыто помогать Отрепьеву, боясь Годунова. Въ это время Лжедимитрій тайно принялъ католичество и обѣщалъ, если сдѣлается русскимъ царемъ, обратить въ католическую вѣру всѣхъ русскихъ. Тогда польское (католическое) духовенство стало уговаривать короля помочь Отрепьеву. Король заявилъ, хотя и не открыто, что вѣрить его рассказу и признаетъ его права на русскій престолъ, назначилъ ему денежное вспомошествованіе и позволилъ набирать войско въ Польшѣ. самъ же въ войнѣ помогать отказался. За это взялись польскіе паны, особенно одинъ, по фамиліи Мнишекъ; Лжедимитрій обручился съ его дочерью, Мариной, обѣщая жениться на ней, какъ скоро сдѣлается русскимъ царемъ.

Набравъ, при помощи пановъ, небольшое войско въ 1600 человекъ, Лжедимитрій выступилъ въ походъ противъ Москвы. Онъ былъ храбръ, уменъ, со всѣми привѣтливъ и ласковъ. Войско любило его и охотно шло за нимъ; къ тому же многіе вѣрили, что онъ, дѣйствительно, сынъ Іоанна Грознаго. Борисъ же въ это время подозрительной жестокостью потерялъ и послѣднее сочувствіе своихъ подданныхъ. Его воеводы неохотно сражались съ Лжедимитріемъ.

Война Лжедимитрія съ Борисомъ была удачна для Лжедимитрія. Поляки уже взяли нѣсколько русскихъ городовъ, какъ вдругъ Борисъ скоростижно умеръ. Народъ рѣшилъ,

что это было наказаніемъ Божиимъ Борису, и сталъ переходить на сторону Лжедимитрія, а за народомъ и бояре. Лжедимитрій быстро дошелъ до Москвы, взялъ ее и велѣлъ казнить сына и наслѣдника Бориса, царевича Ѳеодора, а его сестру постригъ въ монахини и самъ сдѣлался русскимъ царемъ.

Но царствованіе его не было продолжительнымъ. Несмотря на свой умъ, онъ былъ необыкновенно легкомысленъ. Вмѣсто государственныхъ дѣлъ, все время проводилъ онъ въ пирахъ и весельѣ. Уже этого одного было достаточно, чтобы народъ отнесся къ нему недовѣрчиво. Но Лжедимитрій дѣлалъ и больше: явно, безъ всякаго опасенія, во всемъ оказывалъ онъ предпочтеніе Полякамъ. Поляки окружали его во дворцѣ; Полякамъ отдавалъ онъ разныя должности, отнималъ для нихъ дома и помѣстья у русскихъ. Наконецъ, и это было хуже всего, онъ не боялся выказывать свое презрѣніе къ православной вѣрѣ. Правда, въ Москвѣ онъ увидѣлъ, что не можетъ сдержать своего обѣщанія обратить Русскихъ въ католичество, но, тѣмъ не менѣе, онъ оказывалъ явное неуваженіе къ православію. Поляки безчинствовали въ церквахъ во время богослуженія, польскіе музыканты играли въ Кремлѣ возлѣ соборовъ, во время обѣдни, а самъ Лжедимитрій не отказался отъ своего намѣренія жениться на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ. Наступило время свадьбы; черезъ одиннадцать мѣсяцевъ послѣ воцаренія Димитрія. Марина съ торжествомъ вѣхала въ Москву, но православія не приняла, какъ на то еще надѣялись Русскіе. Напротивъ, съ ней явилось множество католическихъ священниковъ, которымъ Димитрій началъ оказывать всякое почтеніе. Въ началѣ мая, подъ пятницу, Димитрій вѣнчался. Не предвидя опасности, онъ всѣ дни за тѣмъ пировалъ и веселился съ Поляками, а между тѣмъ Русскіе, не вынося болѣе его обидъ къ православію и Россіи, составили противъ него заговоръ. Черезъ десять дней послѣ свадьбы заговорщики ночью ворвались во дворецъ; Лжедимитрій хотѣлъ спастись и выпрыгнулъ въ окно, но при паденіи сломалъ ногу и не могъ убѣжать. Его увидали и убили. Тѣло его сожгли; пепломъ зарядили пушку и выстрѣлили въ сторону Польши, т.-е. туда, откуда пришелъ Самозванецъ. Маринѣ удалось спастись; она убѣжала изъ Москвы.

Василій Шуйскій и Лжедимитрій II. Царемъ былъ избранъ

одинъ бояринъ. Василій Шуйскій. Но онъ не былъ въ силахъ возстановить порядокъ въ Россіи. Большинство русскихъ городовъ не повиновалось ему, говоря, что онъ возведенъ на престолъ не всей землею Русскою, а только нѣкоторыми боярами. Самъ онъ былъ человекъ слабый и лживый. Въ то время по всей Россіи бродили толпы Поляковъ и казаковъ; они грабили Русскихъ, жгли ихъ деревни, брали жителей въ плѣнъ. Во многихъ мѣстахъ явились самозванцы; одни называли себя сыновьями Іоанна Грознаго, другіе—царя Оеодора. Но всѣ они скоро гибли. Наконецъ, въ Польшѣ появился самозванецъ, увѣрявшій, что онъ Димитрій, который будто бы спасся во время бунта. Немедленно къ нему собралось огромное войско, и онъ двинулся къ Москвѣ. Царь Василій послалъ въ Угличъ за тѣломъ царевича Димитрія. Когда разрыли могилу, увидали, что тѣло лежитъ нетлѣнно, хотя со смерти царевича прошло уже пятнадцать лѣтъ. Въ то же время надъ гробомъ совершилось нѣсколько чудесъ, и всѣ узнали, что царевичъ святой. Съ великимъ торжествомъ перенесли мощи св. царевича въ Москву, гдѣ ихъ встрѣтили самъ царь, мать царевича, инокиня Марѳа, и патріархъ, и положили въ Архангельскомъ соборѣ. Инокиня Марѳа всенародно покаялась въ своемъ грѣхѣ, признавшись, что только страхъ смерти заставилъ ее прежде признать Лжедмитрія своимъ сыномъ, что царевичъ дѣйствительно былъ убитъ въ Угличѣ. Но ничего не помогало. Недовольные Васи́лемъ Русскіе переходили на сторону новаго самозванца и просто бунтовали и не повиновались своему царю. Самозванецъ (Лжедмитрій II) съ огромнымъ войскомъ подошелъ къ Москвѣ и расположился лагеремъ въ двѣнадцати верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ (отчего онъ и называется Тушинскимъ Воромъ). Почти два года простоялъ онъ здѣсь, грабя окрестности и постоянно сражаясь съ царскими войсками.

Между тѣмъ, бѣдствія не прекращались въ другихъ мѣстахъ. Большой польскій отрядъ осадилъ Троице-Сергіеву Лавру. Въ монастырь сбѣгались жители со всѣхъ сторонъ, и монахи никому не отказывали въ пріютѣ. Но отъ множества народа въ монастырѣ начался голодъ, болѣзни. Монахи во всемъ себѣ отказывали, питались только хлѣбомъ, отдавая лучшую пищу больнымъ, и въ одно и то же время отбивали нападенія непріятеля

и ухаживали за жившими у нихъ стариками, женщинами, дѣтьми. Шестнадцать мѣсяцевъ продолжалась эта осада, и Поляки сняли ее лишь тогда, когда къ монастырю начало приближаться русское войско подъ начальствомъ молодого и храбраго племянника царскаго, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, уже одержавшаго надъ Поляками нѣсколько побѣдъ.

Между тѣмъ возникла новая, еще большая опасность. На Москву двинулся съ большимъ войскомъ самъ король Польскій Сигизмундъ. Пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, онъ объявилъ ей войну и уже осадилъ Смоленскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ бывшіе съ Тушинскимъ Воромъ поляки явились къ нему, перешли на его сторону. Поляки и прежде уже обращались съ Лжедимитріемъ II очень высокомерно, а теперь пренебреженіе ихъ къ нему еще болѣе усилилось. Тогда онъ, боясь за свою жизнь, бѣжалъ въ Калугу, куда за нимъ послѣдовала и Марина. Вскорѣ за тѣмъ успѣлъ подойти къ Москвѣ кн. Скопинъ-Шуйскій; при его приближеніи тушинскій лагерь самъ собою распался, и кн. Михаилъ Васильевичъ торжественно вѣхалъ въ Москву, какъ ея освободитель. Всѣ надѣялись, что молодой военачальникъ сумѣетъ освободить также и всю Россію, возстановить въ ней тишину и порядокъ. Но, къ несчастію Россіи, князь скоро умеръ; говорятъ, онъ былъ отравленъ завистниками.

Между тѣмъ русскіе бояре, бывшіе на сторонѣ Тушинскаго Вора, опасаясь мести со стороны царя Василія, обратились къ королю Польскому съ просьбой, чтобы онъ отпустилъ на престолъ русскій своего сына Владислава. Пока велись переговоры, польское войско одержало надъ царскимъ нѣсколько побѣдъ; тогда москвичи возстали противъ царя Василія, низложили съ престола и заставили постричься въ монахи. Россія осталась безъ царя, и началось такъ-называемое Междоцарствіе.

Междоцарствіе. (1610—1613 гг.). Жители Москвы и нѣкоторые бояре присягнули Владиславу, и въ лагерь короля Польскаго, подъ Смоленскомъ, отправилось посольство изъ бояръ звать Владислава на царство, а въ Москву вступило польское войско. Но Сигизмундъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и потребовалъ, чтобы Русскіе признали царемъ его самого. Послы не соглашались;

тогда Сигизмундъ заключилъ ихъ подъ стражу и отправилъ, какъ плѣнниковъ въ Польшу.

Однако, между русскими боярами нашлись такіе, которые подчинились Сигизмунду и хотѣли сдѣлать его русскимъ царемъ. Но не такъ думали лучшіе русскіе люди, во главѣ которыхъ стоялъ патріархъ Ермогенъ. Они раньше присягнули Владиславу лишь изъ страха худшей бѣды,—власти Тушинскаго Вора. Но какъ разъ въ это время Воръ былъ убитъ въ Калугѣ однимъ татаринѣмъ. И вотъ присягавшіе Владиславу сочли себя уже болѣе свободными и требовали, чтобы Владиславъ немедленно пріѣхалъ въ Москву и принялъ православіе; подъ этимъ только условіемъ соглашались они теперь признать его русскимъ царемъ; въ противномъ случаѣ они думали о томъ, что надо прогнать Поляковъ и выбрать царя изъ Русскихъ. Такъ писалъ въ своихъ грамотахъ народу и патріархъ Ермогенъ. Съ разныхъ сторонъ стали собираться Русскіе на защиту Москвы; во главѣ ихъ стоялъ рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ; къ нему присоединились атаманъ Заруцкій и кн. Трубецкой съ казаками. Бояре, предавшіеся Сигизмунду, требовали отъ патріарха Ермогена, чтобы онъ остановилъ это войско, но патріархъ мужественно отказался и былъ заключенъ подъ стражу. Въ мартѣ 1611 г. Москвичи возстали противъ бывшихъ въ городѣ Поляковъ; Поляки сожгли всю Москву, перебили множество народа и заперлись въ Кремлѣ и Китай-городѣ (такъ называется часть Москвы, расположенная вокругъ Кремля и обнесенная каменной стѣной). Здѣсь они были осаждены ополченіемъ Ляпунова и его товарищей. Положеніе Поляковъ было отчаянное, но они были спасены тѣмъ, что казаки взбунтовались противъ гордаго Ляпунова, убили его и вмѣсто осады Китай-города и Кремля бросились грабить Москву.

Несчастія Россіи все увеличивались. Сигизмундъ взялъ Смоленскъ и уѣхалъ въ Польшу праздновать побѣду надъ Россіей; Новгородъ попалъ въ руки Шведовъ, которые также пошли на Россію войной. Наконецъ, въ Псковской области появился третій самозванецъ—Лжедимитрій. Положеніе Россіи было ужасно; казалось, она гибнетъ.

Въ это тяжелое время всѣ, кто могъ, искали убѣжища въ Троицкой Лаврѣ. такъ что весь монастырь сдѣлался какъ бы

больницей и богадѣльней. Но не эту только помощь принесла она. Архимандритъ Лавры, Діонисій, началъ разсылать по всей землѣ письма, призывая Русскихъ возстать на защиту своей родины. Одно изъ писемъ дошло въ Нижній-Новгородъ. Когда его прочитали передъ всѣмъ народомъ, то земскій староста (по нашему—городской голова) Козьма Мининъ Сухоруковъ, или просто Козьма Мининъ, сказалъ: «Если помогать родинѣ, то ничего не надо жалѣть. Продадимъ дома свои, заложимъ дѣтей и женъ, на вырученные деньги наберемъ войско. и призовемъ начальника надъ нимъ». Воодушевленные этими словами, Нижегородцы стали жертвовать все, что могли—последнее платье, и то отдавали. Но надо было найти воеводу. Мининъ указалъ на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, знаменитаго своими воинскими доблестями. Онъ въ то же время жилъ въ деревнѣ и лѣчился отъ ранъ, которыя получилъ, сражаясь съ Поляками. Несмотря на болѣзнь, онъ отвѣчалъ приходившимъ къ нему посламъ нижегородскимъ: «Я радъ служить родинѣ и принимаю вашъ зовъ. Но выберите человѣка, который могъ бы помогать мнѣ и хранить у себя деньги». Нижегородцы выбрали Минина. Въ короткое время составилось большое войско, потому что Русскіе со всѣхъ концовъ земли спѣшили поступить для защиты отечества подъ начальство Пожарскаго.

Когда войско это двинулось къ Москвѣ, то Поляки и ихъ друзья, бояре, пришли въ большое смущеніе. Патріархъ Ермогенъ былъ въ это время у нихъ въ плѣну. Они посадили его въ тѣсную, мрачную тюрьму и потребовали, чтобы онъ запретилъ Пожарскому идти противъ Москвы. Но Ермогенъ отвѣчалъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для освобожденія Москвы». Злодѣи уморили его за это голодомъ.

Въ августѣ 1612 года Пожарскій пошелъ къ Москвѣ. Большинство поляковъ разбѣжалось. Оставшіеся рѣшились защищаться не на животъ, а на смерть. Подъ Москвой стояли казаки, подъ начальствомъ князя Трубецкаго. Келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ уговорилъ ихъ присоединиться къ Пожарскому. Но въ то же время къ Москвѣ пришло на подмогу свѣжее польское войско. Русскіе сейчасъ же вступили съ нимъ въ бой и заставили уйти назадъ. Потомъ они осадили Москву, при чемъ Пожарскій по своей скромности уступилъ главное начальство

князю Трубецкому, какъ старшему по чину. Черезъ мѣсяць осады Русскіе взяли Китай-городъ. Поляки заперлись въ Кремль и продержались тамъ еще мѣсяць; но голодъ заставилъ ихъ сдаться. 27 ноября 1612 года войско и народъ русскій вошли съ крестнымъ ходомъ въ очищенный отъ враговъ Кремль.

Позднѣе, правда, Сигизмундъ снова пошелъ на Москву, но увидѣлъ, что опоздалъ, и вернулся ни съ чѣмъ во-свояси.

Сейчасъ же были разосланы по всей Россіи приглашенія на соборъ для избранія новаго царя. Когда выборные съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ, а потомъ начались сборы. Всѣ указали на шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына плѣннаго митрополита Филарета Никитича и близкаго родственника прежнимъ царямъ Русскимъ.

21 февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ. На немъ всѣ подали письменныя предложенія, кого избрать, и оказалось, что всѣ называли Михаила. Нѣсколько духовныхъ и одинъ бояринъ вышли на Красную площадь, на Лобное мѣсто, и спросили у народа, который ждалъ здѣсь рѣшенія: «Кого онъ хочетъ въ цари?»—«Михаила Ѳеодоровича Романова», отвѣчалъ весь народъ въ одинъ голосъ.

9. Цари изъ дома Романовыхъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ. Московскій соборъ, какъ только выбралъ царя, сейчасъ же послалъ пословъ въ Ипатьевскій монастырь, около Костромы, гдѣ тогда жилъ вмѣстѣ съ матерью своей Михаилъ Ѳеодоровичъ. Его мать была тогда уже пострижена въ монахини; звали ее Марею Ивановной. Она сказала посламъ: «Мой сынъ молодъ, а царство разорено, войска нѣтъ, царская казна разграблена. Какъ же онъ справится съ дѣлами? Къ тому же и вѣрить Русскимъ нельзя: они уже тремъ царямъ измѣняли. Да, наконецъ, отецъ Михаила, митрополитъ Филаретъ, въ плѣну у Поляковъ. Польскій король узнавъ, что Михаилъ занялъ тотъ престолъ, на который онъ самъ хотѣлъ сѣсть, отмститъ ему на его отцѣ, убьетъ митрополита». Но послы отвѣчали, что если Михаилъ избранъ всѣмъ народомъ, то, значить, такова воля Божія, и что если онъ не приметъ вѣнца, то некому будетъ защищать Россію, и Поляки опять станутъ ее грабить;

за это Михаилъ отвѣтитъ Богу. Противъ этого Марѳа ничего не могла сказать и благословила сына на царство.

Но съ самаго же начала Михаилу грозила большая опасность. Поляки, узнавъ объ его избраніи, послали своихъ людей въ Кострому, чтобы убить молодого царя. Посланные, не зная, гдѣ царь, потребовали чтобы одинъ крестьянинъ, Иванъ Сусанинъ, изъ села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, показалъ имъ путь. Сусанинъ притворно согласился исполнить требованіе Поляковъ и завелъ ихъ въ дикій, непроходимый лѣсъ, откуда уже нельзя было выбраться. Здѣсь онъ открылъ злодѣямъ правду, что онъ нарочно ихъ привелъ сюда, чтобы они погибли отъ голода и холода, потому что никогда ни одинъ Русскій не измѣнитъ своему государю. Поляки угрозами и пытками надѣялись заставить Сусанина вывести ихъ изъ лѣсу, но Сусанинъ былъ твердъ и умеръ въ страшныхъ мукахъ, не указавъ Полякамъ дороги. Такимъ образомъ Михаилъ былъ спасенъ.

26 мая 1613 года Михаилъ пріѣхалъ въ Москву, а 11-го іюля вѣнчался на царство. Трудно было молодому царю. Прежде всего надо было справиться съ разными людьми, которые хотѣли сами сѣсть на русскій престолъ. Такъ въ Астрахани жила, собравъ казачье войско, Марина Мнишекъ и доказывала, что по настоящему русскимъ царемъ долженъ быть ея сынъ, котораго звали Иваномъ Дмитріевичемъ. Польскій королевичъ Владиславъ напоминалъ, что московскіе бояре выбрали его еще до Михаила, и не хотѣлъ понять того, что за него были лишь нѣсколько бояръ, а за Михаила вся Россія. Шведы старались посадить на русскій престолъ своего королевича. Къ тому же по всей землѣ рыскали разбойники, по большей части изъ казаковъ и Поляковъ.

Но Богъ помогалъ Михаилу. Царь легко справился съ Мариной, которая къ тому же вскорѣ умерла. Страшнѣе были другіе враги. Впрочемъ, со Шведами скоро заключили миръ, такъ какъ Михаилу надо было выслать все свое войско противъ Поляковъ. По этому миру Шведы возвратили Русскимъ Новгородъ и нѣкоторые города, которые они захватили во время Междоусобствія, но зато удержали за собой побережье Финскаго залива со старинными русскими городами Ямомъ, Иванъгородомъ,

Копорьемъ. да кромѣ того, должны были получить съ Михаила Ѳеодоровича 20000 рублей.

Между тѣмъ Польскій королевичъ Владиславъ приближался къ Москвѣ. Самъ князь Пожарскій не могъ остановить его. Наконецъ, Поляки подступили къ Москвѣ и осадили ее. Михаилъ созвалъ весь московскій народъ и объявилъ объ опасности. Народъ отвѣчалъ: «Мы дали Богу обѣщаніе защищать всѣми силами православную вѣру и тебя, государя, и сдержимъ его». И дѣйствительно: всѣ, кто только могъ, вышли въ бой противъ Поляковъ. Москву отстояли. Поляковъ отбили, но тѣмъ не менѣе у Михаила не было довольно силъ, чтобы долго и настойчиво продолжать войну. Поляки также неохотно ее продолжали. Тогда обѣ воюющія стороны согласились заключить перемиріе на четырнадцать лѣтъ; Поляки получили Смоленскъ, но зато выпустили отца царя, митрополита Филарета, и другихъ Русскихъ, бывшихъ съ нимъ въ плѣну. Владиславъ же заявилъ, что онъ попрежнему сохраняетъ свои права на русскій престолъ. Условія этого перемирія были такъ невыгодны для Русскихъ, что царь сталъ исподволь готовиться къ новой войнѣ съ Польшей. Онъ объявилъ ее, какъ скоро умеръ Сигизмундъ, а Владиславъ еще не былъ избранъ королемъ (у Поляковъ короли не получали престола по наслѣдству, а избирались). Сначала война была очень счастлива для Русскихъ, но затѣмъ, когда Владиславъ утвердился на престолѣ, верхъ стали одерживать Поляки. Такъ, съ перемѣной счастья то въ одну сторону, то въ другую война продолжалась еще нѣсколько времени: наконецъ, былъ заключенъ миръ (1634 г.) на вѣчныя времена; условія его были почти тѣ же, что и прежняго перемирія, только Михаилъ заплатилъ Полякамъ 20000 рублей, а Владиславъ отказался отъ правъ на русскій престолъ.

При возвращеніи митрополита Филарета изъ польскаго плѣна, царь устроилъ ему торжественную встрѣчу, а черезъ нѣсколько времени русскіе архіереи возвели его въ санъ патріарха. Въ санѣ патріарха Филаретъ правилъ государствомъ наравнѣ съ сыномъ, такъ что ихъ обоихъ называли государями. Такимъ образомъ, для управленія государствомъ тѣсно соединились обѣ высшія власти: власть свѣтская—государь, и власть духовная—патріархъ. Не даромъ это случилось именно теперь.

Страна была въ страшномъ положеніи. Русскіе привыкли къ измѣнѣ, къ разбою, къ неповиновенію. Нужна была особенная сила, чтобы привести государство въ порядокъ, и это могло быть достигнуто лишь соединенными усиліями царя и патріарха. Всѣ заботы ихъ и были направлены на устроеніе внутренняго порядка въ Россіи. Они успѣли возстановить законное управленіе повсюду, очистили страну отъ казаковъ и разбойниковъ, возстановили сборъ податей, и Россія начала жить опять правильной жизнью.

Патріархъ Филаретъ скончался въ 1633 году, а Михаилъ Θεодоровичъ въ 1645 году.

Алексѣй Михайловичъ. Однако, и при сынѣ Михаила, Алексѣѣ Михайловичѣ, еще замѣтны были остатки своеволія и не порядка, которыхъ такъ много было въ Смутное Время. Привыкнувъ къ непокорности въ то время, когда въ Россіи не было настоящаго царя, народъ забывалъ, что теперь у него царь, законно вошедшій на престолъ, и не разъ бунтовалъ. Впрочемъ, тому были и особыя причины. Царь Алексѣй былъ человѣкъ необыкновенно добрый и мягкій, такъ что его прозвали даже «тишайшимъ царемъ». Самъ всегда правдивый, онъ и другихъ всѣхъ людей считалъ хорошими и легко имъ вѣрилъ. Дурные люди пользовались этою добротой царя и уговаривали его отдавать все управленіе въ ихъ руки, а когда царь соглашался, то заботились только о своей выгодѣ и притѣсняли народъ. Вотъ поэтому то народъ и бунтовалъ.

Разъ московскіе жители даже окружили дворецъ и требовали, чтобы царь выдалъ имъ на смерть боярина Морозова, очень непріятнаго народу; Алексѣй вышелъ самъ на крыльцо и обѣщалъ уничтожить всѣ тѣ притѣсненія, причиной которыхъ былъ Морозовъ, и въ заключеніе со слезами просилъ не требовать выдачи Морозова, который былъ его воспитателемъ, и котораго онъ любилъ, какъ отца. Народъ опомнился и съ восклицаніями: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта; да будетъ воля Божія и государева», разошелся по домамъ. Морозовъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, и Москва успокоилась.

Самый большой бунтъ произошелъ уже подъ конецъ царствованія Алексѣя. На низовьяхъ Дона и Волги постоянно собиравались разные бѣглые люди, разный русскій сбродъ, назы-

вая себя казаками; здѣсь, вдали отъ Московскаго правительства, среди степей, имъ было удобно жить, дѣлать кто что хотѣлъ, безнаказанно разбойничать и т. д. Но старшины настоящихъ старшинныхъ казаковъ, жившихъ на Дону, были очень недовольны нашествіемъ этихъ бѣглыхъ людей и пробовали ихъ усмирять. Тогда они выбрали себѣ атаманомъ Донскаго казака Стеньку Разина и подъ его предводительствомъ отправились грабить и разбойничать по Волгѣ. Имъ удалось взять Самару, Саратовъ и другіе города. Видя успѣхъ бунтовавшихъ казаковъ, къ нимъ пристало множество крестьянъ, которые стали убивать своихъ помѣщиковъ. Бунтъ кончился съ поимкой и казнью Разина.

Патріархомъ при царѣ Алексѣѣ былъ знаменитый Никонъ. Онъ былъ родомъ изъ крестьянъ. Трудно было ему жить въ своей семьѣ: мать его умерла, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ; отецъ его женился во второй разъ; мачеха ненавидѣла маленькаго Никиту—такъ звали Никона въ міру—и всячески притѣсняла его; говорятъ, что она нѣсколько разъ пробовала его уморить. Отъ такихъ притѣсненій у Никиты развился горячій, несдержанный нравъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ всегда умѣлъ поставить на своемъ: такъ, онъ самоучкой выучился грамотѣ.

Двадцати лѣтъ отъ роду его поставили въ священники. Но когда его дѣти всѣ умерли, онъ ушелъ въ Соловецкій монастырь; жена его также постриглась. Скоро Никонъ прославился своей строгой жизнью. Алексѣй узналъ о немъ, познакомился и полюбилъ его; постоянно занятый благочестивыми мыслями, царь любилъ приближать къ себѣ достойныхъ духовныхъ лицъ, чтобы имѣть возможность всегда бесѣдовать съ ними, руководиться ихъ совѣтами и въ государственныхъ дѣлахъ и въ частной жизни. По желанію царя, Никона выбрали сперва игуменомъ одного московскаго монастыря, затѣмъ митрополитомъ Новгородскимъ и, наконецъ,—Московскимъ патріархомъ. Но этого было мало. Царь, который называлъ Никона «своимъ особеннымъ другомъ, душевнымъ и тѣлеснымъ», далъ ему титулъ «великаго государя». Во время отлучекъ царя, которыя были часты вслѣдствіе войнъ, патріархъ Никонъ управлялъ государствомъ. Онъ оказалъ и особенную личную услугу царю, спася царское семейство во время мороваго повѣтрія.

Однако, въ его патріаршество случилось печальное событіе: въ православной Церкви произошли смуты, расколъ, множество Русскихъ отпали отъ своей Церкви. Случилось это такъ. Между священниками въ то время много было нехорошихъ людей; много было и неграмотныхъ. Никонъ сталъ лишать дурныхъ священниковъ сана, заставлялъ неграмотныхъ учиться и т. д., — и все это дѣлалъ по своему очень строго. Духовенство его не взлюбило. Вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ взялся за исправленіе церковныхъ книгъ.

Дѣло въ томъ, что прежде книги не умѣли печатать, а переписывали; поэтому въ нихъ было много ошибокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ повторялись постоянно: такъ, напимѣръ, постоянно писали вмѣсто Іисусъ—Исусъ; писали, будто креститься надо не тремя, а двумя перстами, что служить обѣдню надо не на пяти, а на семи просфорахъ, что нельзя брить усовъ и бороды, — и многое другое. Въ первый разъ напечатаны были книги при Іоаннѣ Грозномъ и при томъ со всѣми этими ошибками. Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, увидалъ необходимость исправить ихъ; но люди, которымъ онъ поручилъ это дѣло, не были довольно учены и перепечатали книги съ новыми ошибками. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, отставилъ отъ должности Іосифовыхъ справщиковъ, а на ихъ мѣсто призвалъ новыхъ, Малороссовъ, такъ какъ они тогда были гораздо образованнѣе Русскихъ. Справщики, отрѣшенные Никономъ отъ должности, мстя за себя, начали говорить въ народѣ, что Никонъ хочетъ уничтожить православную вѣру, что онъ призвалъ какихъ-то чужихъ людей и вмѣстѣ съ ними передѣлываетъ тѣ книги, по которымъ молились отцы и дѣды. Къ нимъ присоединилось много духовныхъ, наказанныхъ Никономъ или лишенныхъ имъ сана. Въ народѣ тогда почти никто не зналъ грамоты; поэтому многіе изъ народа охотно вѣрили всѣмъ этимъ выдумкамъ, такъ какъ сами не могли PROVĚRITЬ, въ чемъ дѣло. Такъ и начался расколъ. Никону надо бы было стараться объяснять, что онъ нисколько не портитъ книгъ церковныхъ, а, напротивъ, исправляетъ въ нихъ ошибки; а онъ вмѣсто того строго наказывалъ ослушниковъ, — многихъ казнили смертию. Все это еще болѣе раздражало недовольныхъ его исправленіями, и рознь между православными и раскольниками становилась все сильнѣе.

Но недолго былъ Никонъ патріархомъ. Какъ строго онъ управлялъ духовенствомъ, такъ же хотѣлъ онъ распоряжаться и мірскими дѣлами. Поэтому у него было много враговъ между придворными. Они всячески старались поссорить его съ царемъ и, наконецъ-таки, достигли своего: Алексѣй пересталъ считать Никона своимъ особеннымъ, близкимъ другомъ. Какъ скоро Никонъ замѣтилъ это, онъ пришелъ въ страшное раздраженіе и разъ за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ объявилъ народу, что больше не хочетъ быть патріархомъ, переодѣлся въ простую монашескую одежду и уѣхалъ изъ Москвы въ свой любимый Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ; онъ самъ его построилъ).

Семь лѣтъ набожный Алексѣй не рѣшался отрѣшить Никона отъ сана и выбрать новаго патріарха. Наконецъ, онъ созвалъ соборъ изъ главныхъ русскихъ духовныхъ лицъ; пріѣхали также два восточные патріарха. Соборъ нашелъ, что Никонъ слишкомъ гордо и самовольно обращался со всѣми и что онъ сдѣлалъ большую вину, бросивъ по собственному желанію Церковь на произволъ судьбы; за все это его присудили къ лишенію сана и къ ссылкѣ въ дальній монастырь. Но всѣ нововведенія, которыя сдѣлалъ Никонъ, особенно же исправленіе книгъ, были одобрены.

Долго прожилъ Никонъ въ заточеніи. Лишь сынъ Алексѣя, Ѳеодоръ, уже послѣ смерти отца, позволилъ ему поселиться снова въ Воскресенскомъ монастырѣ. Но Никону не удалось воспользоваться царской милостью: по дорогѣ въ Новый Іерусалимъ онъ умеръ. Похоронили его со всѣми почестями, которыя подобають патріарху.

Другое важное событіе, которое случилось при Алексѣѣ Михайловичѣ, было присоединеніе къ Россіи Малороссіи. Къ началу царствованія Алексѣя Михайловича большая часть южной и западной Россіи принадлежала Полякамъ; въ ихъ рукахъ были даже такіе старые русскіе города, какъ Смоленскъ и Кіевъ. Всѣ эти земли много страдали отъ своихъ владѣтелей. Въ двухъ отношеніяхъ пришлось имъ терпѣть. Польскіе паны жестоко угнетали крестьянъ, которыхъ и за людей почти не считали. Они, на примѣръ, отдавали свои имѣнія въ аренду жидамъ съ правомъ казнить крестьянъ смертію. И Русскимъ

негдѣ было искать защиты: въ Польшѣ король имѣлъ мало силы, а паны своевольничали, какъ хотѣли. Но еще хуже было положеніе Русскихъ, какъ православныхъ. Поляки были ревностными католиками и непремѣнно старались перевести въ католическую вѣру и Русскихъ. Они всячески ихъ мучили, отдавали церкви на откупъ жидамъ, которые позволяли служить только за деньги, и выдумывали многія другія притѣсненія. Католическое духовенство съ своей стороны изобрѣло унію. Это значило, что православные могли сохранять свои догматы и обряды, но должны были подчиняться римскому папѣ. Но этой измѣны своей вѣрѣ Русскіе не сдѣлали. Для защиты православія возникли церковныя братства. Прихожане какой-нибудь церкви соединялись вмѣстѣ, чтобы поддерживать другъ друга словомъ и дѣломъ. Братства защищали своихъ членовъ отъ притѣсненій Поляковъ и католическаго духовенства, заводили школы, чтобы ученіемъ укрѣплять твердость въ православіи. Они наблюдали также, чтобы всѣ церковныя дѣла въ ихъ приходѣ шли правильно. И точно, братства сослужили великую службу: ни католичество, ни унія не могли вытѣснить православія. Православные все терпѣли, только чтобы сохранить свою вѣру. Однако, въ концѣ XVI вѣка нѣсколько православныхъ архіереевъ изъ честолюбія, чтобы имѣть больше власти (ибо понятно, что православные архіереи почетомъ не пользовались), отъ имени будто всѣхъ Русскихъ поѣхали въ Римъ и передъ самымъ папой перешли въ унію. Тогда положеніе православныхъ сдѣлалось еще ужаснѣе. Ибо новые отступники, какъ это всегда бываетъ, съ особенной враждой относились къ своимъ прежнимъ братьямъ по вѣрѣ: не менѣе католиковъ-пановъ они мучили православныхъ, требуя перехода въ унію. И такимъ образомъ, все русское населеніе Польши раздѣлилось на двѣ части: одна осталась вѣрной православію, другая примкнула къ уніи. Отсюда постоянная вражда, постоянныя неурядицы. И всегда безпокойная въ своевольномъ Польскомъ королевствѣ жизнь народа стала просто невыносимой. Но въ это самое время возникла возможность спасенія. Начало всему положили казаки. Малороссійскіе казаки, находившіеся подъ польской властью, раздѣлялись на городскихъ казаковъ и казаковъ-Запорожцевъ. Городовые казаки жили въ городахъ

и составляли полки по городамъ; такъ, былъ полкъ Миргородскій, Черкасскій и др. Всѣ они подчинялись казацкому гетману. У Запорожцевъ было главное укрѣпленное мѣстечко, пониже Днѣпровскихъ пороговъ, Сѣчь; они состояли изъ людей, сходившихся съ разныхъ сторонъ, вели безпокойную жпзнь и плохо подчинялись гетману; они имѣли свое начальство; главный начальникъ ихъ назывался кошевымъ атаманомъ. Но въ одномъ всѣ казаки были между собой сходны: они всѣ были православные, горячо защищали свою вѣру и потому не разъ возставали противъ Поляковъ. Но Поляки всегда усмиряли эти возстанія и очень жестоко наказывали возставшихъ; такъ, разъ одного гетмана они живьемъ изжарили, съ другого содрали кожу.

Иначе пошли дѣла, когда предводителемъ возстанія сдѣлался Богданъ Хмельницкій. Богатый и по тогдашнему ученый, онъ занималъ важную должность писаря казацкаго войска. У него было имѣніе; это имѣніе понравилось одному польскому пану, и тотъ потребовалъ, чтобы Хмельницкій продалъ его ему. Но Хмельницкій не согласился. Панъ, не долго думая, отнялъ имѣніе у Хмельницкаго силой; Богданъ пробовалъ было искать суда у короля, но король не могъ справиться съ сильнымъ паномъ. Хмельницкій рѣшилъ отмстить самъ и освободить Русскихъ отъ Поляковъ.

Онъ сталъ убѣждать казаковъ и всѣхъ православныхъ подданныхъ Польши возстать на защиту православной вѣры и русскихъ обычаевъ. Всѣ съ радостью слушали его убѣжденія, а митрополитъ Кіевскій благословилъ его на его предпріятіе. Богданъ отправился къ Запорожцамъ; эти также съ радостью согласились итти противъ Поляковъ. Тогда все казацкое войско выбрало его гетманомъ. Но Хмельницкій, не надѣясь на однѣ казацкія силы, заключилъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ.

Сперва дѣла казаковъ шли очень удачно; Поляки терпѣли одно пораженіе за другимъ. Но ханъ оказался плохимъ союзникомъ: въ одномъ сраженіи онъ измѣнилъ казакамъ, и Поляки побѣдили. Во время этой борьбы воюющія стороны два раза заключали мѣръ, но каждый разъ нарушали его. Когда же война вспыхнула въ третій разъ, то Хмельницкій обратился уже не къ Крымскому хану, измѣнившему ему, а къ самому Рус-

скому царю. Онъ не только просилъ помочь казакамъ, но предлагалъ ему принять всю Малороссію въ свое подданство. Долго колебался Алексѣй принять это предложеніе, опасаясь трудной войны съ Польшей, но, наконецъ, видя, что притѣсненія со стороны Поляковъ постоянно увеличиваются, и помня, что Поляки и противъ самого русскаго царства во многомъ провинились,—онъ согласился.

Въ 1654-мъ году московскіе послы пріѣхали къ Хмельницкому принимать отъ казаковъ присягу царю. Хмельницкій созвалъ всѣхъ казаковъ на площадь въ городѣ Переяславлѣ и сказалъ: «Православные христіане, сами видите, что нельзя намъ жить безъ царя. Такъ выбирайте изъ четырехъ: султана Турецкаго, хана Крымскаго, короля Польскаго или царя Русскаго. Помните только, что султанъ и ханъ—басурмане; Турки притѣсняютъ православныхъ; крымскіе Татары уже измѣнили намъ одинъ разъ. А какъ жить подъ польской властью, это вы сами знаете. Русскій же царь—царь милостивый, справедливый; онъ такой же православный, какъ и мы; лучше жизни, какъ подъ его властью, мы нигдѣ не найдемъ. Кто съ этимъ не согласенъ, пусть идетъ куда хочетъ; ему вольная дорога!» Всѣ воскликнули въ одинъ голосъ: «Хотимъ подъ власть царя Московскаго. Лучше намъ умереть, чѣмъ не быть подъ его властью».

Хмельницкій отправилъ пословъ въ Москву—присягать передъ самимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и такимъ образомъ Малороссія была присоединена къ Россіи.

Но зато Русскимъ сейчасъ же пришлось вести войну съ Польшей. Долго тянулась эта война; разъ уже было заключили миръ, очень выгодный для Русскихъ. Но потомъ Поляки снова собрались съ силами и снова пошли противъ Русскихъ. Нечего было дѣлать, пришлось снова воевать. Эта вторая польская война была менѣе счастлива для Русскихъ, чѣмъ первая. Когда послѣ десятилѣтней борьбы заключено было въ с. Андрусовѣ перемиріе на тринадцать лѣтъ (1667 г.), то царь Алексѣй долженъ былъ, по нему, отказаться отъ Литовскихъ городовъ, которые пріобрѣлъ было послѣ первой войны. За Россіей осталась та часть Малороссіи, которая лежитъ по эту, т.-е. лѣвую сторону Днѣпра; на правой сторонѣ Россія удержала только Кіевъ; Смоленскъ также вернулся подъ русскую власть.

Польша, однако, дорого поплатилась; отъ долгихъ войнъ съ Россіей, отъ неурядицъ внутри государства, она совсѣмъ ослабѣла, и черезъ какихъ-нибудь сто лѣтъ Польское королевство было уничтожено.

Изъ внутреннихъ дѣлъ царя Алексѣя особенно замѣчательно составленіе Уложенія, т.-е. собранія законовъ. Въ Уложеніи были собраны указы прежнихъ государей, правила апостольскія и св. Отцевъ, законы византійскіе, т.-е. греческіе; а на тѣ случаи, когда готовыхъ законовъ не оказалось, были составлены, по совѣщанію съ патріархомъ, духовенствомъ, боярами и выборными, новые законы. Уложеніе было готово въ 1649-мъ году.

Подъ конецъ жизни Алексѣй Михайловичъ женился во второй разъ на воспитанницѣ своего любимаго боярина, Артамона Сергѣевича Матвѣева, Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

Умеръ онъ въ 1676-мъ году. Послѣ него осталось много дѣтей: нѣсколько дочерей, царевичи Ѳеодоръ и Іоаннъ, сыновья его первой жены, и трехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ Натальи Кирилловны. Царемъ сдѣлался Ѳеодоръ; его царствованіе ничѣмъ особенно не замѣчательно и продолжалось всего шесть лѣтъ.

10. Петръ Великій.

Дѣтство и юность Петра. Никогда и ни у какого народа не было такого великаго государя, какъ нашъ Петръ Первый. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ выказывалъ онъ необыкновенный умъ и дарованія. Поэтому, послѣ смерти бездѣтнаго Ѳеодора Алексѣевича патріархъ и всѣ бояре единогласно рѣшили отдать престолъ не старшему царевичу Іоанну Алексѣевичу, болѣзненному и слабому, а младшему, Петру. Обсудивъ и рѣшивъ это съ боярами, патріархъ созвалъ на площадь народъ и спросилъ, кому царствовать. «Петру Алексѣевичу!» былъ общій отвѣтъ. Петру было всего десять лѣтъ, но всѣ видѣли, что очень скоро онъ будетъ въ состояніи управлять царствомъ,— и управлять, какъ никто.

Однако Петру не пришлось начать свое царствованіе спокойно. Отъ первой жены Алексѣя Михайловича осталась,

между другими дѣтьми, гордая и умная царевна Софїя. Она сама стремилась править государствомъ.

Но какъ было свергнуть съ престола Петра? Софья рѣшилась возмутить стрѣльцовъ. Стрѣльцы составляли особое войско; они жили въ подмосковныхъ слободахъ (теперешнемъ Замоскворѣчѣ), каждый своимъ домомъ; многіе изъ нихъ торговали. У нихъ было свое собственное начальство, во всемъ державшее ихъ сторону, такъ что они давно уже привыкли ко всякому своеволію. Софѣ не трудно было поднять ихъ противъ молодого царя. Для этого ея слуги увѣрили стрѣльцовъ, что Нарышкины, родственники Натальи Кирилловны, убили царевича Іоанна. Стрѣльцы сейчасъ же бросились во дворецъ и потребовали, чтобы имъ позволили казнить тѣхъ изъ Нарышкиныхъ, которыхъ обвинили въ убійствѣ. Чтобы успокоить ихъ, царица Наталья вывела къ нимъ обоихъ братьевъ, Петра и Іоанна. Но стрѣльцы не образумились, а цѣлыхъ три дня продолжали буйствовать и убили нѣсколько бояръ, между прочимъ боярина Матвѣева, у котораго воспитывалась прежде Наталья Кирилловна, и брата царицы. Лишь послѣ этого они усемирлись и сказали: «Теперь мы довольны! Дай Богъ здоровья царю-государю. Пусть онъ самъ управляетъ съ остальными, а мы рады умереть за него». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту Софьи, они потребовали, чтобы вмѣстѣ съ Петромъ царемъ былъ и Іоаннъ, и чтобы до ихъ совершеннолѣтія дѣлами правила Софья Алексѣевна. Царицѣ Натальѣ пришлось согласиться.

Всю власть взяла въ свои руки Софья. Между событіями, происшедшими во время ея правленія, особенно замѣчательно заключеніе съ Поляками вѣчнаго мира, на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ было заключено Андрусовское перемиріе.

Натальѣ Кирилловнѣ тяжело было жить въ Москвѣ, она переѣхала въ подмосковное село Преображенское. Петръ переѣхалъ вмѣстѣ съ ней.

О воспитаніи Петра никто не заботился. Ему дали учителя Зотова, но Зотовъ самъ былъ человѣкъ невѣжественный и ничему научить царевича не могъ. Между тѣмъ Петръ былъ необыкновенно любознателенъ: онъ требовалъ, чтобы ему объясняли все, что онъ видѣлъ и о чемъ слышалъ. Но во дворцѣ Натальи Кирилловны жили люди все больше необразованные.

Петру скоро надоѣло быть всегда съ ними: онъ началъ большую часть времени проводить на дворѣ.

Изъ дѣтей дворцовой прислуги онъ составилъ два полка, которые называлъ потѣшными; позднѣе изъ нихъ вышли два образцовые гвардейскіе полка: Преображенскій и Семеновскій. Но Петръ не ограничивался играми со своими потѣшными солдатами, онъ хотѣлъ учиться. Услыхалъ онъ, что есть такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстояніе между двумя предметами, не подходя къ нимъ (астролябія), и приказалъ добыть его. Астролябію купили, но никто не могъ объяснить, какъ съ ней обходиться. Петръ попросилъ придворнаго доктора (тогда всѣ доктора были изъ Нѣмцевъ) помочь ему въ горѣ. Докторъ сказалъ, что есть въ Нѣмецкой слободѣ (такъ называлась подмосковная слобода, гдѣ тогда жили иностранцы) нѣмецъ Тиммерманъ, который знаетъ, какъ работать съ астролябіей. Призвали Тиммермана. Тиммерманъ показалъ, что хотѣлъ знать Петръ, и, по желанію царевича, сталъ давать ему уроки ариѳметики. Петръ скоро не только выучился всему, что зналъ Тиммерманъ, но и обогналъ его.

Разъ какъ-то Петръ увидалъ въ одномъ сараѣ, гдѣ были сложены вещи царя Алексѣя, какую-то необыкновенную лодку. Сейчасъ спрашиваетъ Тиммермана: «Что это такое?»—«Англійскій боть», отвѣчалъ Тиммерманъ.—«Чѣмъ лучше нашихъ судовъ?»—«Ходить на парусахъ и по вѣтру, и противъ вѣтра».—«Какъ на парусахъ противъ вѣтра? Покажи, какъ имъ управлять».—«Самъ-то я не знаю», отвѣчалъ Тиммерманъ; «а вотъ есть у меня одинъ землякъ, Брантъ, такъ тотъ умѣетъ».—«Приведи Бранта», приказалъ Петръ. Тиммерманъ привелъ Бранта. Брантъ спустилъ ботикъ въ Яuzu и научилъ Петра управлять имъ. Но въ Яузѣ было узко. Боть перенесли въ Измайловскій прудъ. И здѣсь показалось Петру тѣсно. Тогда боть перевезли за 120 верстъ отъ Москвы, на Переяславское озеро. Петръ самъ переѣхалъ туда, выписалъ къ себѣ мастеровъ, приказалъ строить суда и самъ началъ работать съ ними. Такимъ образомъ возникъ русскій флотъ, а ботикъ Алексѣя Михайловича былъ названъ «Дѣдушкой русскаго флота».

Петру между тѣмъ сравнялось уже семнадцать лѣтъ. У него было уже свое войско; онъ успѣлъ многому научиться у своихъ дру-

зей иностранцевъ, такъ что былъ образованнѣе всѣхъ придворныхъ Софьи. Софья не могла не видѣть, что Петръ становится ей опасенъ: царь Іоаннъ былъ всегда боленъ, а сама она была не царицей, а только правительницей. «Что дѣлать», думала она, «если Петръ захочетъ захватить власть въ свои руки? Вѣдь придется уступить». Она рѣшилась снова призвать на помощь стрѣльцовъ.

7 августа 1689 года слуги ея распустили слухъ, что Петръ собирается прійти съ своими потѣшными войсками въ Москву и убить царя Іоанна со всѣмъ царскимъ семействомъ. Не трудно было понять, кто и зачѣмъ распространяетъ такіе слухи. Два стрѣльца, преданные Петру, въ тотъ же мигъ поскакали ночью въ Преображенское и рассказали тамъ, какая опасность грозитъ царю. Петръ легъ уже спать, но какъ скоро ему сообщили вѣсть, привезенную стрѣльцами, онъ вскочилъ на коня и помчался въ Троицкую Лавру. За нимъ отправились туда царица Наталья, всѣ придворные потѣшные полки и, кромѣ того, стрѣлецкій Сухаревъ полкъ и много стрѣльцовъ другихъ полковъ. Въ благодарность за эту вѣрность Сухарева полка Петръ построилъ потомъ въ Москвѣ башню и назвалъ ее Сухаревой.

Черезъ нѣсколько дней Петръ прислалъ въ Москву схватить помощниковъ Софьи. Софья обратилась за помощью противъ Петра къ стрѣльцамъ и народу. Но никто уже не хотѣлъ помогать ей: Петръ уже заслужилъ всеобщую любовь и преданность. Сами стрѣльцы выдали посланнымъ Петра своего главнаго начальника Шакловитаго. Шакловитый былъ казненъ около Троицы, другіе помощники Софьи также частью казнены, частью сосланы, а саму Софью Петръ принудилъ удалиться на житье въ московскій Новодѣвичій монастырь.

Такимъ образомъ Петръ, семнадцати лѣтъ отъ роду, сдѣлался единодержавнымъ царемъ Русскимъ. Его братъ Іоаннъ ни во что по болѣзни не вмѣшивался, и лѣтъ черезъ семь умеръ.

Начало самодержавія Петра. Петръ однако не сразу взялъ на себя правленіе. Лѣтъ пять послѣ стрѣлецкаго бунта онъ продолжалъ еще учиться. Онъ окружилъ себя иностранцами; между ними самыми знаменитыми были Лефортъ и Гордонъ. Военное дѣло продолжало быть любимымъ занятіемъ молодого царя: въ своихъ потѣшныхъ полкахъ онъ проходилъ всѣ военные чины, начиная съ простаго солдата.

Но еще больше, чѣмъ военнымъ дѣломъ, занимался онъ морскимъ. Онъ самъ такъ писалъ объ этомъ: «Нѣсколько лѣтъ я исполнялъ свое желаніе на Переяславскомъ озерѣ; наконецъ, оно стало для меня тѣсно. Ѣздилъ и на Кубинское озеро; оно было слишкомъ мелко. Тогда я рѣшился видѣть настоящее море и сталъ проситься у матери въ Архангельскъ. Много разъ она не пускала меня въ такой опасный путь, но наконецъ, видя мое непреодолимое желаніе, позволила, хотя и неохотно, ѣхать на Бѣлое море».

Петръ дѣйствительно два раза ѣздилъ въ это время въ Архангельскъ, гдѣ увидѣлъ настоящіе большіе морскіе корабли, на которыхъ приходили туда иностранные купцы. Узналъ онъ здѣсь также и опасности путешествія по морю. Разъ онъ ѣхалъ въ Соловецкій монастырь. Вдругъ поднялась страшная буря. Всѣ ждали неминуемой гибели. Одинъ Петръ не испугался; пріобщившись Святыхъ Таинъ, онъ взялся за руль, чтобы самому управлять судномъ. Въ это время одинъ матросъ, хорошо знавшій тѣ мѣста, по имени Антипъ Тимоѣевъ, сказалъ царю, что можно спастись, если завернуть въ одинъ маленькій заливъ, и что онъ можетъ направить туда судно. Петръ отдалъ ему руль, но не утерпѣлъ и сталъ давать свои совѣты. «Поди прочь», крикнулъ на него Тимоѣевъ, «коли ты ужъ отдалъ мнѣ руль, то не мѣшай!» Царь отошелъ, а Антипъ счастливо ввелъ судно въ заливъ. На берегу Петръ напомнилъ ему, какъ онъ на него крикнулъ. Испуганный матросъ бросился царю въ ноги, но Петръ поднялъ его и поцѣловалъ. «Нѣтъ», сказалъ онъ, «ты былъ правъ, а я виноватъ». — и щедро наградилъ его.

Какъ въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ Петръ учился у иностранцевъ и взялъ себѣ въ учителя одного голландскаго шкипера. Этотъ, шутя, сказалъ Петру: «Если хочешь узнать хорошо морскую службу, то надо начать съ должности каютнаго мальчика». — «Что же надо дѣлать для этого?» спросилъ Петръ. «А вотъ раскурй мнѣ трубку», отвѣчалъ шкиперъ. Петръ сдѣлалъ, что ему было приказано. «А теперь полѣзай на мачту», продолжалъ шкиперъ. Петръ сію же минуту исполнилъ и это. Такимъ образомъ, онъ началъ и морскую службу съ самаго начала и лишь мало-по-малу дослужился до офицерскаго чина.

Азовская война и поѣздка за границу. Между тѣмъ на югѣ,

на Азовскомъ морѣ, продолжалась война съ Турками, начатая еще при Софѣѣ. Петръ рѣшился во что бы то ни стало отнять у Турокъ берега Азовскаго моря; онъ понималъ, что Россія никогда не будетъ такъ же богата, какъ другія европейскія государства, если не будетъ имѣть въ своей власти моря: вѣдь по морю перевозить товары гораздо удобнѣе и дешевле, чѣмъ по сушѣ. Правда Россіи принадлежали уже берега Каспійскаго и Бѣлаго морей. Но Каспійское—море внутреннее, по которому нельзя плавать въ западныя европейскія государства, а по Бѣлому плавать очень далеко, да и не всегда возможно, такъ какъ оно на долгое время въ году замерзаетъ.

Въ 1695-мъ году, лѣтомъ, царь отправилъ два войска къ Азову, турецкой крѣпости, стоящей на берегу Азовскаго моря,—одно сухимъ путемъ, а другое водой—по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ, Волгѣ, оттуда сухимъ путемъ до Дона и Дономъ до Азова. Въ сухопутномъ войскѣ Петръ имѣлъ чинъ бомбардира и назывался бомбардиромъ Преображенскаго полка Петромъ Алексѣевымъ, а во флотѣ—чинъ шкипера.

Но походъ былъ неудаченъ; Русскіе не могли запереть Азовъ съ моря; а съ моря-то именно Турки и подвозили всѣ припасы и свѣжія войска.

Петръ не смутился отъ неудачи. Онъ вернулся осенью въ Воронежъ и приступилъ къ постройкѣ новыхъ судовъ. Онъ самъ работалъ и писалъ въ Москву: «А мы, по приказу Божію къ правдѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой».

Въ апрѣлѣ 1696 года войско, съ новымъ флотомъ, опять двинулось къ Азову. Петръ былъ теперь въ чинѣ капитана и начальствовалъ надъ восемью судами.

Русскіе обложили Азовъ съ земли и съ моря. Петръ самъ распоряжался днемъ осадой, самъ заряжалъ и бросалъ бомбы, а ночью наблюдалъ съ судовъ за турецкимъ флотомъ. «Сестрица», писалъ онъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, «по письму твоему я къ ядрамъ и пулямъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили».

Въ іюлѣ Азовъ сдался. Петръ распорядился, какъ его укрѣпить, а самъ вернулся въ Москву.

Азовская побѣда показала Русскимъ, какъ важно имѣть флотъ. Заботы о флотѣ заняли теперь первое мѣсто въ государ-

ственныхъ дѣлахъ. Петръ приказалъ, чтобы всѣ дворяне, духовные и купцы соединились по назначенному числу человѣкъ вмѣстѣ, въ компаніи, и каждая такая компанія построила и снарядила по кораблю. Кромѣ того, Петръ выбралъ пятьдесятъ молодыхъ дворянъ и послалъ ихъ за границу учиться корабельному дѣлу.

Но онъ видѣлъ недостаточность этихъ мѣръ. Онъ понималъ, что только тогда начатыя имъ дѣла пойдутъ съ полнымъ усиліемъ, если онъ самъ во всемъ будетъ подавать примѣръ. И вотъ, онъ рѣшился самъ ѣхать въ Западную Европу, чтобы самому увидеть и узнать все, въ чемъ она превосходила Россію.

Въ 1697-мъ году онъ отправилъ большое посольство къ разнымъ иностраннымъ государямъ и самъ поѣхалъ съ нимъ, назвавшись просто дворяниномъ Петромъ Михайловымъ. За границей онъ учился всему, чему только можно было. Онъ осматривалъ фабрики, больницы, школы, мастерскія, выставки, вездѣ разспрашивалъ всѣ подробности, и всѣ только удивлялись, какъ быстро онъ все понималъ, и какъ легко научался всему.

Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ маленькій голландскій городокъ Саардамъ, знаменитый своимъ кораблестроеніемъ. Онъ поселился у одного бѣднаго кузнеца, котораго зналъ еще прежде, когда тотъ пріѣзжалъ въ Москву. На другой же день, въ одеждѣ простого голландскаго рабочаго, онъ уже работалъ вмѣстѣ съ другими на верфи (мѣсто гдѣ строятъ корабли). Но скоро Саардамцы узнали, кто такой Петръ Михайловъ, и стали толпами бѣгать за нимъ. Петру это очень мѣшало, и онъ переѣхалъ въ другой голландскій городокъ—Амстердамъ. Здѣсь онъ продолжалъ работы на верфи; а затѣмъ отправился въ Англію, чтобы окончательно усовершенствоваться въ корабельномъ дѣлѣ.

Изъ Англіи Петръ поѣхалъ и по другимъ европейскимъ странамъ, но не успѣлъ побывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалъ: стрѣльцы подняли новый мятежъ. Петръ поспѣшилъ въ Москву, произвелъ строгій допросъ и казнилъ всѣхъ главныхъ зачинщиковъ; стрѣльцы были окончательно усмирены. Царевна Софья была пострижена въ монахини.

Сѣверная война. Петру, однако, мало было Азовскаго и Бѣлаго морей. Оба они лежатъ очень далеко и отъ Москвы и отъ европейскихъ государствъ, такъ что посылать по нимъ суда

съ товарами къ Французамъ, Нѣмцамъ и Англичанамъ почти невозможно. Петру необходимо было завладѣть берегами Балтійскаго моря, принадлежащими Шведамъ. Для этого онъ заключилъ союзъ съ королями Датскимъ и Польскимъ и объявилъ Шведамъ войну.

Всѣ думали, что со Шведами нетрудно будетъ справиться, потому что королемъ тогда былъ у нихъ молодой Карлъ XII. Но надежда эта не оправдалась. Карлъ оказался очень храбрымъ и искуснымъ полководцемъ. Онъ легко побѣдилъ короля Датскаго и заставилъ отказаться отъ союза съ Россіей и Польшей. Затѣмъ онъ быстро напалъ на Русскихъ и жестоко разбилъ ихъ около города Нарвы. Послѣ этой побѣды, оставивъ для борьбы съ Петромъ лишь незначительное войско, онъ обратился противъ короля Польскаго. Но съ нимъ ему не удалось скоро справиться, и въ Польшѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Петръ говорилъ въ это время, что «Шведъ увязъ въ Польшѣ».

Петръ не унывалъ послѣ пораженія при Нарвѣ. Напротивъ, онъ утѣшалъ своихъ приближенныхъ: «Господа Шведы, можетъ быть, еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся побѣждать ихъ самихъ». Онъ немедленно приступилъ къ улучшеніямъ въ войскѣ, сталъ лить пушки, завелъ школы для артиллеристовъ и т. д. Безъ отдыха ѣздилъ онъ по всей Россіи, чтобы самому смотрѣть за работами, которыя закипѣли повсюду.

Черезъ годъ войска нельзя было узнать: такъ хорошо оно было обучено и вооружено—и уже начало побѣждать шведскіе отряды, оставленные Карломъ въ Россіи. Получивъ извѣстіе о первой побѣдѣ, Петръ воскликнулъ: «Слава Богу, наконецъ-то мы можемъ бить Шведовъ!» и велѣлъ цѣлый день звонить въ Москвѣ въ колокола и палить изъ пушекъ. Петръ самъ взялъ приступомъ городъ Нотебургъ, который прежде принадлежалъ Русскимъ и назывался Орѣшкомъ; онъ писалъ по этому случаю, шутя, одному изъ своихъ помощниковъ: «Жестокъ былъ сей орѣхъ; однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Теперь Нотебургъ—крѣпость Шлиссельбургъ, что по-русски значитъ Ключъ-городъ. Петръ далъ ей такое названіе потому, что она находится при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера и служить какъ бы ключемъ къ морю.

Скоро затѣмъ, 1 мая 1703 г., Русскіе взяли маленькую швед-

скую крѣпость Ніеншанць; она стояла недалеко отъ устья Невы, на правомъ берегу ея, и защищала входъ изъ Невы въ Финскій заливъ. Такимъ образомъ, исполнена была завѣтная мечта русскихъ государей: Россія получила гавань на Балтійскомъ морѣ. Крѣпость Ніеншанць была срыта, но мѣсто ея Петръ выбралъ для новаго города. 16 мая 1703 года поставилъ онъ здѣсь (собственно нѣсколько ближе къ морю) собственно-ручно сдѣланный березовый крестъ и сказалъ: «Здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла». Поэтому и городъ, построенный потомъ на этомъ мѣстѣ, называется Санктъ-Петербургомъ (или просто Петербургомъ), т.-е. городомъ святого Петра.

Прежде всего поставили маленькій домикъ для Петра, всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, кухни и передней, и дома для начальства и солдатъ. Мало-по-малу городъ сталъ увеличиваться: Петръ сзывалъ въ него жителей и рабочихъ со всей Россіи, щедро награждалъ тѣхъ, кто рѣшался поселиться въ новомъ городѣ, самъ помогалъ строить дома. Наконецъ, пришелъ къ Петербургу новый иностранный корабль съ товарами. Петръ въ восторгѣ самъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ лодкѣ, самъ показавъ входъ въ гавань, раскупилъ вмѣстѣ съ своими придворными, всѣ товары, которые были на немъ привезены. Когда корабль долженъ былъ уходить назадъ, Петръ сдѣлалъ богатые подарки капитану и матросамъ, угостилъ ихъ и поцѣловалъ капитана.

Петръ такъ полюбилъ Петербургъ и придавалъ ему такое значеніе, что сдѣлалъ его столицей Русскаго государства вмѣсто Москвы. Черезъ 20 лѣтъ послѣ основанія Петербурга въ немъ уже было 40,000 жителей.

Въ томъ же году Русскіе взяли, подъ предводительствомъ Шереметева, Ямъ и Копорье, а въ слѣдующемъ Шереметевъ завоевалъ Дерптъ и Нарву.

Карлъ, между прочимъ, продолжалъ упорно воевать въ Польшѣ. Петръ старался помочь Польскому королю своими войсками, но безуспѣшно. Въ то время въ Россіи, въ Астрахани, вспыхнулъ бунтъ; Петръ долженъ былъ отправить туда часть войска для усмиренія. Благодаря всему этому, положеніе Петра было ужасно. Онъ писалъ: «Мы вмѣстѣ съ приближающимся

(писано было это передъ Лазаревымъ воскресеньемъ) Лазаремъ въ адской сей горести находимся. Дай, Боже, воскреснуть съ нимъ!»

Наконецъ, Карлъ побѣдилъ Польскаго короля, заключилъ съ нимъ миръ и готовился напасть на единственнаго оставшагося врага, Петра. Петръ, хотя и готовился къ оборонѣ, но готовъ былъ заключить и миръ, удовольствовавшись одной только гаванью, Петербургомъ. Но Карлъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ; онъ говорилъ, что заключить его только тогда, когда возьметъ Москву.

Казалось, судьба ему благопріятствовала, потому что въ Россіи, на Дону, вспыхнулъ новый бунтъ, подъ предводительствомъ Буланова. Но въ такія-то тяжелыя минуты и узнается истинно великій человѣкъ. Несмотря на то, что бунтовщики взяли городъ Черкасскъ и ограбили Саратовъ, Царицынъ, Камышинъ, несмотря на то, что бунтъ все распространялся, Петръ не падалъ духомъ. Булавинскій бунтъ былъ усмиренъ царскимъ войскомъ подъ предводительствомъ кн. Долгорукова, и приготовленія къ защитѣ отъ Карла продолжались. И когда Карлъ вступилъ въ предѣлы Россіи, надѣясь скоро и легко побѣдить Петра, то оказалось, что надежда его была ошибочна. Пока Шведы были въ Польшѣ, русское войско переродилось, и Шведы терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Съ горечью долженъ былъ признаться Карлъ: «Вижу, что мы научили Русскихъ воевать». Его генералы совѣтовали скорѣе заключить миръ съ Петромъ. Но Карлъ упорствовалъ и продолжалъ войну.

Между прочимъ, онъ надѣялся на малороссійскаго гетмана Мазепу, который, сочтя себя почему-то оскорбленнымъ Петромъ, измѣнилъ Царю. Онъ обѣщалъ Карлу, что если тотъ придетъ въ Малороссію, то всѣ казаки перейдутъ на его сторону и будутъ вѣрными союзниками въ войнѣ противъ Русскихъ. Карлъ послушался и повелъ свое войско въ Малороссію. Но оказалось, что Мазепа напрасно считалъ казаковъ такими же измѣнниками, какимъ былъ самъ: всѣ казаки остались вѣрны Петру.

Не оправдалась и другая надежда Карла: къ нему на помощь шло изъ Швеціи свѣжее шведское войско и везло провіантъ; но Петръ самъ напалъ на это войско, при деревнѣ Лѣсной,

на рѣкѣ Сожѣ, и на голову разбилъ его; такимъ образомъ, Карлъ не получилъ ни подкрѣпленій, ни провіанта. Тогда онъ рѣшился на послѣднее средство: онъ осадилъ Полтаву, думая, что возьметъ ее, укрѣпится въ ней и тѣмъ поправить свои дѣла. На помощь осажденнымъ поспѣшилъ съ большимъ войскомъ самъ Петръ. 27 іюня 1709 года произошла знаменитая Полтавская битва. Передъ ея началомъ русскому войску прочитали приказъ Петра, въ которомъ говорилось, что если Русскіе проиграютъ эту битву, то всей Россіи придется погибнуть; въ концѣ было прибавлено: «А о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога; была бы только счастлива Россія». Въ 4 часа утра небольшой шведскій отрядъ напалъ на Русскихъ; онъ былъ отбитъ. Въ 9 часовъ началось общее сраженіе. И Петръ, и Карлъ сами участвовали въ немъ. Шляпа и сѣдло Петра были прострѣлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ; одна пуля попала ему въ грудь, но ударилась ему въ крестъ, который висѣлъ у него на шеѣ, и отскочила, не причинивъ никакого вреда Петру. Карлъ былъ еще прежде раненъ въ ногу и потому не могъ ѣздить верхомъ,—его носили по войску въ носилкахъ. Въ 11 часовъ «непобѣдимые господа Шведы», какъ рассказывалъ самъ Петръ, «хребетъ намъ показали»,—т.-е. обратились въ бѣгство. Карлъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать своихъ солдатъ, но было уже поздно: его войско было, какъ говорится, разбито на голову. Онъ самъ едва спасся. Зато фельдмаршалъ, который начальствовалъ вмѣсто него войскомъ, попалъ въ плѣнъ къ Русскимъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ генераловъ, офицеровъ и простыхъ солдатъ. Отслушавъ на полѣ битвы молебень, Петръ сѣлъ за обѣдъ и пригласилъ къ нему и плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. Среди обѣда, при пальбѣ изъ пушекъ онъ всталъ, поднялъ стаканъ съ виномъ и сказалъ: «За здоровье нашихъ учителей въ военномъ искусствѣ!»— «Кто же эти учителя?» спросилъ фельдмаршалъ.— «Вы, господа Шведы», отвѣчалъ Петръ.— «Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей!» замѣтилъ фельдмаршалъ.

Война, однако, продолжалась и послѣ Полтавской битвы. Нѣсколько разъ счастье какъ будто переходило на сторону Шведовъ, но въ концѣ побѣда осталась все-таки за Петромъ. Карлъ же во время войны, былъ убитъ.

Миръ былъ заключенъ уже послѣ его смерти, въ 1721-мъ

году, т.-е. черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ Полтавской битвы и черезъ двадцать одинъ годъ послѣ начала войны. Онъ былъ подписанъ въ городѣ Ништадтѣ и потому называется Ништадтскимъ. По этому миру къ Русскимъ перешла значительная часть побережья Балтійскаго моря и Финскаго залива и города: Рига, Ревель, Выборгъ и др. Цѣль была достигнута: у Россіи былъ свободный выходъ къ морю.

Когда вѣсть о мирѣ дошла до Петербурга, Петръ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, звонить въ колокола и созвать весь народъ на одну изъ площадей. Здѣсь съ возвышенія, поднявъ ковшъ съ виномъ, онъ громогласно возвѣстилъ всему народу: «Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что Онъ кончилъ такую длинную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, и даровалъ намъ со Шведами вѣчный счастливый миръ». Съ этими словами онъ выпилъ вино, а народъ сталъ кричать: «Да здравствуетъ государь!» Въ это время Петру поднесли титулъ Императора Всероссійскаго вмѣсто прежняго титула Царя. Ништадтскій миръ праздновался во всей Россіи цѣлую недѣлю и такъ торжественно, какъ обыкновенно празднуется развѣ только Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Внутреннія дѣла Петра. Петра Великаго называютъ Преобразователемъ Россіи; это значитъ, что онъ преобразовалъ Россію, далъ ей другой образъ, видъ, измѣнилъ ее. Попытки, которыя дѣлали для сближенія съ Западной Европой русскіе цари, начиная даже съ Іоанна III, не имѣли большихъ послѣдствій. Конечно, кое-какія заимствованія у иностранцевъ Русскіе дѣлали; такъ, напр., вызывали хорошихъ архитекторовъ, людей, знающихъ ратное дѣло, и т. п. Благодаря этому, а также посольствамъ, которыя отправлялись изъ Москвы за границу или пріѣзжали изъ-за границы въ Москву, нѣкоторые отдѣльные бояре старались заимствовать то хорошее, что видѣли у иностранцевъ. Но все это были лишь отдѣльные случаи; вообще же жизнь русская шла по-старому; — по-старому Русскіе и по наружности отличались отъ иностранцевъ, по-старому они не были образованы, по-старому Россія была бѣдна, старые въ ней были устройство, порядки.

Петръ уже съ дѣтства отъ своихъ друзей иностранцевъ многому научился, многое узналъ, еще о большемъ слышалъ отъ нихъ.

А когда онъ поѣхалъ за границу и самъ увидалъ тамошнюю жизнь, то твердо рѣшилъ, что Россія въ прежнемъ грубомъ и бѣдномъ состояніи оставаться не должна. Но тутъ же онъ понялъ и то, какое средство надо употребить, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Нельзя было быть довольнымъ отдѣльными поправками, отдѣльными заимствованіями; надо было пере-дѣлать всю русскую жизнь. Вотъ какую громадную задачу поставилъ себѣ Петръ; но въ то же время онъ сознавалъ, что Богъ далъ ему и особенныя, громадныя силы, чтобы справиться съ этой задачей.

Петръ началъ съ наружнаго. Русскіе отличались отъ иностранцевъ и своей виѣшностью, носили длинныя бороды, длинныя, тяжелыя одежды. Когда по возвращеніи Петра изъ-за границы къ нему, на другой день послѣ его пріѣзда, явились бояре, то онъ собственноручно обрѣзалъ имъ бороды. Затѣмъ онъ велѣлъ всѣмъ одѣваться въ платья по иностранному образцу. Это распоряженіе не касалось лишь духовенства, купцовъ и крестьянъ; имъ было позволено и бороды носить, и одѣваться по-старому.

Въ старой русской жизни былъ большой недостатокъ въ томъ, что женщины никогда не выходили изъ своихъ горницъ, постоянно сидѣли взаперти. Благодаря этому, онѣ не могли знать, что совершается вокругъ, и ни о чемъ не слыхали, были особенно не образованы; а черезъ то и дѣти не могли получать образованія. Петръ уничтожилъ этотъ обычай. Онъ потребовалъ, чтобы женщины свободно появлялись въ люди, какъ и мужчины, принимали по возможности участіе въ общей жизни. Чтобы еще болѣе подтвердить свое распоряженіе, онъ учредилъ такъ называемыя ассамблеи, т.-е. вечернія собранія, которыя по очереди должны были устраивать его приближенные и бояре. На ассамблеи всѣ должны были являться съ своими женами и дочерьми. Здѣсь всѣ вмѣстѣ разговаривали, узнавали о разныхъ событіяхъ, танцевали. Это было чрезвычайно важно, потому что сразу уменьшило грубость нравовъ, дало людямъ общіе интересы, сблизило ихъ между собой. Петръ придавалъ такое значеніе ассамблеямъ, что самъ написалъ уставъ, какъ онѣ должны происходить, и самъ часто бывалъ на нихъ.

Но это было лишь началомъ. Петръ, конечно, не ограничился

одной виѣшностью. Его преобразованія касались рѣшительно всей жизни русской.

Усиленно заботился онъ о просвѣщеніи и постоянно, при всякой возможности, основывалъ школы. Но всѣ его школы были таковы, что въ нихъ учили и приготавлиали для какого-нибудь опредѣленнаго дѣла, если не считать элементарныхъ училищъ, гдѣ учили только читать, писать и считать, да немного геометріи; происходило это отъ того, что Петру пужны были немедленно люди, могущіе дѣлать какую-нибудь опредѣленную работу. Но и въ заботахъ объ образованіи, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ преобразованіяхъ, Петру пришлось прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, ибо Русскіе не понимали его желаній и мыслей и думали, что онъ только портитъ русскую жизнь, нарушая старинные обычаи и порядки. Не понимали они и всей пользы ученія. Поэтому Петръ вынужденъ былъ, напр., насильно заставлятъ дворянъ учиться; неученымъ онъ не позволялъ жениться. Неученыхъ дѣтей духовныхъ лицъ онъ бралъ въ солдаты. Многихъ онъ посылалъ для обученія за границу. Это бывало всякій разъ, когда Петръ хотѣлъ ввести въ Россіи какое-нибудь новое занятіе. Такъ, онъ хотѣлъ, чтобы докторами были впредь не одни только иностранцы, и послалъ за границу 80 человекъ учиться врачебной наукѣ. Замѣтивъ, какъ много въ Россіи разныхъ металловъ, и какъ мало ихъ добываютъ, онъ отправилъ молодыхъ людей учиться горной наукѣ. То же было и съ караблестроеніемъ и со многими другими искусствами и науками.

Но Петръ находилъ, несмотря на свои неустанные и многосложные занятія и труды, время и силу и иначе еще способствовать просвѣщенію. Онъ приказалъ издавать первую русскую газету и самъ указывалъ, что въ ней надо печатать, а напечатанное исправлялъ. Онъ выбралъ книги, которыя считалъ необходимымъ перевести на русскій языкъ, и исправлялъ переводы. Онъ же выдумалъ и гражданскую азбуку. Наконецъ, онъ составилъ уставъ Академіи наукъ, т.-е. собраніе ученыхъ людей, которые должны были заниматься разными науками, распространять ихъ между Русскими, сочинять и переводить хорошія, полезныя книги. Впрочемъ, онъ не успѣлъ самъ открыть Академію; она была открыта уже послѣ его смерти.

Не меньше заботъ употреблялъ онъ и на то, чтобы развить въ Россіи промышленность т.-е. торговлю и ремесла. Онъ заставлялъ русскихъ купцовъ посылать свои товары за границу на продажу; выписывалъ свѣдущихъ мастеровъ изъ Германіи, Франціи и другихъ странъ; помогалъ устраивать заводы и фабрики, и чтобы у нихъ былъ лучшій сбытъ товаровъ, которые они произвели. Петръ запрещалъ привозить такіе товары изъ-за границы. Какъ успѣшны были его заботы, видно изъ того, что до него фабрикъ и заводовъ въ Россіи, можно сказать, совсѣмъ не было, а послѣ него ихъ осталось болѣе 200, а между ними были заводы сахарные и металлическіе, фабрики суконныя, полотняныя, писчебумажныя, зеркальныя, шелковыхъ матеріи и др.

Во внутреннемъ устройствѣ наибольшихъ трудовъ потребовало преобразование арміи и флота. Этимъ дѣломъ Петръ занимался съ особой любовью съ самаго дѣтства своего. Онъ произвелъ первый рекрутскій наборъ; это было то распоряженіе его, которое, можетъ-быть, вызвало въ народѣ наибольшее неудовольствіе, потому что было особенно тягостно для него; бунты, происходившіе во время Петрова царствованія, и были вызваны преимущественно тѣми людьми, которые спаслись бѣгствомъ отъ рекрутчины. Но какъ это ни было тяжело, это было необходимо, потому что Россіи пришлось вести долгую и упорную войну; да кромѣ того, теперь, когда она такъ усилилась, она должна была всегда быть готовой защищаться отъ нападенія,—ибо сосѣди, видя ея могущество, всегда могли быть готовы стараться сломить его. Въ военномъ отношеніи Петръ достигъ огромныхъ успѣховъ; вмѣсто прежнихъ ратниковъ, необученныхъ какъ слѣдуетъ, не умѣвшихъ маршировать, плохо обрабатывавшихся съ своимъ плохимъ оружіемъ, у Петра было войско въ 200.000 человекъ, хорошо обученное и хорошо вооруженное. Что же касается до флота, то здѣсь Петръ не преобразовалъ, а вновь создалъ все новое, ибо до него у Русскихъ никакого флота не было; для Петра же флотъ былъ любимое дѣтище; онъ безъ моря жить не могъ; всѣ свои дворцы въ Петербургѣ и въ его окрестностяхъ онъ построилъ близъ самой воды, лѣтомъ ежедневно уходилъ отдыхать на свою яхту (маленькій корабль); понятно, что, любя такъ море, къ тому же отлично самъ зная

корабельное и морское дѣло, онъ особенно заботился о флотѣ. И дѣйствительно, въ концѣ его царствованія у него было 48 большихъ кораблей и 800 маленькихъ судовъ и 28000 матросовъ.

Неменьшія измѣненія произошли и въ управленіи русскомъ. До Петра здѣсь былъ большой безпорядокъ. Прежде всѣми дѣлами завѣдывали приказы, которыхъ было очень много, около 40,—но дѣла между ними были распределены безъ всякаго порядка; иной приказъ завѣдывалъ многими, совершенно различными дѣлами, а то однимъ и тѣмъ же дѣломъ завѣдывало нѣсколько приказовъ. Петръ все это измѣнилъ послѣ того, какъ присмотрѣлся къ устройству управленія за границей. Въмѣсто приказовъ онъ учредилъ девять коллегій, изъ которыхъ каждая должна была завѣдывать опредѣленнымъ дѣломъ; такъ, военная коллегія завѣдывала войскомъ, адмиралтейская—флотомъ, юстицъ-коллегія—судебными дѣлами и т. д. Главный начальникъ каждой коллегіи назывался президентомъ; распоряжался онъ дѣлами, однако, не одинъ: при президентѣ были совѣтники (они носили разные названія), и дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Это устроилъ Петръ оттого, что, какъ онъ говорилъ, «въ одномъ человѣкѣ не безъ грѣха». Надъ коллегіями стоялъ Правительствующій Сенатъ. Петръ учредилъ это высшее правительственное учрежденіе для того, чтобы въ немъ рѣшались наиболѣе важныя дѣла, чтобы оно смотрѣло за правильнымъ исполненіемъ законовъ и т. д. Въ случаѣ отсутствія государя Сенатъ даже долженъ былъ заступить его мѣсто. Всю Россію Петръ раздѣлилъ на 12 губерній; начальниками надъ губерніями были губернаторы, но и они рѣшали дѣла не единолично, а по совѣщаніи съ совѣтниками, которыхъ выбирали дворяне.

Такъ какъ сами Русскіе еще не привыкли къ новому порядку, да и не знали его хорошо, то Петръ призывалъ на помощь въ управленіи иностранцевъ, но при этомъ главное начальство осталось за Русскими. Такъ, президентъ коллегіи долженъ былъ быть всегда Русскій, но между его совѣтниками всегда долженъ былъ находиться иностранецъ, знающій хорошо то дѣло, которымъ завѣдывала коллегія.

Но Петръ произвелъ не только эти преобразованія. Онъ смотрѣлъ рѣшительно за всѣми подробностями русской жизни,

все замѣчалъ, во все входилъ, вездѣ производилъ улучшенія. Такъ, при немъ заведена полиція для охраненія безопасности жителей, при немъ впервые устроена почта между городами; города приказано было мостить камнемъ; дома должны были строиться въ порядкѣ; по деревнямъ между избами приказано было оставлять промежутки во избѣжаніе большихъ пожаровъ; заведены были первыя аптеки, больницы, богадѣльни, дома для брошенныхъ дѣтей. Словомъ, Петръ стремился улучшить рѣшительно всю жизнь Русскихъ; но, конечно, онъ во многомъ не могъ достигнуть своихъ цѣлей; однако, это была вина не его, а самихъ же Русскихъ, которые, сохраняя прежнюю грубость, невѣжество, недобросовѣстность, но попрежнему думая, что у нихъ все хорошо, часто не только не помогали царю въ его заботахъ, а даже старались противиться этимъ заботамъ.

Наконецъ, подверглось измѣненіямъ и церковное устройство. Когда умеръ патріархъ Адріанъ, Петръ назначилъ Рязанскаго патріарха Стефана Яворскаго «Блюстителемъ патріаршаго престола». Въ 1721-мъ году онъ уничтожилъ этотъ санъ, учредивъ Святѣйшій Синодъ, т.-е. собраніе всѣхъ митрополитовъ и главныхъ архіереевъ, призываемыхъ для присутствованія въ Синодѣ по очереди. Святѣйшему Синоду были переданы права патріарховъ. Теофанъ Прокоповичъ, Псковскій архіепископъ, написалъ объясненіе этого преобразованія.

Участіе церкви въ преобразованіяхъ Петра. Перемѣна, произведенная Петромъ, нарушеніе всѣхъ прежнихъ обычаевъ смущали многихъ Русскихъ. Многіе думали, что такія нововведенія, свобода, съ которой теперь жили въ Россіи иностранцы, почетъ, который имъ оказывался,—что все это грѣхъ и отпаденіе отъ православной вѣры.

Но, какъ и всегда бываетъ въ Россіи, духовенство приняло участіе въ великихъ дѣлахъ Петра. Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей сдѣлался Теофанъ Прокоповичъ; онъ писалъ сочиненія, говорилъ проповѣди о всѣхъ главныхъ преобразованіяхъ Петра и тѣмъ успокаивалъ смущавшихся.

Такое же содѣйствіе оказывалъ Петру великій угодникъ Божій, жившій въ то время, Митрофаній, епископъ Воронежскій. До 40 лѣтъ онъ жилъ въ міру, былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но, овдовѣвъ, пошелъ въ монастырь. Въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ онъ былъ игуменомъ въ разныхъ монастыряхъ, а затѣмъ былъ назначенъ епископомъ Воронежскимъ. Это было именно въ то время, когда Петръ строилъ въ Воронежѣ суда для второго Азовскаго похода. Святитель благословилъ его работу и даже жертвовалъ деньги на постройку судовъ. Позднѣе онъ также не только словомъ, но и дѣломъ помогалъ Петру въ устройствѣ новаго войска. Но въ то же время ни любовь къ нему Петра, ни страхъ передъ царемъ не мѣшали ему говорить Петру всю правду. Разъ Петръ украсилъ свой воронежскій дворецъ изображеніями (статуями) языческихъ боговъ; онъ смотрѣлъ только на то, что они очень красивы, а не думалъ о соблазнѣ, который происходитъ отъ нихъ для вѣрующихъ. Св. Митрофаній, несмотря на троекратное приглашеніе царя, отказывался идти въ домъ, украшенный идолами. Царь погрозилъ ему смертной казнью. Но святой епископъ не смутился. Онъ приказалъ служить всеобщую, чтобы въ молитвѣ приготовиться къ смерти. Тогда Петръ, понявъ свою ошибку, убралъ неосторожныя украшенія. Св. Митрофаній скончался какъ разъ въ тотъ день, когда Петръ снова пріѣхалъ въ Воронежъ, такъ что царь могъ только закрыть ему глаза и нести его гробъ вмѣстѣ съ жителями Воронежа, горячо любившими своего епископа за его святую жизнь, мудрое, кроткое управленіе паствою и великія благодѣянія. Нынѣ мощи святителя нетлѣнно почиваютъ въ Воронежѣ.

Другимъ великимъ угодникомъ того времени былъ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался прилежаніемъ къ наукамъ и пріобрѣлъ большую ученость, такъ что когда было рѣшено собрать вмѣстѣ житія святыхъ, то это трудное дѣло было поручено Димитрію, тогда еще архимандриту. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ работалъ онъ надъ Четъи-Минеями, и изъ его книгъ доселѣ поучаются всѣ православные люди. Кромѣ Четыхъ-Миней, св. Димитрій написалъ много другихъ книгъ; между ними особенно замѣчательна большая книга противъ раскольниковъ и нѣсколько сочиненій, въ которыхъ объясняются преобразованія Петра. Напр., въ одной книгѣ св. Димитрій доказываетъ, что нѣтъ никакого грѣха брить бороду; дѣло въ томъ, что Петръ, требуя отъ своихъ подданныхъ и внѣшняго сходства съ иностранцами, приказывалъ брить бороду, а многіе Русскіе по неразумнью думали, что

это грѣхъ. Будучи митрополитомъ Ростовскимъ, кромѣ трудовъ по управленію епархіей, св. Димитрій особенно ревностно заботился объ основанномъ имъ училищѣ. Онъ не только наблюдалъ за нимъ, но и самъ содержалъ его на свои средства, отказывая себѣ во всемъ, и часто даже самъ училъ въ немъ. Его святая мощи почиваютъ въ Ростовѣ, который такъ много видѣлъ благодѣяній при его жизни.

Петръ прилагалъ много попеченій о распространеніи христіанства въ Сибири и даже въ Китаѣ. Для этой цѣли избралъ онъ ученаго и благочестиваго Иннокентія. Иннокентій доѣхалъ до Иркутска и собирался отправиться далѣе въ Китай; но враги задержали его въ Иркутскѣ. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ неизвѣстности относительно своей судьбы, но употребляя все время на просвѣщеніе инородцевъ-язычниковъ. Уже послѣ кончины императора назначенъ былъ онъ первымъ епископомъ Иркутскимъ, и съ тѣхъ поръ его просвѣтительная дѣятельность усилилась. Онъ могъ уже не только проповѣдывать между язычниками, но, какъ архіерей заботиться и о христіанахъ. Онъ строилъ церкви, которыхъ тогда въ Сибири не было, училъ священниковъ, проповѣдывалъ. Но тяжела была его жизнь. Враги которымъ его святая жизнь была какъ бы всегдашнимъ укоромъ въ ихъ грѣхахъ, постоянно чинили ему всякія обиды и огорченія. Удрученный заботами и постоянными страданіями, св. Иннокентій правилъ епархіей всего четыре года и въ 1731-мъ году скончался.

Характеръ и кончина Петра. Петръ всю свою жизнь провелъ въ работѣ. Вставалъ онъ очень рано, часа въ 3—4 утра, и сейчасъ же принимался за дѣла, слушалъ доклады, диктовалъ указы, потомъ ѣхалъ учить войска, смотрѣлъ за работами, если такія случались въ то время,—и вездѣ во всемъ самъ вмѣшивался, вездѣ самъ помогалъ. «Видишь, братецъ», сказалъ онъ разъ одному молодому офицеру, «я и царь вашъ, а такъ работаю, что у меня всѣ руки въ мозоляхъ. А все для того, чтобы показать вамъ хорошій примѣръ».

Жилъ онъ очень просто, какъ самый обыкновенный чловѣкъ; одѣвался почти бѣдно, такъ что супруга его, императрица Екатерина I, сама должна была штопать ему чулки. Разъ она подарила ему богатый кафтанъ, весь вышитый серебромъ. Петръ

такъ сильно трянулъ его, что нѣсколько серебряныхъ блесковъ, нашитыхъ на него, оторвались и упали; тогда онъ сказалъ Екатеринѣ: «Вотъ видишь, Катенька, эти блески теперь выбросятъ вмѣстѣ съ соромъ, а между тѣмъ онѣ стоятъ столько, что на нихъ можно прокормить въ теченіе цѣлаго дня солдата. Смотри же, никогда впередъ не трать для меня лишнихъ денегъ».

Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ правду, а лжи выносить не могъ. Одинъ молодой дворянинъ, только что вернувшись изъ-за границы, долженъ былъ, по приказанію Петра, работать на верфи, т.-е. помогать строить корабли. Разъ какъ-то онъ засидѣлся поздно въ гостяхъ, и когда на другое утро пришелъ на верфь, то Петръ уже работалъ тамъ. Офицеръ испугался и хотѣлъ убѣжать, но потомъ вспомнилъ, какъ ему говорили, что лучше всего прямо признаваться Петру въ своихъ ошибкахъ. Онъ подошелъ къ царю и сказалъ: «Виноватъ, государь, что опоздалъ: вчера въ гостяхъ засидѣлся». Петръ потрепалъ его по плечу и отвѣтилъ: «Спасибо, другъ, что прямо сознался. А въ томъ, что опоздалъ, Богъ проститъ: съ кѣмъ изъ насъ не бываетъ грѣха?!—Теперь же принимайся за работу, а потомъ поѣдемъ поздравлять одного плотника, у котораго нынче ночью родился сынъ».

Петръ любилъ бывать въ гостяхъ у своихъ подданныхъ, хотя бы они были самага простаго званія: всякій могъ пригласить его къ себѣ на крестины, похороны, свадьбу,—и Петръ охотно ѣхалъ къ нему.'

Главные помощники Петра были больше люди все простые. Онъ сейчасъ видѣлъ, если кто-нибудь былъ особенно способенъ и уменъ, и какого бы онъ званія ни былъ, немедленно выдвигалъ его, поручалъ ему подходящее дѣло, а иногда и очень приближалъ къ себѣ. Сама императрица Екатерина, вторая супруга Петра, была въ молодости служанкой у одного бѣднаго нѣмецкаго священника. Самый близкій къ Петру человѣкъ, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ (Петръ звалъ его просто Данилычемъ), былъ, говорятъ, сыномъ конюха. Другой помощникъ Петра въ молодости пасъ свиней, а третій—былъ мальчикомъ въ лавкѣ.

Къ сожалѣнію, многіе изъ такихъ неожиданно возвысившихся лицъ не сумѣли, на высотѣ своего величія, сохранить

правственнаго достоинства. И больше всѣхъ запятналъ себя Меньшиковъ. Положеніе его въ Россіи было необыкновенно: онъ уступалъ во власти одному только царю и превосходилъ ея всѣхъ остальныхъ вельможъ; онъ имѣлъ всевозможныя награды.—и тѣмъ не менѣе онъ былъ чрезвычайно жаденъ до денегъ: чтобы добывать ихъ, онъ не стѣснялся приобѣгать и ко всякимъ дурнымъ мѣрамъ, такъ что его даже разъ судили за лихоимство; лишь воспоминаніе о его прежнихъ заслугахъ спасло его отъ строгаго наказанія. Въстѣ съ этимъ, не довольствуясь тѣмъ, что онъ имѣлъ такую громадную власть, онъ еще всячески старался показать свое превосходство, былъ со всѣми гордъ, высокомѣренъ, дерзокъ, такъ что всѣ его ненавидѣли. Конецъ его былъ очень печаленъ. Уже послѣ кончины Петра, враги его обвинили его въ разныхъ преступленіяхъ, и онъ былъ лишень всѣхъ чиновъ, всѣхъ орденовъ и наградъ, всего громаднаго своего богатства и сосланъ въ маленькій сибирскій городокъ Березовъ со всей семьей; дорогой жена его ослѣпла отъ постоянныхъ слезъ и умерла. Но въ ссылкѣ Меньшиковъ совсѣмъ измѣнился: съ величайшей покорностью судьбѣ безропотно несъ онъ свое испытаніе, самъ срубилъ церковь, около которой похоронилъ одну изъ своихъ несчастныхъ дочерей, умершую въ Березовѣ, и умеръ, искупивъ этимъ смиреніемъ свои прежніе недостатки. Похороненъ онъ былъ въ Березовѣ.

Но были между помощниками Петра и иные люди,—отличавшіеся высокой нравственностью. Между ними особенно выдавался знаменитый полководецъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Когда начались преобразованія Петра, боярину Шереметеву было уже 45 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе онъ поѣхалъ за границу учиться военному дѣлу и вернулся, не только узнавъ это дѣло, но и получивъ вообще большое образованіе. За его великія воинскія заслуги Петръ возвелъ его въ графское достоинство и далъ ему самый высокій военный чинъ—фельдмаршала. Еще болѣе знаменитъ своимъ высокимъ характеромъ и безстрашностью въ защитѣ правды сенаторъ князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій. Разъ Сенатъ постановилъ, а царь одобрилъ рѣшеніе, которое по мнѣнію Долгорукаго было неправильно и вредно для крестьянъ; князя Якова Ѳеодоровича въ этотъ день въ Сенатѣ не было: но когда указъ прислали къ нему, чтобы

онъ его подписалъ, онъ не только этого не сдѣлалъ, но даже запечаталъ его; въ гнѣвѣ вытребовалъ царь князя въ Сенатъ, и когда Долгорукій явился, то Петръ бросился на него съ поднятой рукой. Но князь мужественно взглянулъ въ глаза Петру и сказалъ: «Вотъ грудь моя»—и сталъ объяснять, въ чемъ неправильность указа, и какъ надо правильно рѣшить дѣло. Петръ выслушалъ его, перемѣнилъ рѣшеніе, а князя Долгорукаго обнялъ и поцѣловалъ. Въ другой разъ Петръ такъ разсердился на Долгорукаго за его споръ, что схватился за кортикъ (короткая шпага), но Долгорукій остановилъ его руку и сказалъ: «Постой, государь! честь твоя дороже мнѣ моей жизни. Если тебѣ нужна моя голова, то не дѣйствуй руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади: тогда еще подумаютъ, что я казнень за какое-нибудь важное преступленіе. Судить же меня съ тобой будетъ одинъ Богъ».

Петръ былъ необыкновенно силенъ: онъ свертывалъ руками серебряную тарелку. Но постоянные труды сдѣлали то, что въ пятьдесятъ лѣтъ его здоровье было уже разстроено, и онъ часто хворалъ. Но онъ все-таки не переставалъ трудиться.

Поздней осенью 1724-го года Петръ поѣхалъ по морю и вдругъ увидалъ, что одна лодка сѣла на мель, и солдаты, бывшіе въ ней, должны были неминуемо погибнуть. Недолго думая, онъ бросился въ воду и спасъ утопавшихъ, но самъ жестоко простудился. Долго онъ проболѣлъ, однако поправился. Но не надолго. Только что выздоровѣвъ, онъ пошелъ на водосвятіе (6 января 1725 года) и снова простудился, еще сильнѣе. Черезъ три недѣли его уже не стало. Онъ скончался 28-го января. Тѣло его погребено въ Петропавловскомъ соборѣ, въ Петербургѣ.

11. Екатерина Великая.

Екатерина Великая была дочерью одного бѣднаго нѣмецкаго князя. Русской императрицей она сдѣлалась такимъ образомъ. Дочь Петра I, императрица Елисавета Петровна, которая начала царствовать лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ Петра, не была замужемъ. Своимъ наслѣдникомъ она назначила племянника, Петра Ѳеодоровича. Вотъ женой Петра Ѳеодоровича и была Екатерина II Великая.

Елисавета Петровна скончалась въ 1761 году и оставила престолъ Петру III. Но Петръ III царствовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и уже въ 1762 году Екатерина II стала самодержавной русской императрицей.

Внутреннія дѣла Екатерины. За сорокъ лѣтъ, которыя протекли со времени кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины Великой, не много было сдѣлано для продолженія дѣла Петра, для улучшенія управленія и жизни въ Россіи. А между тѣмъ, дѣла было очень много. Петръ началъ преобразование Россіи, измѣнилъ и улучшилъ порядки въ ней; но самихъ Русскихъ онъ сразу передѣлать не могъ. По прежнему они были невѣжественны; какъ и до Петра, было много въ Русской жизни грубости и т. п. Лишь при Елисаветѣ Петровнѣ пошло впередъ русское просвѣщеніе и, между прочимъ, былъ основанъ первый русскій университетъ (высшее учебное заведеніе) въ Москвѣ.

Кромѣ того, Россія была очень бѣдна. При Петрѣ доходы русскіе увеличились, но увеличились и расходы, особенно на военное дѣло. Государи, которые были послѣ Петра, войны вести продолжали, но объ обогащеніи Россіи не заботились, и Россія все бѣднѣла.

Все сразу переимѣнилось, когда вступила на престолъ Екатерина II. Такая же геніальная, какъ и Петръ, и притомъ удивительно образованная, она поставила себѣ задачей продолжать то дѣло, которое началъ Петръ; при всякой новой мѣрѣ, которую она предпринимала, она спрашивала себя, какъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ Петръ Великій.

Улучшенія въ устройствѣ управленія въ Россіи, произведенныя Екатериной, были очень разнообразны и касались всѣхъ сторонъ жизни государства.

Между прочимъ она раздѣлила Россію на 50 губерній, а каждую губернію на уѣзды, и издала такіе мудрые законы объ управленіи губерній, что многое, устроенное ею, сохраняется до сихъ поръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она издала законы объ устройствѣ быта, правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ сословій, дворянства, купечества, мѣщанства. Многіе изъ этихъ ея законовъ также сохранились до нашего времени.

Она много думала объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но, по тогдашнему состоянію Россіи, не могла привести своей мечты въ исполненіе.

Заботы ея о богатствѣ Россіи были такъ успѣшны, что доходы казны возросли за время ея царствованія въ 4 раза.

Екатерина знала, что для благосостоянія государства нужно, чтобы народонаселеніе его было здорово. Поэтому она много заботилась объ увеличеніи числа докторовъ. Кромѣ того, она прибѣгала здѣсь и къ особымъ мѣрамъ. Такъ, напр., въ то время только что выдумали прививать оспу; но многіе не вѣрили въ пользу этого дѣла; въ Западной Европѣ оспопрививанію противились многіе доктора, священники. Екатерина, увѣрившись, наоборотъ, въ ея пользѣ, сама подала примѣръ своему народу: ей и ея четырнадцатилѣтнему сыну, наследнику престола, Павлу Петровичу, первымъ въ Россіи привили оспу; послѣ этого никто уже не смѣлъ сопротивляться оспопрививанію, и оно распространилось въ Россіи легче, чѣмъ на Западѣ.

При всѣхъ, однако, преобразованіяхъ Екатерины главною ея мыслью была мысль о воспитаніи; она думала и говорила, что «корень всему добру и злу—воспитаніе». Петръ Великій заботился только о томъ, чтобы учить своихъ подданныхъ, научить ихъ разныхъ ремесламъ, производствамъ, полезнымъ знаніямъ. Екатерина Великая обратила вниманіе на другую сторону дѣла: она заботилась и о воспитаніи. Иными словами, она хотѣла, чтобы изъ училищъ выходили не только обученные, но и хорошіе, честные, добродѣтельные люди. Видя въ окружающихъ много недостатковъ, она хотѣла «создать новую породу людей». Съ этой цѣлью она, между прочимъ, учредила такъ называемыя закрытыя учебно-воспитательныя заведенія, кадетскіе корпуса для мальчиковъ и институты для дѣвочекъ. Поступающія въ нихъ дѣти должны были оставаться въ нихъ безвыходно все время, пока не кончали ученія: устроено это было для того, чтобы они не видали дурныхъ примѣровъ, которыхъ много бываетъ въ жизни, а только хорошіе, отъ своихъ учителей и воспитателей, и такимъ образомъ пріучались только къ хорошему. Кромѣ того, былъ составленъ проектъ учрежденія училищъ по всей Россіи, «главныхъ» въ губернскихъ городахъ и «малыхъ» въ уѣздныхъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ

были открыты только главные училища, да и то не во всѣхъ губернскихъ городахъ. Затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ были учреждены воспитательные дома для брошенныхъ дѣтей. Въ заботахъ императрицы о воспитаніи помогать ей главнымъ образомъ Иванъ Ивановичъ Бецкій.

Кромѣ заботъ объ училищахъ, Екатерина II покровительствовала писателямъ, ученымъ, художникамъ, награждала ихъ и тѣмъ поощряла ихъ къ тому, чтобы еще болѣе заниматься науками, искусствами, съ еще большей ревностью создавать свои творенія. Она и сама была писательницей и написала много сочиненій, между прочимъ русскую исторію.

Внѣшнія дѣла Екатерины. Но не за одни только внутреннія дѣла получила Екатерина имя Великой. Она совершила много славнаго и въ сношеніяхъ Россіи съ другими государствами. Давно уже увеличивающееся могущество Россіи внушало остальнымъ европейскимъ государствамъ опасенія. И вотъ Франція убѣдила Турецкаго султана объявить войну. Екатерина послала противъ него войско подъ начальствомъ Румянцева. Русскихъ было гораздо меньше, чѣмъ Турокъ, но Румянцевъ все-таки одерживалъ одну побѣду за другой. Наконецъ, войска сошлись при Кагулѣ; Русскихъ было 17,000, Турокъ 150,000. Румянцевъ просилъ передъ тѣмъ у императрицы подкрѣпленіе, но Екатерина отвѣчала ему, что храбрые полководцы, спрашиваютъ не о томъ, сколько враговъ, а о томъ, гдѣ они. Тогда Румянцевъ рѣшился дать сраженіе. Долго уже длилась битва, какъ вдругъ одна часть русскаго войска начала отступать; Румянцевъ примчался къ ней и крикнулъ: «Стой, ребята!» Солдаты опомнились, бросились снова на Турокъ; Турки не выдержали натиска, и побѣда Русскихъ была полная (это было въ 1770-мъ году). Вслѣдъ за тѣмъ русскій флотъ, подъ начальствомъ гр. Орлова, нанесъ жестокое пораженіе флоту турецкому при Чесмѣ (1771 г.). Черезъ три года (1774 г.) былъ заключенъ миръ; Турція уступила Россіи нѣкоторую часть береговъ Азовскаго и Чернаго морей, уплатила 4¹/₂ милліона рублей, признала независимость Крымскихъ татаръ, бывшихъ уже давно подъ ея властью, даровала прощеніе христіанскимъ подданнымъ, возставшимъ противъ султана, и пр.

Но Крымъ былъ недолго свободенъ. Крымскій ханъ, возве-

денный на престолъ Россіей, управлялъ очень неумѣло и при томъ былъ очень жестокъ противъ своихъ враговъ. Все это довело до того, что онъ долженъ былъ отказаться отъ престола. Россія воспользовалась этимъ и безъ всякой войны присоединила владѣнія Крымскаго хана къ своимъ. А владѣнія эти были велики: подъ властью Крымскаго хана было огромное пространство, — Черноморскія степи. Всѣ эти земли вошли теперь въ составъ Россіи, подъ именемъ Новороссіи.

Управлять Новороссіей Екатерина поручила одному изъ главныхъ своихъ помощниковъ—Потемкину. Родомъ бѣдный дворянинъ Смоленской губерніи, онъ поступилъ въ военную службу, сталъ быстро возвышаться въ должностяхъ и скоро получилъ огромную власть, такъ что управлялъ почти всѣми дѣлами въ государствѣ. Наибольшія заботы онъ посвятилъ Новороссіи, которой принесъ много пользы. Въ короткое время онъ построилъ нѣсколько городовъ, Херсонъ, Екатеринославъ, Николаевъ, заселилъ свободныя мѣста переселенцами изъ другихъ губерній, и скоро тамъ, гдѣ были раньше только пустыя степи, оказалась очень богатая страна. Сверхъ того, владѣя теперь большимъ побережьемъ Чернаго моря, Россія могла заботиться о флотѣ на немъ. И точно, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ завелъ черноморскій флотъ, гаванью для котораго былъ выбранъ Севастополь.

Суворовъ и вторая Турецкая война. Турки сначала признали присоединеніе Крыма къ Россіи; но потомъ, одумавшись и увидавъ, что Россія укрѣпляется на берегахъ Чернаго моря, заводитъ тутъ флотъ, который можетъ подойти къ самому Константинополю, они объявили Россіи войну. Россія начала воевать въ союзѣ съ Австріей. Начальникомъ главной русской арміи былъ назначенъ князь Потемкинъ, но главныя побѣды одержалъ знаменитый Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Отецъ Суворова, хотя самъ генералъ, не хотѣлъ однако, чтобы его сынъ былъ военнымъ, а готовилъ его въ чиновники. Но Александръ Васильевичъ съ молодости любилъ военную службу и усердно изучалъ исторію разныхъ войнъ; видя его призваніе, отецъ позволилъ ему поступить въ солдаты. Ему тогда было 15 лѣтъ. Цѣлыхъ девять лѣтъ прослужилъ Суворовъ простымъ рядовымъ; это принесло ему большую пользу;

онъ успѣлъ хорошо узнать всю жизнь солдатъ, ихъ привычки, языкъ и т. д., успѣлъ ихъ полюбить. Поэтому позднѣе, когда онъ былъ уже начальникомъ всѣхъ русскихъ войскъ, фельдмаршаломъ, онъ заботился о солдатахъ, какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ, шутилъ съ ними, какъ съ равными, велъ въ походахъ такую же простую жизнь, какъ они; и солдаты платили ему за добро добромъ и готовы были за него идти въ огонь и въ воду.— Съ молодости сталъ онъ вести себя чужакомъ; то вдругъ запрыгаетъ на одной ногѣ, то пѣтухомъ закричитъ. Вставалъ онъ очень рано, въ 7 или 8 часовъ утра уже обѣдалъ и ѣлъ всегда только простыя кушанья—щи, пироги, кислую капусту. Говорилъ онъ больше прибаутками; солдатамъ часто онъ повторялъ такую прибаутку: «Пуля—дура, штыкъ—молодецъ». А когда онъ прославился на весь міръ, и ему стали завидовать и говорить, что все это только счастье, то онъ отвѣчалъ: «Сегодня счастье, завтра счастье, всегда счастье; помилуй Богъ, дайте сколько-нибудь и ума!»

Первоначально война была неудачна для Русскихъ, особенно вслѣдствіе того, что буря разбила черноморскій флотъ, посланный къ берегамъ Турціи. Потемкинъ совсѣмъ впалъ въ отчаяніе, писалъ Екатеринѣ, что помочь бѣдѣ нельзя, и надо оставить Крымъ, вернуть его подъ власть Турокъ; самъ же просился въ отставку. Но Екатерина ни за что на это не согласилась и отвѣчала Потемкину, что «просить его ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ». И дѣйствительно, скоро, благодаря побѣдамъ Суворова, дѣла Русскихъ начали поправляться. Потемкинъ, наконецъ, призналъ возможнымъ и нужнымъ осадить турецкую крѣпость Очаковъ; крѣпость держалась, однако, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ и лишь послѣ такого долгаго времени должна была сдаться Суворову. Изъ другихъ важныхъ побѣдъ Суворова особенно замѣчательна была побѣда при рѣкѣ Рымникѣ. Здѣсь Турки сперва напали на Австрійцевъ. Австрійскій генералъ просилъ помощи у Суворова. Суворовъ отвѣтилъ ему только: «Иду», и дѣйствительно, очень скоро привелъ къ нему свое войско. Генералъ послалъ пригласить Суворова прійти къ нему въ палатку. Но Суворовъ приказалъ сказать: «Суворовъ Богу молится». Генералъ снова послалъ съ той же просьбой. Посланному отвѣчали: «Суворовъ ужи-

наетъ». Третьему посланному сказали: «Суворовъ спитъ». Но это была неправда: на самомъ дѣлѣ Суворовъ давно уже сидѣлъ на высокомъ деревѣ и разсматривалъ расположеніе турецкихъ войскъ. Утромъ только пришелъ онъ къ генералу и сказалъ, что надобно сейчасъ напасть на Турокъ, хотя ихъ было 100 000 чел., а Русскихъ и Австрійцевъ 25 000 чел. Австрійскій генералъ не посмѣлъ спорить съ знаменитымъ русскимъ полководцемъ, но далъ ему главное командованіе. Суворовъ, нимало не медля, напалъ на Турокъ и одержалъ полную побѣду. За эту побѣду Суворовъ получилъ титулъ графа и прозваніе Рымникскаго.

Другая такая же знаменитая побѣда Суворова была взятіе крѣпости Измаила. Никто не думалъ, чтобы можно было взять сильную и защищенную огромнымъ войскомъ крѣпость. Но Суворовъ, едва осадивъ ее, уже предложилъ Туркамъ сдаться безъ боя. Турецкій начальникъ отвѣчалъ: «Скорѣе небо упадетъ на землю, и Дунай потечетъ кверху, чѣмъ Измаиль сдастся». Тогда Суворовъ сталъ учить своихъ солдатъ, какъ надо брать крѣпости, и въ декабрѣ 1788-го года взялъ приступомъ Измаиль, хотя защищали его цѣлый день, и не только солдаты, но и женщины и дѣти. Суворовъ написалъ Екатеринѣ такое письмо: «Гордый Измаиль у ногъ Вашего Величества».

Черезъ три года, уже послѣ смерти Потемкина, былъ заключенъ съ Турками миръ, въ Яссахъ, въ 1791 году. Турція уступила Россіи земли между Днѣстромъ и Бугомъ, съ крѣпостью Очаковымъ и согласилась на окончательное присоединеніе къ Россіи Крыма. Такимъ образомъ, Россія прочно укрѣпилась на Черномъ морѣ; западной границей ея здѣсь былъ Днѣстръ, до устья котораго морской берегъ и сталъ русскимъ.

Паденіе Польши. Тѣмъ временемъ въ Польшѣ происходили большія смуты. Поляки сами выбирали своихъ королей и нисколько имъ не повиновались: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Бѣднымъ и слабымъ житья просто не было. Но наиболѣе страдали православные и уніаты. Пользуясь беспорядками, пользуясь тѣмъ, что въ странѣ не было никакой власти, католики мучили православныхъ, заставляя ихъ переходить въ католичество или, по крайней мѣрѣ, въ унію. Дѣтей, женщинъ, священниковъ сажали въ тюрьмы, били кнутами, отрубали имъ

руки и ноги. Нѣкоторые короли пытались защищать несчастныхъ, но не имѣли достаточно для того силы. Къ кому же было тогда обратиться православнымъ, какъ не къ православной русской императрицѣ? Православнымъ Могилевскимъ епископомъ былъ въ то время Георгій Конисскій, человекъ твердый и безбоязненный. Онъ смѣло говорилъ противъ притѣсненій католиками православныхъ и тѣмъ подвергалъ себя великимъ опасностямъ. Разъ, во время службы, толпа католиковъ ворвалась въ церковь и хотѣла убить Георгія. Епископъ скрылся изъ церкви, и для безопасности его должны были тайно вывезти изъ города, скрывъ на телѣгѣ подъ павозомъ. При восшествіи Екатерины на престолъ, Георгій пріѣхалъ въ Москву и произнесъ рѣчь съ объясненіемъ всего, что переносятъ православные въ Польшѣ. Затѣмъ, когда на престолъ польскій былъ выбранъ король, угодный Екатеринѣ, Георгій и ему повторилъ то же самое. Екатерина черезъ своихъ пословъ требовала отъ Поляковъ спокойствія для православныхъ. Поляки, однако, не обращали на это требованіе никакого вниманія. Тогда русскій посолъ въ Варшавѣ, въ распоряженіи котораго было въ Варшавѣ и вообще въ Польшѣ русское войско, и который поэтому могъ дѣйствовать не стѣсняясь, велѣлъ арестовать и отправить въ Петербургъ трехъ важныхъ Поляковъ, подбивающихъ другихъ къ сопротивленію Екатеринѣ. Это образумило Поляковъ; они дали православнымъ тѣ права, которыхъ требовала Екатерина, т.-е. право свободно исповѣдывать православную вѣру. Но спокойствіе наступило не надолго. Скоро опять начались смуты и даже военное возстаніе; образовалось особое польское войско, которое силой хотѣло отнять у православныхъ ихъ новыя права. Екатерина послала въ Польшу свое войско, но оно долго, цѣлыхъ пять лѣтъ не могло справиться съ Поляками, пока начальство надъ ними не принялъ Суворовъ. Когда Поляки, благодаря Суворову, были усмирены, то Россія, Пруссія и Австрія отдѣлили себѣ по части Польши; Россія получила Бѣлоруссію (1773 г.). Поляки, не наученные этимъ опытомъ, начали открытый бунтъ.

Три государства, пославъ въ Польшу свои войска, безъ труда усмирили возставшихъ Поляковъ и снова отдѣлили себѣ по части Польши. На этотъ разъ Россія получила области Подольскую, Минскую и Волынскую, съ 3,000.000 жителей.

Это произошло въ 1793 году, а черезъ годъ Поляки снова возстали и объявили войну Россіи и Пруссіи. Въ Варшавѣ они перебили 2000 находившихся тамъ солдатъ и лишь небольшая часть стоявшаго въ Варшавѣ войска спаслась. Екатерина вновь послала въ Польшу войско, съ намѣреніемъ на этотъ разъ, окончательно уничтожить Польшу. Русскимъ помогли Пруссакъ. и союзники одержали надъ Поляками цѣлый рядъ побѣдъ. Но, въ концѣ-концовъ, прусскому королю пришлось отозвать свое войско. Русскимъ пришлось сражаться однимъ. Для начальства надъ войскомъ Екатерина отправила Суворова. Александръ Васильевичъ быстро подступилъ съ главнымъ войскомъ къ упрѣ-пленному предмѣстью Варшавы, Прагѣ; онъ надѣялся, что Поляки покорятся безъ боя. Но Поляки не покорились. Дѣлать было нечего, пришлось брать Прагу штурмомъ. А когда была взята Прага, то Варшава уже не могла держаться и сдалась. Суворовъ такъ донесъ объ этомъ императрицѣ: «Всемилоствѣй-шая Государыня! Ура! Варшава наша!» Екатерина отвѣтила ему: «Ура, фельдмаршалъ!» Это значило, что она возвела Суворова въ самый высокій военный чинъ—фельдмаршала.

Послѣ паденія Варшавы, Польша уже не могла сопротив-ляться, и Россія, Австрія и Пруссія раздѣлили ее между собой. Россія получила области Литовскую и Гродненскую и герцогство Курляндское, бывшее тогда въ зависимости отъ Польши. Варшава досталась Пруссіи (1795 г.).

Съ этихъ поръ кончились страданія православныхъ, живу-щихъ вмѣстѣ съ Поляками. Если послѣ этого Поляки позволяли себѣ какія-нибудь обиды православныхъ, то послѣдніе знали, что они всегда могутъ найти защиту у своего собственнаго православнаго государя.

Чума и Пугачевъ. Таковы были внѣшнія затрудненія, про-тивъ которыхъ приходилось бороться Екатеринѣ. Ея побѣды, мудрость ея управленія прославили и возвеличили Россію между всѣми европейскими государствами. Но не всегда внутри Россіи было благополучно. Два бѣдственныхія событія произошли въ цар-ствованіе Екатерины.

Въ 1770-мъ году въ Россію пришла страшная болѣзнь, чума. На слѣдующій годъ явилась она въ Москвѣ и производила ужас-ныя опустошенія. До тысячи человѣкъ умирало ежедневно.

Покойниковъ не успѣвали хоронить; трупы валялись по улицамъ. Начальники уѣхали изъ города. Народъ, покинутый и испуганный, началъ волноваться. Говорили, будто доктора нарочно отравляютъ колодцы и морятъ людей. Солдатъ въ Москвѣ почти не было, усмирять бунтовщиковъ было невозможно. Народъ толпами собирался у иконы Боголюбской Божіей Матери, у Варварскихъ воротъ, надѣясь получить исцѣленіе; но отъ большого скопленія зараза только усиливалась. Архіерей московскій, Амвросій, хотѣлъ было снять икону для уменьшенія болѣзни. Въ народѣ стали кричать, что архіерей за одно съ докторами. Толпа бросилась на архіерейскій домъ, ограбила его, но Амвросій успѣлъ скрыться въ одинъ монастырь. На другой день его мѣстопробываніе было открыто, бунтовщики проникли въ монастырь и убили Амвросія, а затѣмъ вернулись въ Кремль грабить. Тогда управляющій Москвою генералъ Еропкинъ рѣшился на послѣднюю мѣру и приказалъ стрѣлять въ народъ. Бунтовщики разсѣялись, а зачинщики были схвачены и казнены. Съ этихъ поръ Москвичи стали болѣе слушаться докторовъ, и къ зимѣ зараза прекратилась.

Но Московскій бунтъ не прошелъ безслѣдно: онъ далъ примѣръ казакамъ. Въ слѣдующемъ же году на Уралѣ появился казакъ Емельянъ (Емелька) Пугачевъ, объявившій, что онъ императоръ Петръ III, который будто бы не умираетъ. Первоначально мало кто повѣрилъ его обману. Его схватили, заключили въ кандалы и отправили въ Казань. Однако, онъ скоро бѣжалъ изъ-подъ стражи и снова началъ объявлять себя императоромъ. На этотъ разъ ему посчастливилось; скоро вокругъ него собралось войско изъ казаковъ и всякаго рода бѣглыхъ, сперва въ 2 тысячи, а потомъ въ 25 тысячъ. Съ этимъ войскомъ онъ началъ брать города: взялъ Оренбургъ и Казань. По мѣрѣ того, какъ продолжались успѣхи его, возстаніе все расширялось. Къ Пугачеву сходились инородцы, жившіе въ тѣхъ мѣстахъ, Чуваши, Черемисы, Мордва, бѣглые каторжники, казаки. Волновалось все Поволжье. Больше года продолжалась борьба между бунтовщиками и вѣрными русскими войсками. Только осенью 1774 года Суворовъ такъ стѣснилъ бунтовщиковъ, что они сами выдали самозванца. Пугачева отвезли въ Москву и казнили.

Кончина Екатерины II. Въ это время у Французовъ дѣла были еще хуже, чѣмъ въ Польшѣ. Во Франціи произошелъ ужасный бунтъ и совершилось самое страшное преступленіе, какое только можетъ быть: Французы убили своего короля. Послѣ этого они вздумали завоевывать сосѣднія страны; главное начальство надъ войсками они дали своему еще очень молодому, но уже очень искусному полководцу, Наполеону Бонапарту. Подъ его предводительствомъ французскія войска казались непобѣдимыми. Одна Екатерина признавала себя настолько сильной, чтобы противостоять ему, и сочла себя обязанной усмирить Французовъ. Суворовъ также стремился къ тому. «Матушка, пошли меня бить Французовъ!» просилъ онъ императрицу. И, дѣйствительно, начались приготовленія къ новой войнѣ.

Но въ это время Екатерина неожиданно скончалась († 1796 г.), и на престолъ вошелъ ея сынъ, Павелъ I.

Павелъ I. Новый государь не хотѣлъ сперва воевать и приказалъ прекратить начатыя приготовленія. Враги Суворова воспользовались этимъ и оклеветали его передъ императоромъ. Павелъ приказалъ Суворову уѣхать изъ Петербурга и жить въ своей деревнѣ.

Здѣсь Суворовъ повелъ очень странную жизнь; онъ звонилъ къ обѣднѣ, исполнялъ во время службы обязанности дьячка—пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ; остальное время проводилъ больше съ деревенскими ребятами—и въ бабки съ ними игралъ, и взапуски бѣгалъ.

Между тѣмъ Бонапартъ отнялъ у Австріи принадлежавшую ей тогда Бельгію, а также ея Итальянскія владѣнія, низвергъ съ престола римскаго папу, присоединилъ къ Франціи Голландію. Казалось, его успѣхамъ нѣтъ предѣла. Всѣ государи начали беспокоиться за безопасность своихъ владѣній, за твердость свою на престолѣ. Все это заставило Павла измѣнить свое намѣреніе и въ 1799 году онъ заключилъ съ Австріей, Англіей, Турціей и королемъ Неаполитанскимъ союзъ для борьбы съ Бонапартомъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вызвалъ въ Петербургъ Суворова. Онъ не только уже забылъ свой гнѣвъ на него, но встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ. Онъ назначилъ его главнымъ начальникомъ надъ всѣми русскими войсками, бывшими за границей, съ правомъ распоряжаться, какъ хочетъ.

Суворовъ сейчасъ же помчался въ Италію, къ русскимъ войскамъ, которыя уже были раньше отправлены. Трудно было Русскимъ: Французы владѣли уже всей сѣверной частью Италіи и, главное, всѣми тамошними крѣпостями. Но съ Суворовымъ справиться тоже не легко было. Суворовъ далъ Французамъ три битвы, одну за другой,—и во всѣхъ трехъ битвахъ Французы были на голову разбиты. Особенно ужасная битва произошла на рѣкѣ Требін. Два дня уже бились войска при страшной жарѣ; на третій Русскіе дрогнули. Суворовъ въ изнеможеніи лежалъ въ одной рубашкѣ около большого камня. Въ это время къ нему подскакалъ одинъ генералъ и сталъ уговаривать, чтобы онъ приказалъ отступить, потому что у Русскихъ болѣе уже нѣтъ силъ. «Поднимите этотъ камень», отвѣчалъ ему Суворовъ. «Не можете? Ну, такъ и Русскіе не могутъ отступить!» Сказавъ это, онъ вскочилъ на коня и какъ былъ, полураздѣтый, явился въ переднихъ рядахъ Русскихъ, гдѣ битва была всего сильнѣе. Видъ любимаго полководца воодушевилъ Русскихъ. Съ новыми силами бросились они на Французовъ; этотъ натискъ рѣшилъ исходъ битвы: побѣда Русскихъ была полная.

Въ какіе-нибудь 4—5 мѣсяцевъ Суворовъ освободилъ Италію отъ Французовъ. Павелъ I прислалъ ему всѣ награды, какія только могъ придумать; онъ далъ Суворову титулъ Свѣтлѣйшаго князя Италійскаго и приказалъ, чтобы войско отдавало ему царскія почести.

Но другая, небольшая, часть русскихъ войскъ, вмѣстѣ съ австрійскими, сражалась тѣмъ временемъ противъ Французовъ въ Швейцаріи. Тутъ дѣла шли иначе, чѣмъ въ Италіи: Французы побѣждали союзниковъ (т.-е. Русскихъ и Австрійцевъ) разъ за разомъ. Австрійцы потребовали, чтобы Суворовъ шелъ въ Швейцарію на подмогу. Суворовъ видѣлъ всю опасность и излишность этого похода; но Павелъ I совѣтовалъ послушаться Австрійцевъ.

Нечего было дѣлать, пришлось идти въ Швейцарію. А это было не легко. Швейцарія вся вообще лежитъ въ горахъ, а отъ Италіи отдѣляется наиболѣе высокими—Альпами,—выше которыхъ нѣтъ въ Европѣ. Къ тому же, время было позднее, сентябрь мѣсяцъ: приходилось карабкаться по неприступнымъ крутизнамъ, уже обледенѣвшимъ; цѣлая армія должна была пробираться по такимъ узкимъ тропинкамъ, по которымъ и од-

ному-то человѣку не легко пройти, притомъ со всѣхъ сторонъ пропасти: стоитъ оступиться, и слетишь внизъ, на вѣрную смерть; погода тоже мѣшала: шли дожди, поднимался туманъ, закрывавшій дорогу. Ко всему этому новая опасность: Французы уже раньше заняли всѣ удобныя мѣста и постоянно, гдѣ только можно было, изъ засадъ, потихоньку стрѣляли въ Русскихъ, а Русскіе не могли отъ нихъ защищаться. Такъ дошли до самаго опаснаго мѣста, до «Чортова моста». Этотъ мостъ очень узкій, перекинутъ надъ пропастью въ 10 сажень глубины; на днѣ ея—страшный водопадъ. Французы уже раньше заняли это мѣсто. Русскимъ нельзя было прямо перейти черезъ мостъ. Суворовъ послалъ большую часть войска въ обходъ, на горы. Когда Французы увидали это войско надъ своими головами, то такъ испугались, что бросились бѣжать, а тогда уже и Русскіе перебрались черезъ мостъ. Шестнадцать дней продолжался этотъ переходъ черезъ Альпы; если бы не Суворовъ, который все время былъ съ солдатами, то примѣромъ своимъ, то какими-нибудь шутками ободрялъ ихъ,—даже и русскимъ солдатамъ едва ли бы удалось перейти черезъ эти ужасныя горы.

Но самое страшное ихъ ждало въ Швейцаріи. Австрійскіе генералы, всѣ неспособные, давно уже завидовали своему спасителю, Суворову. Забывъ, что онъ пришелъ спасать ихъ, они составили планъ погубить его. Когда Суворовъ пришелъ въ Швейцарію, то оказалось, что Австрійцы давно уже оттуда ушли, оставивъ небольшой русскій отрядъ совершенно безъ помощи среди огромнаго французскаго войска; немудрено, что этотъ маленькій отрядъ былъ разбитъ. Но и у Суворова было не больше 18,000 человѣкъ.

18-го сентября Суворовъ созвалъ военный совѣтъ: «Что намъ дѣлать?», говорилъ онъ собравшимся генераламъ. «Мы среди горъ; со всѣхъ сторонъ сильный непріятель! Пушекъ у насъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ! Итти назадъ? я никогда еще въ жизни не отступалъ. Помощи ждать не отъ кого. Одна надежда на Бога да на храбрость войска. Мы Русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына Государя!» (Великій князь Константинъ Павловичъ былъ при войскѣ). Въ одинъ голосъ генералы рѣшили пробиваться сквозь французское войско—и пробились! Суворовъ ни разу въ жизни не былъ по-

бѣжденъ. Императоръ Павелъ возвелъ его въ чинъ генералиссимуса. «Для другихъ этого много», сказалъ онъ, «а для Суворова мало!»

Видя, что Русскихъ невозможно одолѣть, Французы отказались отъ борьбы съ ними. Суворовъ вывелъ остатки своего войска въ Германію, гдѣ Русскіе нашли, наконецъ, отдыхъ. Императоръ Павелъ давно уже былъ въ гнѣвѣ на Австрійцевъ за тѣ непріятности, которыя они сдѣлали Суворову, а теперь послѣ ихъ измѣны въ Швейцаріи, отказался отъ помощи имъ и вызвалъ свои войска домой.

Вскорѣ послѣ возвращенія домой, Суворовъ умеръ—6 мая 1800 года. Тѣло его погребено въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. На могилѣ его положена каменная плита съ надписью: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

Императоръ Павелъ скончался вскорѣ послѣ Суворова, въ мартѣ 1801 года.

12. Александръ I.

Начало царствованія Александра. Воспитаніемъ Александра Павловича, сына Павла I, занималась сама Екатерина. Она пригласила ему въ учителя наиболѣе умныхъ и ученыхъ людей, какихъ только могла, сама указывала имъ, какъ они должны заниматься съ своимъ воспитанникомъ, и сама даже писала для его занятій учебныя книги. Благодаря такимъ заботамъ, Александръ I получилъ превосходное образованіе. При томъ онъ былъ человѣкъ рѣдкой доброты.

Вступивъ на престолъ, онъ обѣщалъ, что сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы Россія жила мирно, счастливо и въ порядкѣ. Много было сдѣлано по его повелѣнію для образованія. Были учреждены три новыхъ университета (въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ), а также учебныя заведенія для приготовленія учителей. «Главныя народныя училища», открытыя при Екатеринѣ лишь въ немногихъ губернскихъ городахъ, открыты были теперь, подъ новымъ названіемъ гимназій, во всѣхъ. Точно также въ большемъ числѣ открыты были «малыя народныя училища», которыя также лишь начинали заводиться при Екатеринѣ (теперь они были названы Уѣздными). Наконецъ, были

учреждены въ городахъ, для самаго начальнаго обученія, «приходскія училища».

При Павлѣ I были сдѣланы разныя стѣсненія при печатаніи книгъ. Александръ I отмѣнилъ эти стѣсненія, отчего въ его царствованіе появилось много хорошихъ писателей, издано много хорошихъ книгъ.

Въ устройствѣ государственнаго управленія произошли важныя измѣненія. Такъ, былъ учрежденъ постоянный Государственный Совѣтъ, высшее правительственное мѣсто. Члены Совѣта назначаются самимъ государемъ изъ высшихъ сановниковъ; Совѣтъ долженъ обсуждать всѣ новые законы, которые затѣмъ поступаютъ на утвержденіе государя. Коллегіи были преобразованы въ министерства; главное отличіе министерствъ то, что министерство управляется самимъ министромъ, а не совѣтомъ нѣсколькихъ лицъ, какъ было въ коллегіяхъ. Были приняты мѣры къ тому, чтобы чиновники были болѣе образованы, а слѣдовательно, и могли лучше исполнять свое дѣло. Изъ другихъ распоряженій Александра I важно уничтоженіе пытокъ въ судахъ, уменьшеніе тѣлеснаго наказанія, нѣкоторое ограниченіе крѣпостнаго права.

Война 1812 года. Александру I, однако, не было суждено править мирно, напротивъ того, значительная часть царствованія прошла въ ужасныхъ войнахъ.

Наполеонъ Бонапартъ своими побѣдами настолько пріобрѣлъ у французовъ власти и любви, что заставилъ ихъ признать его своимъ императорамъ. Но, возведенный на престолъ такой страны, какъ Франція, онъ думалъ, что весь міръ долженъ ему покориться. Одну за другой объявилъ онъ войны европейскимъ государямъ. Успѣхъ былъ неизмѣнно на его сторонѣ: многихъ законныхъ государей онъ свергъ съ престоловъ и посадилъ на ихъ мѣсто своихъ родственниковъ, но и отъ тѣхъ, которыхъ оставлялъ, требовалъ, чтобы они во всемъ его слушались.

Александръ считалъ своей обязанностью помогать тѣмъ государямъ, съ которыми воевалъ Наполеонъ. Но эти продолжительныя войны не были счастливы для Русскихъ. Наконецъ Александръ и Наполеонъ заключили между собой миръ. Нѣкоторое время между обоими народами царствовало согласіе. Но это продолжалось недолго. Наполеонъ плохо исполнялъ

свои обязанности союзника, а въ то же время требовалъ со стороны Александра такого же подчиненія, какое ему оказывали другіе государи. Получивъ отказъ, Наполеонъ рѣшился наказать, какъ онъ говорилъ, Россію, побѣдить Русскихъ въ самой русской землѣ и взять какую-нибудь изъ русскихъ столицъ. Онъ собралъ огромное войско и двинулся къ русской границѣ. Такъ началась знаменитая война 1812 года.

Войско Наполеона состояло изъ 600.000 человѣкъ. Тутъ были не только Французы, но и Итальянцы, и Нѣмцы, и Поляки, и Испанцы, и другіе народы. Русская же армія была втрое меньше Наполеоновой, всего въ 200.000 человѣкъ. Наполеонъ надѣялся, что ему удастся побѣдить Русскихъ въ какія-нибудь 2—3 сраженія; такъ онъ и говорилъ всѣмъ.

Но онъ ошибся. Императоръ Александръ издалъ воззваніе ко всему русскому народу; онъ объявилъ, какая опасность грозитъ Россіи, и говорилъ, что всѣ Русскіе должны защищать, какъ одинъ человѣкъ, свое отечество. Въ рескриптѣ на имя президента Государственного Совѣта онъ обѣщалъ: «Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».—Русскіе думали то же самое. Когда Александръ пріѣхалъ въ Москву, то весь народъ кричалъ ему: «Веди насъ, куда хочешь! Веди, отецъ нашъ!» Въ короткое время набралось ополченіе болѣе чѣмъ въ 300.000 человѣкъ, и пожертвованій деньгами 100 милліоновъ рублей. Но, мало того, крестьяне готовились всѣ возстать противъ непріятеля, пожертвовать своимъ добромъ, чтобы не дать ему возможности оставаться въ Россіи. «Пожалуйте», говорили они, «скажите, служивые, когда придетъ пора зажигать наши дома».

Въ іюнѣ 1812 года Наполеонъ перешелъ черезъ русскую границу, рѣку Нѣманъ. Русскій главнокомандующій, Барклай-де-Толли, понялъ, что прямое сопротивленіе Французамъ будетъ невозможно, потому что силы войскъ очень неравны, и началъ отступать, чтобы завлечь Наполеона въ глубь Россіи и здѣсь уже побѣдить его. Мало-по-малу войска, и русскія и французскія, дошли до Смоленска. Здѣсь Русскихъ постигло несчастье: Наполеонъ осадилъ и взялъ Смоленскъ. Но Наполеонъ увидалъ, что съ Русскими не легко справиться: русскіе генералы тогда только отдали Смоленскъ французамъ, когда онъ былъ уже

совсѣмъ разрушенъ, такъ что и защищать почти уже нечего было больше. Наполеонъ рѣшился просить мира; онъ послалъ сказать Александру I. что вѣдь они всегда были друзьями, что война началась изъ-за пустяковъ, такъ не лучше ли будетъ помириться? Императоръ Александръ ничего не отвѣчалъ, а войско его все продолжало отступать. Что было дѣлать Наполеону? Вернуться домой—стыдно: мириться—Русскіе не хотятъ.—Наполеонъ двинулъ свою армію вслѣдъ за русской.

Въ это время въ Русскомъ войскѣ произошла важная перемѣна. Солдаты, да и вообще большинство Русскихъ, не понимали, зачѣмъ Барклай-де-Толли не даетъ сраженія Французамъ и все отступать. Всѣ думали, что Барклай-де-Толли, какъ иностранецъ, измѣняетъ Русскимъ. Дошло до того, что въ войскѣ появились явные признаки неповиновенія Барклаю. Императоръ уступилъ этому настроенію и назначилъ на мѣсто Барклая князя Михаила Илларионовича Кутузова, долго бывшаго подъ начальствомъ Суворова и заслужившаго полную любовь его; у своего великаго начальника онъ научился, какъ обходиться съ русскими солдатами, какъ вести съ ними войну, такъ что лучшаго выбора и придумать нельзя было.

Въ 1812-мъ году ему уже было 67 лѣтъ, но онъ съ радостью принялъ назначеніе императора. Приѣхавъ къ войску, онъ первымъ дѣломъ сдѣлалъ смотръ ему и заявилъ на немъ: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!» Солдаты же стали говорить про него: «Приѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ!» Но разузнавъ подробно положеніе русской и французской армій, Кутузовъ увидалъ, что отступать все-таки надо, и такой приказъ и отдалъ.

Лишь въ 108 верстахъ отъ Москвы, у села Бородина рѣшился онъ дать сраженіе Французамъ.

26-го августа произошла знаменитая Бородинская битва. Русскихъ было 100 000, Французовъ 130 000 человекъ. Русскіе молитвой готовились къ ней. Наканунѣ по рядамъ солдатъ, молившихся на колѣняхъ, была обнесена икона Смоленской Божіей Матери. Многіе солдаты отказывались отъ своей порціи водки, говоря, что не къ такому дню готовятся. Битва продолжалась цѣлый день съ самаго утра, на пространствѣ цѣлой квадратной версты. Только позднимъ вечеромъ прекратилась она, и

то только потому, что темнота мѣшала сражаться. 100,000 человекъ было убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на все это, Русскіе не отступали, и поле сраженія осталось за нами. Наполеонъ говорилъ позднѣе про Бородинскую битву: «Бородинская битва—самое ужасное сраженіе изъ всѣхъ, которыя я когда-либо давалъ. Французы дѣлали все, что могли, но Русскіе оказались непобѣдимыми».

Кутузовъ хотѣлъ снова сразиться на другой день, но когда выяснилось, что цѣлая половина его арміи погибла, приказалъ отступить къ Москвѣ. Французы пошли за нимъ.

Около Поклонной горы, въ деревнѣ Филяхъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: отдать ли Москву Французамъ безъ боя или попробовать защитить ее! Долго толковали собранные генералы и не знали на что рѣшиться. Кутузовъ прекратилъ споры;—онъ сказалъ, что надо отступить безъ сраженія; пусть займутъ Французы Москву, Россія еще не погибнетъ; если же сразиться, то придется потерять много людей, а что же можно сдѣлать безъ войска?—Наша армія пошла въ Москву.

Москвичи все время надѣялись, что, можетъ быть, Французы и не возьмутъ Москвы. Впрочемъ, всѣ государственныя бумаги и драгоценности были уже давно вывезены въ другіе города; многіе изъ жителей тоже уѣхали. Но когда 2-го сентября наша армія, перейдя черезъ Москву, стала снова удаляться отъ нея по Рязанской дорогѣ, то жители поняли, что теперь въ Москвѣ оставаться болѣе уже нельзя. Оставшіеся въ Москвѣ послѣдовали теперь примѣру тѣхъ, кто уѣхалъ, и въ короткое время городъ почти опустѣлъ.

2-го же сентября подошли къ Москвѣ и Французы. Наполеонъ остановился на Поклонной горѣ, откуда видна почти вся Москва. «Такъ вотъ этотъ славный городъ!» повторялъ онъ, разсматривая древнюю столицу. Онъ ждалъ, что къ нему выйдутъ навстрѣчу жители, будутъ просить о пощадѣ и т. д. Такъ бывало, когда Наполеонъ вѣзжалъ побѣдителемъ въ столицы другихъ государствъ: Берлинъ, Вѣну, Дрезденъ и другія. Но случилось то, чего онъ никакъ не ожидалъ: не только никто не выходилъ къ нему, но скоро донесли ему, что всѣ жители уѣхали изъ Москвы. Долго онъ не хотѣлъ этому вѣрить; на-

конецъ, къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые жили въ Москвѣ; они подтвердили ему, что, дѣйствительно, Москва пуста. Нечего было дѣлать, Наполеону пришлось вѣхаться въ Москву безъ торжественной встрѣчи. 3-го числа онъ поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Но еще 2-го во многихъ мѣстахъ начались пожары,—сами Русскіе подожгли свои дома, чтобы погубить Французовъ; въ ночь съ 3-го на 4-е горѣла уже половина города. 4-го Наполеонъ долженъ былъ покинуть Москву и переѣхалъ въ Петровский дворецъ, находящійся недалеко отъ города. Три четверти Москвы сгорѣло во время этого пожара, который продолжался цѣлыхъ трое сутокъ. Что осталось, было разграблено Французами.

Французской арміи, такимъ образомъ, почти негдѣ было жить; но еще хуже—ей нечѣмъ было питаться. Русскіе вывезли, сколько могли, съѣстныхъ припасовъ, остальные уничтожили. Сахару, кофе и т. п., пожалуй, и много можно было найти, но во всемъ этомъ не было толку, потому что нельзя было достать главнаго—хлѣба. Начались ужасныя бѣдствія для Французовъ; они питались, чѣмъ попало, ѣли кошекъ, воронъ.

Наполеонъ снова отправилъ къ Александру пословъ съ мирными предложеніями, и опять Александръ даже и не отвѣчалъ. Наполеонъ грозилъ, что пойдетъ на Петербургъ,—и это не помогло.

А между тѣмъ русская армія все увеличивалась; со всѣхъ сторонъ къ ней сходились добровольцы. Достаточно такимъ образомъ усилившись, Кутузовъ перешелъ по Рязанской дорогѣ на Калужскую, въ село Тарутино. Этимъ онъ отрѣзалъ Французовъ отъ южныхъ губерній, откуда можно бы было имъ добыть припасовъ.

Началась также такъ называемая партизанская война, крестьяне собирались въ маленькіе отряды, нападали на Французовъ, гдѣ только это было возможно, мѣшали имъ доставать провіантъ въ окрестностяхъ Москвы. Наполеонъ послалъ просить мира у Кутузова. Кутузовъ отвѣчалъ, что ему и слово-то «миръ» запрещено произносить.

Верстахъ въ десяти отъ Тарутина стояла часть французской арміи. 6-го октября на нее напалъ русскій отрядъ—и на-голову

разбить. 7-го Наполеонъ, узнавъ, что Русскіе перешли отъ защиты къ наступленію, приказалъ своимъ войскамъ выходить изъ Москвы.

Но передъ выступленіемъ онъ распорядился взорвать Кремль. Въ ночь на 11-е это приказаніе было исполнено; большая часть Кремля была разрушена, но соборы уцѣлѣли. Остался невредимымъ также образъ св. Николая на Никольскихъ воротахъ; даже не оборвалась веревка, на которой висѣлъ фонарь, горѣвшій передъ нимъ, и не потухла свѣча въ этомъ фонарѣ.

Наполеонъ направилъ свою армію къ Калугѣ, но послѣ жестокой битвы при Мало-Ярославцѣ онъ долженъ былъ перейти на Смоленскую дорогу, по которой пришелъ въ Москву. Здѣсь положеніе Наполеоновской арміи стало еще хуже, такъ какъ эта дорога была ею же самой разорена. Не было никакихъ жилищъ, гдѣ бы пріютиться, нигдѣ нельзя было найти никакого провіанта. Французы терпѣли еще большую нужду, чѣмъ въ Москвѣ, и вся армія превратилась просто въ какую-то нестройную, безпорядочную толпу, которая только о томъ и заботилась, чтобы какъ можно скорѣе выбраться изъ Россіи. Русскіе, и войско, и партизанскіе отряды, не давали ей покою. Ко всему этому, съ 1-го ноября, присоединилось новое бѣдствіе: начались ужасные морозы; у Французовъ не только не было запаснаго теплаго платья, но и то, которое было у нихъ, уже давно истрепалось въ лохмотья; такимъ образомъ случалось, что въ ночь замерзало до 300 человѣкъ Французовъ.

Кое-какъ добрались они до рѣки Березины. Надо было переправиться черезъ нее. Но это было не легко: со всѣхъ сторонъ Французовъ окружили Русскіе. Самъ Наполеонъ едва не попался въ плѣнъ. Однако ему удалось обмануть одного изъ русскихъ генераловъ, и Французы кое-какъ переправились черезъ рѣку. Но при этой переправѣ они потеряли до 20,000 человѣкъ. Говорятъ, что черезъ Березину ихъ перешло всего нѣсколько десятковъ тысячъ, изъ которыхъ только 10,000 человѣкъ были способны носить оружіе,—это было все, что осталось отъ 600-тысячной арміи, съ которой Наполеонъ вошелъ въ Россію, и которую онъ называлъ «Великой арміей». 23-го ноября, недалеко отъ Вильны, Наполеонъ бросилъ своихъ солдатъ и ускорилъ одинъ въ Парижъ.

25-го декабря, въ день Рождества Христова, Россія празднуетъ освобожденіе свое отъ Французовъ, и до сихъ поръ совершается благодарственное молебствіе къ Богу за спасеніе Россіи отъ дванадцати языковъ.—Кутузову и Барклаю-де-Толли поставлены въ Петербургѣ памятники; въ Москвѣ же въ воспоминаніе этой войны сооруженъ Храмъ Спасителя.

Сверженіе Наполеона и кончина Александра I. Побѣдивъ Наполеона, Александръ рѣшился освободить и всю Европу отъ его власти. 1-го января 1813-го г. русскія войска перешли черезъ границу. Александръ предлагалъ всѣмъ государямъ присоединиться къ нему, но на это сперва отважился только одинъ король Пруссій. Наполеонъ успѣлъ удивительно скоро собрать новое войско въ 300,000 человѣкъ. Онъ даже сперва нѣсколько разъ побѣдилъ союзниковъ, Русскихъ и Пруссакъ. Но скоро къ Александру стали присоединяться и другіе государи, и дѣла Наполеона пошли все хуже и хуже.

Около нѣмецкаго города Лейпцига произошла ужасная битва. Цѣлыхъ три дня сражались войска, которыхъ было до 500 000 человѣкъ. Наконецъ, Французы были побиты, и Наполеонъ поспѣшилъ въ Парижъ. Союзники пошли за нимъ и осадили столицу Франціи. Но Французы не сразу сдались; только послѣ цѣлаго дня защиты они признали себя побѣжденными.

Императоръ Александръ торжественно вѣхалъ въ Парижъ и заключилъ съ Французами миръ. Наполеона же было рѣшено низложить съ престола. Для жительства ему былъ отданъ небольшой островъ около береговъ Италіи. Но онъ скоро бѣжалъ оттуда, снова появился во Франціи и снова былъ провозглашенъ императоромъ. Александръ съ союзными государями объявилъ его врагомъ общаго спокойствія и пошли на него войной. Въ этой войнѣ Наполеонъ былъ совершенно побѣжденъ въ жестокой битвѣ при Ватерлоо, окончательно свергнутъ съ престола и отправленъ на пустынный остравъ Св. Елены, среди Атлантическаго океана. Здѣсь онъ прожилъ еще шесть лѣтъ подъ строгимъ надзоромъ, и умеръ.

Послѣ заключенія мира Европейскіе государи нѣсколько разъ съѣзжались на совѣщаніи объ европейскихъ дѣлахъ, на такъ называемые конгрессы. Самый важный происходилъ въ Вѣнѣ и называется Вѣнскимъ конгрессомъ. На немъ обсуждалось.

какъ снова назначить границы государствъ, которыя были всѣ нарушены Наполеономъ, какъ возстановить на престолахъ государей, свергнутыхъ имъ же и т. п. Всѣ эти дѣла были рѣшены мирно, безъ всякихъ войнъ. Россія была вознаграждена за освобожденіе Европы отъ Наполеона тѣмъ, что ей отдали большую часть Польши, съ городомъ Варшавой. Кромѣ того, при Александрѣ I къ Россіи присоединена была Финляндія.

Александръ I царствовалъ еще 12 лѣтъ, но уже совершенно мирно. Въ 1825-мъ году онъ поѣхалъ на югъ Россіи, дорогой простудился и осенью этого года скончался въ Таганрогѣ.

13. Н и к о л а й I.

Внутреннія дѣла. У Александра I не было дѣтей; наследовалъ ему его братъ, Николай Павловичъ.

Первымъ дѣломъ молодого императора было привести въ порядокъ русскіе законы, которые до тѣхъ поръ не были собраны вмѣстѣ. Между тѣмъ ихъ накопилось великое множество, и между ними были даже противорѣчивые. Поэтому чиновники часто сами не могли найти подходящаго закона; отсюда происходила большая путаница въ дѣлахъ, большая медленность. Такъ, при вступленіи Николая I на престолъ, оказалось, что въ судахъ нерѣшенныхъ дѣлъ имѣется $2\frac{1}{2}$ милліона, и 127,000 подсудимыхъ ждутъ въ заключеніи, пока разберутъ ихъ дѣла. Къ собранію законовъ приступили черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца по воцареніи Николая Павловича, при чемъ императоръ самъ непосредственно руководилъ этимъ дѣломъ. Оно пошло быстро, и въ 1830 г. было напечатано «Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи въ 46-ти томахъ: въ немъ собрано 30,000 законовъ, изданныхъ со временъ Алексѣя Михайловича и до кончины Александра I. Затѣмъ изъ этихъ законовъ были выбраны тѣ, которые дѣйствовали въ то время, расположены по предметамъ, которыхъ они касаются, и изданы въ 1823 г. подъ названіемъ «Свода Законовъ Россійской Имперіи». Эти законы и до сихъ поръ, кромѣ сдѣланныхъ въ послѣдующее время измѣненій, остаются обязательными для всѣхъ Русскихъ. Но теперь, когда они были приведены въ порядокъ, ихъ всѣ могутъ легко узнать или найти, такъ что во всѣхъ дѣлахъ наступилъ

лучшій порядокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ было, кромѣ того, издано Уложеніе о наказаніяхъ.

Другимъ важнымъ дѣломъ Императора Николая было уничтоженіе униі. Послѣ польскихъ раздѣловъ при Екатеринѣ II между униатами, которые жили въ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи, возникло сильное стремленіе возвратиться въ православіе. Но стремленіе это при Императорѣ Павлѣ I и Александрѣ I заглохло, благодаря стараніямъ католическаго духовенства, которое хитростью и насиліемъ старалось удержать униатовъ въ подчиненіи римскому папѣ. Императоръ Николай принялъ нѣкоторыя мѣры, которыя ослабили это вліяніе католическаго духовенства. Уніаты почувствовали себя свободными и старинное стремленіе къ православію снова у нихъ возгорѣлось. Стремленіе это мало-по-малу такъ распространилось, что въ 1839-мъ году униатскіе епископы пожелали перейти въ православіе. Съ согласія государя и благословенія Св. Синода униа была уничтожена, и униаты вернулись къ вѣрѣ отцовъ, отъ которой въ теченіе столькихъ лѣтъ были насильственно отторгнуты. Нѣкоторые же еще оставшіеся униаты присоединены были къ православію въ 1875-мъ году, такъ что теперь униі въ Россіи уже болѣе нѣтъ.

Турецкая война. Но и Николаю Павловичу, какъ и императору Александру I, не пришлось царствовать мирно. Изъ войнъ, которыя велись при немъ, самыя замѣчательныя двѣ, Турецкая и Крымская.

На югѣ Турціи живутъ Греки. Уже давно, около 400 лѣтъ тому назадъ, Турки покорили ихъ себѣ. Страданія Грековъ подъ иновѣрнымъ гнетомъ, всегда сильныя, въ началѣ нынѣшняго столѣтія превысили мѣру терпѣнія; Греки возстали. Русскій императоръ не могъ оставить безъ помощи своихъ единовѣрцевъ (Греки всѣ православные) и послалъ къ Грекамъ русскій флотъ; мало того, онъ уговорилъ и другіе народы помочь несчастнымъ Грекамъ. Въ 1827-мъ году произошла знаменитая Наваринская битва, въ которой турецкій флотъ былъ совершенно истребленъ союзниками. Говорятъ, что султанъ, узнавъ объ этомъ пораженіи, пришелъ въ такую ярость, что цѣлые двѣнадцать часовъ никто не рѣшался съ нимъ заговаривать. Какъ бы то ни было, онъ счелъ глав-

нымъ виновникомъ своей неудачи Русскаго императора и объявилъ ему войну.

Императоръ Николай послалъ двѣ арміи противъ Турокъ: одну въ Европейскую Турцію, другую въ Малую Азію. И тамъ, и здѣсь военныя дѣйствія были удачны для Русскихъ, и когда Русскіе взяли второй, послѣ Константинополя, турецкій городъ—Адріанополь, и султанъ сталъ просить мира. Николай Павловичъ согласился. Мирный договоръ былъ подписанъ въ Адріанополѣ (1829 г.). По этому договору была опредѣлена граница между Россіей и Турціей по рѣкѣ Пруту и затѣмъ по Дунаю; острова въ устьѣ Дуная должны были перейти къ Россіи; такимъ образомъ Россія приобрѣла новую часть берега Чернаго моря; также перешла къ ней нѣкоторая часть и восточнаго берега этого моря съ крѣпостями Поті, Ахалцыхъ и др. Русскіе подданные получили право свободно торговать въ Турціи. Что же касается Греціи, то она была освобождена и образовала независимое королевство. Сербія, до тѣхъ поръ находившаяся въ подчиненіи у Турокъ, была обращена въ княжество, которое хотя и находилось въ зависимости отъ султана, и платило ему дань, но во внутреннихъ дѣлахъ было самостоятельно.

Крымская кампанія. Все возрастающее могущество Россіи внушало большія опасенія европейскимъ народамъ. Главнымъ врагомъ Россіи сдѣлался императоръ Французовъ Наполеонъ III, который такъ же, какъ и дядя его, Наполеонъ I, незаконно захватилъ французскій престолъ.

Въ 1853-мъ году Французы и Англичане начали возбуждать турецкаго султана противъ Россіи. Султанъ послушался. Начались притѣсненія православныхъ христіанъ, живущихъ въ Палестинѣ; наконецъ безъ всякой причины султанъ отнялъ у Іерусалимскаго патріарха (православнаго) ключи отъ Вифлеемскаго храма и отдалъ ихъ католикамъ (эти ключи хранились у патріарха на основаніи Адріанопольскаго договора). Императоръ Николай вступился за православныхъ; онъ потребовалъ, чтобы султанъ возвратилъ ключи патріарху и впередъ не смѣлъ притѣснять православныхъ. Султанъ отказался. Тогда Николай Павловичъ объявилъ войну Туркамъ.

Опять были посланы двѣ арміи—въ Турцію и Малую Азію, и опять онѣ стали побѣждать Турокъ разъ за разомъ. Нача-

лась война и на морѣ. Адмиралъ Нахимовъ далъ Туркамъ морское сраженіе въ Синопской гавани; всего въ 1½ часа отъ цѣлаго турецкаго флота остался одинъ только корабль.

Французы и Англичане увидали, что Турція слишкомъ слаба для борьбы съ могущественнѣйшею Россіей. Они рѣшили помочь ей. Въ союзники себѣ они взяли Итальянцевъ. Огромный флотъ, состоящій изъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ кораблей, съ огромнымъ войскомъ, въ которомъ были и турецкіе солдаты, подошелъ къ Крыму. Кромѣ того англійскіе корабли сражались съ Русскими на Бѣломъ морѣ, около Камчатки и на Балтійскомъ морѣ; они хотѣли даже пробраться къ самому Петербургу, но въ этомъ имъ помѣшала неприступная морская крѣпость Кронштадтъ, которую они такъ и не могли взять.

Русская армія, бывшая въ Турціи, должна была вернуться и поспѣшить въ Крымъ. Враги готовились здѣсь осадить крѣпость Севастополь. Нашъ главнокомандующій, князь Меншиковъ, старался было помѣшать имъ, но не могъ; у него было гораздо меньше войска, чѣмъ у союзниковъ. Такимъ образомъ Севастополь былъ осажденъ. Съ моря эта крѣпость сильно защищена, но съ суши у нея никакихъ укрѣпленій не было. Русскіе, однако, не унывали; подъ руководствомъ искуснаго инженера Тотлебена стали они сооружать укрѣпленія. Старые и молодые, мужчины и женщины, всѣ бросились за работу.—копали рвы, дѣлали насыпи; работали днемъ и ночью. Въ самое короткое время Севастополь оказался прекрасно защищеннымъ и съ суши. Чтобы помѣшать непріятелю пройти въ его гавань, затопили, при входѣ въ нее, русскіе корабли, а пушки съ нихъ поставили на новыя укрѣпленія. Непріятели тоже возвели укрѣпленія и приступили къ осадѣ.

Эта осада, равной которой, пожалуй, и не сыщешь въ исторіи, продолжалась безъ перерыва цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ. День и ночь летѣли на несчастный городъ непріятельскія ядра; говорятъ, что всего было выпущено на Севастополь болѣе 2.000.000 ядеръ и истрачено болѣе 3.0000.00 пудовъ пороху. Кромѣ осады въ это время произошли три большихъ сраженія, не считая малыхъ; но союзниковъ было настолько больше, чѣмъ Русскихъ, и ихъ положеніе было настолько выгоднѣе, что наши войска всѣ раза были побѣждены.

Мало-по-малу городъ былъ почти разрушенъ. Множество народу уже погибло. Погибли славной смертью и адмиралы Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ. Между тѣмъ союзники все ближе и ближе подвигали свои укрѣпленія къ нашимъ. Положеніе Русскихъ становилось все хуже, но они были попрежнему храбры и попрежнему твердо защищали городъ.

14. Александръ II.

Паденіе Севастополя. Въ это время, 18 февр. 1855 года, скончался Николай Павловичъ. На престолъ вступилъ его сынъ, Императоръ Александръ Николаевичъ.

Онъ рѣшился продолжать войну. Но прежде всего пришлось перемѣнить главнокомандующаго, потому что князь Меншиковъ по болѣзни больше не могъ продолжать командовать. На его мѣсто былъ назначенъ князь Горчаковъ. Были произведены новые рекрутскіе наборы, составилось ополченіе. Но союзники прислали новыя войска—и увеличили ихъ до 200.000 человѣкъ; у нихъ также перемѣнился главнокомандующій.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятельскія укрѣпленія отстояли отъ нашихъ всего на какія-нибудь 30 сажень. Тогда непріатели рѣшились употребить послѣднее усиліе. Они открыли ужасную бомбардировку, избравъ своей цѣлью главное сева-стопольское укрѣпленіе, Малаховъ Курганъ. Цѣлыхъ три недѣли пальба не прекращалась ни на одинъ часъ. Почти весь Севастополь былъ разрушенъ, и 27-го августа непріатели произвели приступъ со всѣми своими войсками. Севастопольцы были такъ измучены за эту 11-мѣсячную осаду, что признали невозможнымъ дальше защищаться. Малаховъ Курганъ былъ взятъ; князь Горчаковъ приказалъ русскимъ войскамъ перейти изъ южной, главной, части города въ сѣверную. Союзники заняли южную часть, но имъ остались только груды мусора: передъ отходомъ князь Горчаковъ приказалъ взорвать оставшіеся зданія.

Этимъ кончилась война въ Европѣ. Между тѣмъ въ Малой Азіи Русскіе одерживали постоянныя побѣды надъ Турками. Они взяли между прочимъ турецкій городъ Карсъ, одну изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ мірѣ.

Въ мартѣ 1856 года былъ заключенъ миръ, названный Парижскимъ. Того, изъ-за чего началась война, Русскіе добились: султанъ обѣщалъ не притѣснять болѣе православныхъ въ Палестинѣ. Но зато Россія должна была отдать назадъ земли у устьевъ Дуная и часть Бессарабіи, полученныя по Адрианопольскому договору, а также и крѣпость Карсъ. Кромѣ того она обязалась срыть укрѣпленія Севастополя и не заводить на Черномъ морѣ военнаго флота (что исполнялось до 1871 г.).

Преобразованія Императора Александра II (Освобожденіе крестьянъ. Самоуправленіе. Гласный судъ. Всеобщая воинская повинность). Окончивъ Крымскую войну, Императоръ Александръ Николаевичъ занялся внутренними дѣлами государства. Онъ совершилъ много перемѣнъ, такихъ важныхъ и великихъ, какъ совершонныя Петромъ I. Эти преобразованія слѣдующія.

Долгое время, со временъ Бориса Годунова, крестьяне были крѣпостными. У нихъ не было своей земли; вся она принадлежала помѣщикамъ и казнѣ; крестьянамъ позволяли только обрабатывать ее, но зато они должны были работать на того, чья была земля. Но и своими семьями, и самими собой не могли распоряжаться крестьяне: помѣщики могли продавать крестьянъ, могли ихъ по своему желанію отдавать въ солдаты и т. д.

Императоръ Павелъ I, Александръ I и Николай I старались разными мѣрами облегчить тяжесть положенія крѣпостныхъ, но совсѣмъ уничтожить крѣпостное право они, по разнымъ соображеніямъ, не считали еще возможнымъ. Слава великаго дѣла уничтоженія крѣпостного права принадлежитъ императору Александру II.

Четыре года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ государя, обсуждался вопросъ, какъ лучше это сдѣлать, какъ устроить на будущее время положеніе крестьянъ. Когда работа эта была приведена къ концу, императоръ Александръ II, 19 февраля 1861 года, подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. вмѣстѣ съ обнародованіемъ этого манифеста было обнародовано «Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», т.-е. законъ о новомъ устройствѣ быта крестьянъ. Крестьяне получили личную свободу, какъ и всѣ остальные русскіе подданные, и были надѣлены

усадебной землей и полевыми угодьями. Такъ какъ земли эти отходили къ крестьянамъ отъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ, помѣщиковъ, то помѣщики должны были быть вознаграждены за это. Для облегченія обѣихъ сторонъ, и помѣщиковъ, и крестьянъ, были указаны нѣкоторыя временныя, переходныя мѣры, которыя черезъ нѣкоторое время были всѣ приведены къ тому, что правительство уплатило помѣщикамъ слѣдующія имъ суммы, а крестьяне, которые такимъ образомъ какъ бы получили ссуду отъ правительства, переданную помѣщикамъ, должны были уплатить ее правительству въ теченіе 49 лѣтъ выкупными платежами.

Вмѣстѣ съ свободой крестьянамъ дано было право самимъ управлять своими общественными дѣлами. Для этого учреждены были сельскіе и волостные сходы и должности выборныхъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Кромѣ того, учрежденъ волостной судъ, который разбираетъ судебныя крестьянскія дѣла. Такъ же былъ устроенъ и быть бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

Въ 1864-мъ году императоръ Александръ II утвердилъ «Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ». На основаніи его жители Россіи (за исключеніемъ Сибири и окраинъ) сами, подъ наблюденіемъ правительства, занимаются своими мѣстными хозяйственными дѣлами и нуждами, какъ, напр., больницами, дорогами, мѣстной торговлей, школами и т. п. Для этого жители cadaго уѣзда выбираютъ на 3 года изъ своей среды гласныхъ. Эти гласные собираются въ опредѣленные сроки вмѣстѣ, на земскія собранія, и обсуждаютъ всѣ дѣла, которыя подлежатъ ихъ вѣдѣнію. Рѣшенія ихъ приводятся въ исполненіе уѣздными управами, состоящими изъ председателя и, обыкновенно, двухъ членовъ; лица эти выбираются гласными изъ своей среды. Уѣздные гласные выбираютъ изъ своего числа губернскихъ гласныхъ, которые вмѣстѣ съ губернскими гласными отъ другихъ уѣздовъ той же губерніи составляютъ губернское земское собраніе, для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, касающихся цѣлой губерніи. Губернское земское собраніе, для исполненія его постановленій, избираетъ губернскую земскую управу.

Такъ же потомъ было устроено и городское хозяйство, съ той разницей, что городскіе гласные избираются на 4 года и со-

ставляютъ городскую думу; избранная городской думой городская управа состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы.

До Александра II судьи судили наединѣ. Въ 1864-мъ году былъ учрежденъ гласный судъ. Мелкія дѣла разбираютъ сами судьи (они носятъ разныя названія). Болѣе важныя преступленія судятъ иначе, въ окружныхъ судахъ, которые находятся только въ губернскихъ и нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ уѣздныхъ городахъ; въ тѣ же города, гдѣ окружнаго суда нѣтъ, онъ пріѣзжаетъ только нѣсколько разъ въ году. Окружному суду подлежатъ какъ болѣе крупныя гражданскія дѣла, т.-е. денежные споры, споры объ имуществѣ, долгахъ и т. п., такъ и болѣе важныя уголовныя, т.-е. объ убійствахъ, грабежахъ, поджогахъ, болѣе крупныя кражи и мошенничества. Судятъ въ окружныхъ судахъ три судьи вмѣстѣ, а не одинъ. Кромѣ того, для суда надъ нѣкоторыми дѣлами выбираютъ присяжныхъ засѣдателей изъ жителей той мѣстности, гдѣ происходитъ судъ; присяжные засѣдатели, по разсмотрѣніи дѣла, говорятъ по совѣсти, какъ они думаютъ, виновенъ ли подсудимый, или нѣтъ; если присяжные скажутъ, что виновенъ, то уже судьи-чиновники подыскиваютъ положенное закономъ наказаніе; если скажутъ, что не виновенъ, то подсудимаго отпускаютъ на свободу. Самое главное отличіе новаго суда отъ стараго, самое важное его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ есть судъ устный и гласный. Теперь всѣ улики противъ подсудимаго разсматриваются публично; по разсмотрѣніи ихъ обвинитель говоритъ, почему онъ думаетъ, что подсудимый виновенъ, а подсудимый тутъ же защищается, или самъ, или чрезъ защитника. При этомъ онъ имѣетъ право приводить всякіе доводы въ свою защиту, опровергать всякія выставленныя противъ него улики; прежде же подсудимый былъ очень въ этомъ стѣсненъ; такъ, напримѣръ, если противъ него показали два свидѣтеля, то онъ уже непремѣнно считался виновнымъ. Большинство же дѣлъ разбирается теперь къ тому же и гласно, т.-е. всякій можетъ прійти и слушать разборъ; само собой разумѣется, что постановить рѣшеніе неправильно при всѣхъ гораздо труднѣе, чѣмъ наединѣ. Если кто недоволенъ рѣшеніемъ перваго суда, то можетъ жаловаться въ высшія судебныя учрежденія и если

его жалоба окажется основательной, то его дѣло можетъ быть пересмотрѣно и перерѣшено.

Наконецъ, въ 1874-мъ году, Александръ II даровалъ всеобщую воинскую повинность. Прежде брали въ солдаты только крестьянъ и мѣщанъ. Срокъ службы былъ 25 лѣтъ; дѣти солдатъ тоже обязаны были быть солдатами. Значитъ, если парень попадалъ въ солдаты, то для семьи его было все равно, какъ если бы онъ умеръ. Теперь не то. Во-первыхъ, берутъ въ солдаты изъ всѣхъ сословій, и крестьянъ, и дворянъ, и купцовъ, и духовныхъ; самый большой срокъ пять лѣтъ; пять лѣтъ пройдетъ скоро и солдатъ снова возвращается въ семью, снова дѣлается ея членомъ. Берутъ теперь не всѣхъ, а съ выборомъ: если въ семьѣ отецъ, напимѣръ, старъ, боленъ, и семья вся кормится только сыномъ, то его не возьмутъ: это значило бы разорить семью. Да и изъ подлежащихъ службѣ идутъ только тѣ, на кого падеть жребій. Пятилѣтній срокъ службы можетъ быть еще сокращенъ, до одного года: кто больше учится, тому меньше служить. Впрочемъ, всякій, бывшій въ дѣйствительной службѣ, нѣсколько лѣтъ послѣ нея состоитъ въ запасѣ, т.-е. его могутъ призвать снова на службу въ случаѣ войны; но это можетъ случиться только при очень большой опасности, когда не хватаетъ войска. На этотъ случай обучаются военнымъ приѣмамъ и тѣ, которые не попадаютъ на службу, какъ не вынувшіе жребія.

Чрезвычайно много сдѣлалъ Александръ II для просвѣщенія. Между прочимъ въ 1874-мъ году было утверждено «Положеніе о начальныхъ училищахъ». Съ этого времени и начали открываться во множествѣ сельскія школы, которыхъ теперь нѣсколько десятковъ тысячъ. Число гимназій и вообще средне-учебныхъ заведеній также очень возросло, съ 88 до 280.

Внѣшнія дѣла Александра II (Покореніе Кавказа. Покореніе Хивы. Освобожденіе Славянъ). Императору Александру Николаевичу пришлось вести, кромѣ Крымской, еще нѣсколько войнъ.

Уже давно Россія овладѣла нѣкоторыми землями, лежащими по ту сторону Кавказа, и, между прочимъ, Грузіей, а также частью самого Кавказа. Но дикіе кавказскіе горцы все не подчинялись намъ; выходило, что среди русскихъ земель лежатъ государство нерусское. Мало того: горцы постоянно разбойничали и нападали на Русскихъ, жившихъ рядомъ съ ними.

Во время Крымской войны, враги наши много помогали горцамъ: къ тому же на Кавказѣ въ это время явился одинъ очень умный и храбрый предводитель, Шамиль. Такъ дѣла дальше оставлять было нельзя, и Александръ II рѣшился во что бы то ни стало покорить весь Кавказъ. Онъ послалъ туда главнокомандующимъ князя Барятинскаго.

Трудна была война въ горахъ, но Русскіе сладили. Мало-помалу, въ теченіе многихъ лѣтъ, завоевали они шагъ за шагомъ земли горцевъ; какъ скоро возьмутъ какое-нибудь мѣсто, сейчасъ прокладываютъ дороги, строятъ крѣпости. Но и горцы нелегко уступали; особенно сильно сдѣлалось ихъ сопротивленіе, когда Шамиль завелъ у нихъ новыя крѣпости, оружейные и пороховые заводы и т. д. Но, наконецъ, почти всѣ его земли были взяты Русскими, и онъ заперся въ своей крѣпости Гунибѣ. Однако, послѣ долгой защиты онъ принужденъ былъ покориться. Въ 1859-мъ году онъ сдался въ плѣнъ, и восточный Кавказъ былъ присоединенъ къ Россіи.

Черезъ пять лѣтъ новый намѣстникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, покорилъ и западный Кавказъ.

Теперь пришла очередь другимъ врагамъ Россіи на югѣ. Ханства Средней Азіи не давали покоя жившимъ около ихъ границъ Русскимъ,—то караванъ купеческій перебыютъ, то деревню пограничную разграбятъ.

При имп. Александрѣ II противъ этихъ разбойничьихъ ханствъ были приняты рѣшительныя мѣры. Прежде всего были побѣждены ханъ Кокандскій и эмиръ Бухарскій. У нихъ были отняты города Туркестанъ, Ташкентъ и древній Самаркандъ съ ихъ областями. Изъ этихъ областей было образовано, въ 1867-мъ году, Туркестанское генералъ-губернаторство, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ. Немного спустя былъ побѣжденъ и ханъ Хивинскій. Нелегко досталась эта побѣда. Хива отдѣлена отъ русскихъ владѣній безводной, песчаной пустыней. Три мѣсяца продолжался тягостный походъ по этой пустынѣ, при чемъ жара доходила до 45°. Сама же Хива была завоевана всего въ три недѣли. Хивинскій ханъ часть своихъ земель уступилъ Россіи, а въ оставшейся у него части управляетъ въ зависимости отъ русскаго правительства. Окончательно же были усмирены эти разбойничьи народы послѣ побѣды надъ дикими

и воинственными Текинцами; въ 1881-мъ году генераль Скобелевъ взялъ ихъ главную крѣпость Геокъ-Тепе и заставилъ ихъ принять русское подданство.

Самой великой войной императора Александра II была война за освобожденіе Славянъ.

Положеніе Славянъ, живущихъ на Балканскомъ полуостровѣ подъ турецкой властью, было изстари очень тяжелое. Въ 1875-мъ году жители Босніи и Герцеговины, не вынося болѣе притѣсненій, возстали противъ Турокъ. Турки не могли съ ними справиться, чтобы, однако, хотя чѣмъ-нибудь отмстить, они начали избивать еще мирныхъ Славянъ; случалось, что они вырѣзывали цѣлыя деревни. Отъ этого возстаніе все болѣе и болѣе распространялось, и наконецъ князья Сербскій и Черногорскій рѣшились помочь возставшимъ. Россія также не могла быть равнодушной: всѣ Славяне православные, и ей ли, величайшей православной странѣ, было оставить своихъ братьевъ по вѣрѣ безъ поддержки? Командованіе надъ сербской арміей принялъ на себя русскій генераль Черняевъ, прославившійся во время Туркестанской войны; множество Русскихъ поѣхали на войну добровольцами; со всѣхъ концовъ Россіи посылали въ Сербію и Черногорію огромныя денежныя пожертвованія. Но маленькой Сербіи нельзя было тягаться съ Турціей. Сербы были побѣждены. Турки готовились разгромить всю Сербію.

Тогда на защиту Славянъ выступилъ самъ императоръ Александръ II. Онъ послалъ требованіе заключить перемиріе и, чтобы султанъ не посмѣлъ ослушаться, приказалъ приготовить къ войнѣ и придвинуть къ турецкой границѣ сильную армію. Перемиріе было заключено; начались переговоры объ улучшеніи положенія Славянъ. Это было осенью 1876-го года. Переговоры затянулись надолго. Турки ни на какія требованія не соглашались: имъ тайно помогали Англичане и Австрійцы, которые употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать могуществу Россіи. Затягивая переговоры, Турки въ то же время усиливали свое войско.

Тогда нашъ Государь самъ пріѣхалъ къ русской арміи, и 12-го апрѣля 1877-го года приказалъ ей переходить черезъ турецкую границу, т.-е. объявилъ Турціи войну. Главнокомандующимъ былъ назначенъ великій князь Николай Ни-

колаевичъ Старшій. Въ то же время началась война противъ Турокъ и въ Малой Азіи; тамъ главнокомандующимъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Частью войскъ на Балканскомъ полуостровѣ начальствовалъ наследникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Совершивъ удачно переправу черезъ Дунай, наши войска пошли къ Балканскимъ горамъ, постоянно побѣждая Турокъ. Наконецъ, генералъ Гурко занялъ главный проходъ черезъ Балканы, Шипкинскій. Но тутъ Русскіе были встрѣчены столь сильной турецкой арміей, что вынуждены были остановиться. Между тѣмъ другая сильная часть турецкихъ войскъ, подъ начальствомъ Османъ-Паши, засѣла въ городѣ Плевнѣ и укрѣпилась въ ней; нельзя было идти дальше, не уничтоживъ этого войска.

Началась знаменитая осада Плевны, во время которой такъ прославился Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ 2-й, «бѣлый генералъ». Осадными работами завѣдывалъ извѣстный русскій инженеръ, генералъ Тотлебенъ, который былъ уже знаменитъ своимъ умѣньемъ строить укрѣпленія со временъ Севастопольской обороны. Почти пять мѣсяцевъ продолжалась эта осада, съ 8-го іюля по 28-е ноября. Наши войска произвели нѣсколько удивительныхъ атакъ, но Османъ каждый разъ отбивалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе положеніе его становилось все хуже и хуже; 28-го ноября онъ сдался въ плѣнъ съ цѣлой арміей въ 40.000 человѣкъ. Государь все это время находился при арміи. Дѣля съ ней труды и лишения, пока не стало ясно, что побѣда склоняется въ нашу сторону.

Но на Шипкѣ оставалась еще сильная турецкая армія въ 30.000 человѣкъ. Противъ нея былъ посланъ генералъ Радецкій. 28-го декабря произошла битва у города Казанлыка, и Шипкинская турецкая армія тоже сдалась въ плѣнъ. Русскіе перешли черезъ Балканы.

Про знаменитый переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы одинъ иностранецъ пишетъ, что во время его онъ убѣдился, что русскіе солдаты могутъ творить чудеса. При 30-градусномъ морозѣ, отъ котораго у людей шла кровь изъ ушей, носа и горла, при вьюгѣ и метели, которыя сносили солдатъ въ пропасти или засыпали ихъ снѣгомъ, Русскіе, окруженные со всѣхъ

сторонѣ непріятелемъ. перешли одиѣ изъ высочайшихъ горъ. Турки такъ были поражены этимъ подвигомъ и такъ ослаблены своими пораженіями, что безъ боя отдали намъ свой второй городъ, Адрианополь (18-го января).

Въ Азіи наши войска сражались такъ же блистательно. Изъ всѣхъ тамошнихъ побѣдъ самая знаменитая—взятіе Карса. Карсъ считался непобѣдимой крѣпостью, и Турки никакъ не ожидали, что имъ придется потерять его. Однако, какъ ни защищался онъ, генераль Лорисъ-Меликовъ взялъ его 5 ноября 1877 года.

Уже послѣ битвы при Казанлыкѣ Турки стали просить мира. Великій князь однако согласился дать его лишь 19 февраля 1878 года, когда наши войска пришли въ городъ Санъ-Стефано, отстоящій отъ Константинополя всего на десять верстъ.

Санъ-Стефанскій договоръ былъ, впрочемъ, нѣсколько измѣненъ Берлинскимъ конгрессомъ, на который съѣхались послы всѣхъ великихъ державъ для совмѣстнаго обсужденія условій мира. На этомъ конгрессѣ былъ составленъ такъ называемый Берлинскій трактатъ. На основаніи его Россія получила новыя земли—часть Бессарабіи, взятую у ней послѣ Крымской кампаніи, и особенно важныя земли въ Малой Азіи, гдѣ ей, между прочимъ, достались города Карсъ и Батумъ. Кромѣ того Турція обязалась уплатить Россіи 300 милліоновъ рублей. Новыя земли получили также Румынія, Сербія и Черногорія. Но самымъ важнымъ было то, что были освобождены Балканскіе Славяне: Сербія и Черногорія были признаны независимыми княжествами (позднѣе Сербія была обращена въ королевство), и, главное, было образовано новое княжество—Болгарія.

Кончина Императора Александра II. Освобожденіе Славянъ было послѣднимъ великимъ дѣломъ императора Александра Николаевича. Уже давно нѣкоторые люди, враги Россіи, покушались на жизнь государя; однако попытки эти не удавались. Но, наконецъ, Богъ допустилъ совершиться страшному несчастію: 1 марта 1881 года злодѣи безчеловѣчно ранили Царя-Освободителя, и черезъ нѣсколько часовъ онъ мученически скончался.

15. Александръ III.

Послѣ кончины Александра II на престолъ вступилъ сынъ его, императоръ Александръ III.

Царствованіе императора Александра Александровича было непродолжительно, но чрезвычайно важно.

Государь зналъ, что счастье народа его зависить прежде всего отъ того, чтобы онъ жилъ мирно, чтобы онъ могъ спокойно устроить свою жизнь. И поэтому онъ болѣе всего заботился о мирѣ. Не только самъ онъ не велъ ни одной войны, но, пользуясь своимъ могуществомъ, предупреждалъ войны и между другими народами. Три государства, Германія, Австрія и Италія, вступили между собой въ союзъ и этимъ сдѣлались такъ сильны, что начали угрожать безопасности и миру Европы. Императоръ Александръ III заключилъ тѣсную дружбу съ Франціей, и тогда всѣ уже поняли, что если такой могущественный государь, какъ русскій императоръ, не желаетъ войны и находится въ дружбѣ съ другой сильной державой, то, значитъ, миръ нѣмъ нарушенъ быть не можетъ. Поэтому еще при жизни своей императоръ Александръ Александровичъ получилъ славное имя Царя-Миротворца.

Внутри своего государства Александръ III также всѣми мѣрами заботился объ общемъ благосостояніи и спокойствіи.

Чтобы было больше порядка въ крестьянской жизни, онъ учредилъ должность земскихъ начальниковъ, которые должны, каждый въ своемъ участкѣ, наблюдать за этой жизнью, предупреждать и устранять всякіе безпорядки и неурядицы, наблюдать, чтобы сельскіе и волостные сходы и волостные суды постановляли правильныя рѣшенія, судить сами въ болѣе важныхъ случаяхъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ, для поднятія крестьянскаго благосостоянія государемъ были приняты и другія мѣры: такъ, была отменена подушная подать, которую крестьяне прежде платили съ души; этимъ очень уменьшились ихъ платежи, а чтобы отъ того не уменьшились и государственные доходы, были введены нѣкоторые новые налоги, которые приходится платить людямъ, болѣе состоятельнымъ: былъ учрежденъ Крестьянскій банкъ, который помогаетъ крестьянамъ покупать землю;

были приняты мѣры къ облегченію переселеній изъ густо-населенныхъ мѣстъ въ мѣста, гдѣ есть свободныя земли.

Но Александръ III заботился не менѣе и о другихъ сословіяхъ, особенно о дворянахъ. Положеніе помѣщиковъ, послѣ освобожденія крестьянъ, стало очень затруднительнымъ, потому что они сразу перестали пользоваться даровымъ трудомъ крѣпостныхъ. Императоръ заботился о томъ, чтобы улучшить это положеніе, и желалъ, чтобы помѣщики болѣе жили по своимъ имѣніямъ, и оказывали, словомъ и дѣломъ помощь своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ.

Изданы были законы, внесшіе порядокъ въ бытъ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ; много было сдѣлано для поднятія отечественной промышленности и торговли. Чрезвычайное вниманіе государя обращало на себя войско, потому что только при помощи сильнаго войска возможно поддерживать тотъ общій миръ, о которомъ такъ заботился покойный государь.

Важнымъ закономъ для просвѣщенія былъ законъ о церковно-приходскихъ школахъ. Благодаря ему, духовенство само получило возможность открывать народныя школы, и потому число ихъ стало умножаться еще быстрѣе, чѣмъ прежде. Кромѣ того, государь приказывалъ устраивать разныя такъ называемыя техническія и профессиональныя школы, въ которыхъ обучаютъ какому-нибудь мастерству, какому-нибудь опредѣленному дѣлу. Значитъ воспитанники ихъ, кончая курсъ, прямо могутъ заняться какимъ-нибудь дѣломъ, къ которому именно они и подготовлены.

Въ своей личной жизни государь являлъ примѣръ рѣдкихъ добродѣтелей. Онъ былъ глубоко вѣрующимъ, искренне православнымъ человѣкомъ, горячо преданнымъ Православной Церкви; при немъ поэтому много сдѣлано на ея пользу,—построено много храмовъ, торжественно празднованы 1000-лѣтіе Славянскихъ первоучителей, 900-лѣтіе крещенія Россіи, 500-лѣтіе со дня представленія пр. Сергія Радонежскаго.

Образцовый семьянинъ, онъ считалъ лучшимъ для себя отдыхомъ отъ своихъ великихъ трудовъ, когда онъ могъ провести нѣкоторое время среди своей семьи. Онъ любилъ жить не въ Петербургѣ, а близъ Петербурга, въ Гатчинѣ, гдѣ велъ жизнь тихую, простую, безъ всякой пышности, окружая себя по воз-

возможности всѣмъ русскимъ. ибо онъ болѣе всего любилъ русское: русское искусство, русскихъ писателей, русскую исторію. И самъ онъ имѣлъ внѣшность чисто-русскую: высокій, могучій, съ окладистой русской бородой, съ добрыми голубыми глазами и привѣтливой улыбкой, онъ неотразимо привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто имѣлъ счастье видѣть его и говорить съ нимъ.

Но, несмотря на эту необыкновенную доброту свою, онъ имѣлъ твердую волю, которая видна во всѣхъ его поступкахъ, во всѣхъ его законахъ и рѣшеніяхъ, и отличался большой смѣлостью и неустрашимостью. Когда въ Петербургѣ была холера, онъ не выѣхалъ изъ города, а даже самъ посѣтилъ холерную больницу. Вообще, онъ неоднократно осматривалъ больницы и не боялся входить въ тѣ палаты, гдѣ лежали самые заразные больные.

Но особенное величіе души своей выказалъ онъ во время крушенія царскаго поѣзда, близъ станціи Борки, 17 октября 1888 года. Онъ возвращался съ своей царской семьей съ Кавказа, и вотъ, недалеко отъ Харькова, произошло ужасное несчастье. Царскій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе, всѣ вагоны рухнули и придавили всѣхъ ѣхавшихъ. Нѣкоторые были сильно ранены и даже убиты, но царская семья, по дивному милосердію Божію, осталась невредима; когда государь и его семейство вышли изъ-подъ обломковъ, то первой его заботой было поспѣшить подать помощь раненымъ; онъ самъ, съ своей супругой, Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной, и съ своимъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ ухаживалъ за ними, помогалъ освобождать ихъ изъ-подъ обломковъ, и только когда здѣсь все было сдѣлано, отправился на ближайшую станцію, послалъ за ближайшимъ приходскимъ священникомъ и горячо молился, вмѣстѣ со всѣми бывшими тамъ въ то время, благодаря Господа за чудесное свое избавленіе.

Казалось, что императору Александру III суждено было долго жить: такимъ цвѣтущимъ здоровьемъ онъ обладалъ. Но съ 1894 года онъ сталъ недомогать; однако, онъ не обращалъ на это вниманія и попрежнему не щадилъ себя въ работѣ на благо Россіи. Но болѣзнь стала усиливаться, и когда онъ началъ серьезно лѣчиться у лучшихъ докторовъ, то было уже поздно: никакія усилія лучшихъ докторовъ не могли спасти его.

20 октября 1894 года онъ скончался. 49 лѣтъ отъ роду. Кончина его была праведная. Утромъ въ тотъ день онъ сказалъ своей Супругѣ: «Чувствую конецъ. Будь покойна. Я совершенно покоенъ». Затѣмъ исполнилъ весь долгъ христіанскій, со всѣми простился и въ полной памяти, безболѣзненно и безбоязненно, скончался окруженный всею семьей своею.

На престолъ всероссійскій вступилъ Сынъ и Наслѣдникъ его, Государь Императоръ Николай Александровичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Земля славянъ. 3

2. Первые князья русскіе.

Рюрикъ (начало Русскаго государства. Первые русскіе христіане).	4
Олегъ	6
Игорь	6
Ольга и Святославъ	7

3. Святой Владимиръ Равноапостольный.

Владимиръ-язычникъ	9
Крещеніе Владимира	10
Владимиръ-христіанинъ	12

4. Отъ смерти Владимира до нашествія татаръ.

Борьба между наслѣдниками Владимира	14
Ярославъ Мудрый	16
Кіево-Печерская лавра	17
Удѣльные смуты	18
Владимиръ Мономахъ	19
Возвышеніе сѣверной Россіи	21

5. Татарское иго (Владычество татаръ).

Нашествіе татаръ	24
Александръ Невскій	29
Іоаннъ Калита	33
Дмитрій Донской (Св. Алексій Митрополитъ)	36
Свв. Сергій Радонежскій, Стефанъ Пермскій, Зосима и Савватій Соловецкіе	41

6. Юго-Западная Россія.

Галицкое княжество	44
Литва	46

7. Іоаннъ III и Іоаннъ IV.

Іоаннъ III	48
Іоаннъ IV.	54

8. Смутное время.

Оеодоръ Іоанновичъ	65
Борисъ Годуновъ и Лжедмитрій I.	66

Василій Шуйскій и Лжедмитрій II	69
Междоусобице	71

9. Цари изъ дома Романовыхъ.

Михаилъ Θεодоровичъ	74
Алексѣй Михайловичъ	77

10. Петръ Великій.

Дѣтство и юность Петра	84
Начало самодержавія Петра	87
Азовская война и поѣздка за границу	88
Сѣверная война	90
Внутреннія дѣла Петра	95
Участіе церкви въ преобразованіяхъ Петра	100
Характеръ и кончина Петра	102

11. Екатерина Великая.

Внутреннія дѣла Екатерины II.	106
Внѣшнія дѣла Екатерины II.	108
Суворовъ и вторая турецкая война	109
Паденіе Польши	111
Чума и Пугачевъ	113
Кончина Екатерины II	115
Павелъ I.	115

12. Александръ I.

Начало царствованія Александра I.	118
Война 1812 года	119
Сверженіе Наполеона и кончина Александра I.	125

13. Николай I.

Внутреннія дѣла	126
Турецкая война	127
Крымская кампанія	128

14. Александръ II.

Паденіе Севастополя	130
Преобразованія Имп. Александра II (Освобожденіе крестьянъ. Самоуправленіе. Гласный судъ. Всеобщая воинская повинность)	131
Внѣшнія дѣла Имп. Александра II. (Покореніе Кавказа. Покореніе Хивы. Освобожденіе славянъ).	134
Кончина императора Александра II	138

15. Александръ III.	139
-----------------------------	-----

1913 г.

Отечественная война 1812 г. Настѣни. листъ съ иллюстр. главн. дѣятелей и моментовъ войны. Состав. полковн. Т. В. Буякинъ и учит. О. А. Уткина, подъ редак. А. Ф. Гартвига. Ц. 5 коп.

Побѣдинскій, И.—Географія Европы. Съ 122 рисунками, двумя картами, вопросами и задачами. Для 3-го кл. средн. учебн. завед. и торговыхъ школъ. Ц. 80 коп.

Потуловъ, Н. И.—Хронологическая таблица русской исторіи. Состав. по руководствамъ Иловайскаго и Соловьева. Ц. 25 коп.

Преображенскій, Г. Н.—Краткая исторія Россійск. Государства для православи. рус. народа и народныхъ школъ. Ц. 25 к.

Романовскій, В. Е.—Руководство по русской исторіи. (Для старшихъ классовъ, средней школы и для самообразованія). Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна за обѣ части 2 руб. 50 коп.

Его же.—Учебникъ русской исторіи, для старшихъ классовъ средней школы. Ц. 1 р. 25 к.

Его же.—Отечественная война 1812 года. Съ 70 рис. Изд. 2-е. Ц. 40 коп.

Его же.—Наполеонъ I и Александръ I, до и послѣ войны 1812 года. Съ рис. Ц. 40 коп.

Соловьевъ, Н. А.—Юность Наполеона I и начало его карьеры. Популярный очеркъ. Съ рис. Ц. 35 коп.

Его же.—Наполеонъ въ ссылкѣ (на островѣ св. Елены). Популярный очеркъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Терешкевичъ, А. А.—Начало географіи. Книга для чтенія въ начальн. и сельск. учил. Ч. 1. Курсъ средняго отдѣлен. начальныхъ училищъ. Съ приложеніемъ конспекта прочтани. и карты Рос. Имперіи. Ц. 65 коп., въ перепл. 80 коп.

Таратущенко, М. Я.—Элементарный курсъ русской исторіи. Руководство для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ рисунками, картами, таблицами и спискомъ книгъ для чтенія. Ц. 60 к.

29477

1399
с. мт

Цѣна 20 коп.

Т-во Скоропеч А.А. ЛЕВЕНСОНЪ, Москва.

3745.513

